

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (70) 2024

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
20.09.2024.

Дата выхода в свет:
27.09.2024.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 22,5.
Усл. печ. л. 20,9.
Тираж 250 экз.
Заказ 45.

Цена по подписке
на 2024 г.
по каталогу
«Пресса России»
1544 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2024

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, главный эксперт-специалист отдела организации деятельности временных формирований МВД России, сформированных для решения задач в особых условиях, управления организационного обеспечения комплексного применения сил и средств ОВД, функционирующих в особых условиях, Главного управления оперативного реагирования МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2024. —
No 3 (70). — 180 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 3 (70)
2024

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
20.09.2024.

Date of publication:
27.09.2024.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 22,5.
Conventional print sheets 20,9.
250 copies.
Order 45.

Subscription price
for the 2024
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1544 rub. 00 kop.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2024

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Chief Expert-Specialist of the Department for Organizing the Activities of Temporary Formations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Formed to Solve Problems in Special Conditions, Department of Organizational Support for the Integrated Use of Forces and Means of Internal Affairs Bodies Operating in Special Conditions, Main Directorate of Rapid Response of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Щепельков В. Ф.
Перспективы
уголовно-правового противодействия
компьютерным преступлениям

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А.
Проблемы квалификации
неправомерного оборота средств платежей

Лобанова Л. В., Малимонова М. А.
О круге обстоятельств, подлежащих учету
при реализации специальных правил
назначения наказания
при рецидиве преступлений

*Смагоринский Б. П., Алексеева А. П.,
Анисимова Т. В.*
Перспективы возобновления
исполнения наказания в виде смертной казни
в Российской Федерации:
криминологический анализ

Третьяков В. И., Нифталиева И. А.
Категория «справедливость»
в уголовном праве:
социально-философский подход

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Асанов Р. Ш.
Протоколы следственных действий
в современном досудебном производстве:
закрепление правообеспечительных гарантий

Вологина Е. В., Голоманчук Э. В.
Требование к допустимости доказательств
при рассмотрении дела судом
в уголовном процессе

Даровских О. И., Рудич В. В.
Стимулирование участников
уголовного судопроизводства
как средство обеспечения эффективной
процессуальной деятельности

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Shchepelkov V. F.
Perspectives
of criminal-legal counteraction
to computer crimes

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

9
Likholetov A. A., Likholetov Ye. A.
On problems related to qualify
illegal trafficking means of payments

21
Lobanova L. V., Malimonova M. A.
On range of circumstances taken into account,
while implementing special rules
to impose punishment
in terms of repetition of crimes

28
*Smagorinsky B. P., Alexeyeva A. P.,
Anisimova T. V.*
Perspectives to resume
the death penalty execution
in the Russian Federation:
criminology analysis

34
Tretyakov V. I., Niftalieva I. A.
The category of "justice" in criminal law:
social philosophical approach

CRIMINAL PROCEDURE

41
Asanov R. Sh.
Records of investigative actions
in acting pre-trial proceedings:
fixation of enforceable guarantees

55
Vologina Ye. V., Golomanchuk E. V.
Requirement for evidence to be admissible,
while trying a case in criminal proceedings
by the court

62
Darovskikh O. I., Rudich V. V.
Motivation of parties
of criminal proceedings
as means to ensure effective
procedural activity

<i>Зотова А. Ф.</i> Отдельные аспекты публичности уголовного судопроизводства	69	<i>Zotova A. F.</i> Selected aspects of publicity of criminal proceedings
<i>Колоколов Н. А.</i> Генезис (конструкция), консервация, выявление и исправление (деконструкция) ошибок, допущенных субъектами уголовного процесса (детальный анализ судебной практики) (часть 3)	76	<i>Kolokolov N. A.</i> Genesis (construction), preservation, identification and correction (deconstruction) of errors made by subjects of criminal proceedings (detailed analysis of judicial practice) (part 3)
<i>Колосович О. С.</i> Принцип взаимного признания как основа международного сотрудничества по уголовным делам государств — членов Европейского союза	87	<i>Kolosovich O. S.</i> Principle of mutual admission as a basis for international cooperation of the member states of the European union in criminal cases investigation
<i>Попова Л. В., Шаутаева Г. Х.</i> О целесообразности особого уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	93	<i>Popova L. V., Shautayeva G. Kh.</i> On the issue related to feasibility of special criminal proceedings in cases on the crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Замылин Е. И.</i> Психологическое воздействие в ходе «конфликтного следствия» как необходимая составляющая тактики следователя	101	<i>Zamylin Ye. I.</i> Psychological influence in the process of the "conflict investigation" as a necessary component of the investigator's tactics
<i>Янин С. А.</i> Система и задачи криминалистического обеспечения расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России	112	<i>Yanin S. A.</i> System and tasks of criminalistic support for the investigation of crimes related to the cultural heritage of the peoples of Russia
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
<i>Захаров Н. Д.</i> Правовые основы регулирования отношений в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия преступности (часть 2)	119	<i>Zakharov N. D.</i> Legal basis to regulate relations in information and telecommunication networks in the Russian Federation as a form to counteract crime (part 2)
<i>Шаров В. И.</i> Оперативно-разыскное право и оперативно-разыскная деятельность	128	<i>Sharov V. I.</i> Detective law and detective activity

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Вельможко Д. Ю.
Дискуссионные вопросы
определения объекта преступлений,
связанных с уклонением от уплаты налогов
и иных обязательных платежей

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Незнаева Д. Е.
Становление
уголовного законодательства России
о незаконном осуществлении деятельности
по возврату просроченной задолженности
физических лиц

Олесовец В. Г.
Социально-философские аспекты
трудовой деятельности
как средства исправления осужденных
в контексте наказания
в виде исправительных работ

Свяженина А. А.
Участие педагога и психолога
в уголовном судопроизводстве
как гарант обеспечения и защиты
психологического благополучия
несовершеннолетнего лица

Тучков Я. В.
Цифровизация уголовного судопроизводства
как условие повышения прозрачности
деятельности его властных субъектов

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Азаров В. А.
Отзыв официального оппонента о диссертации
Константина Дмитриевича Муратова
«Вещественные доказательства
в уголовном судопроизводстве»,
представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук
(специальность 5.1.4 — уголовно-правовые
науки)

SCIENTIFIC DISCUSSION

135 *Velmozhko D. Yu.*
Discussable issues of the definition
of the object of the crimes
related to evasion of taxes
and other mandatory payments

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

142 *Neznayeva D. Ye.*
Formation
of criminal legislation in Russia
related to the illegal activities
to recover overdue debts of individuals

149 *Olesovets V. G.*
Social philosophical aspects of work
as a means of convicted persons' correction
within the context of punishment
in the form of correctional labour

156 *Svyazhenina A. A.*
Teacher and psychologist's participation
in criminal proceedings as a guarantor
of ensuring and protecting
the psychological well-being of a minor

162 *Tuchkov Ya. V.*
Criminal proceedings digitalization
to improve the transparency
of authorities' activities

REVIEWS AND REFEREE REPORTS OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS, MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS

172 *Azarov V. A.*
Official opponent's review
of Konstantin Dmitrievich Muratov's thesis
"Physical evidence in criminal proceedings"
submitted for the academic degree
of doctor of juridical sciences
(academic specialty
5.1.4 – criminal legal sciences)

УДК 343.34

**ПЕРСПЕКТИВЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОМПЬЮТЕРНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ****Владислав Федорович Щепельков**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, volga0@yandex.ru

Аннотация. В последнее десятилетие наблюдается небывалый рост компьютерных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Данное обстоятельство вынудило государство принимать экстраординарные меры по противодействию компьютерным преступлениям. Возникла потребность в более глубоком научном изучении феномена компьютерной преступности на современном этапе в целях купирования имеющихся и перспективных криминологических угроз компьютерной безопасности в том числе уголовно-правовыми средствами.

В статье определены тенденции развития законодательства об ответственности за компьютерные преступления. На основе анализа специальной литературы выделены типичные угрозы компьютерной безопасности. В рамках разработки предложений по совершенствованию уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям выделяются направления, по которым имеет смысл осуществлять корректировку уголовного законодательства. Обосновывается необходимость уголовно-правового ответа на новые и изменяющиеся старые угрозы, идущие от компьютерных преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, киберпреступления, преступления в сфере компьютерной информации, криминализация деяний, дифференциация уголовной ответственности, уголовный закон

Для цитирования: Щепельков В. Ф. Перспективы уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 9—14.

**PERSPECTIVES OF CRIMINAL-LEGAL COUNTERACTION
TO COMPUTER CRIMES****Vladislav Fedorovich Shchepelkov**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, volga0@yandex.ru

Abstract. There has been an unprecedented increase in the commission of computer-related crimes using information and telecommunication technologies or in the area of computer information in the last decade. This circumstance has enforced the government to take extraordinary measures to put up resistance of computer crimes. There is a need for a deeper scientific study of the phenomenon of computer crime at the present stage in order to control existing and prospective criminal threats to computer security including penal means.

The article defines trends in the development of legislation on responsibility for computer crimes. The analysis of specialized literature revealed typical threats to computer security. In the process of developing proposals to improve the penal counteraction to computer crimes, the trends in which it makes sense to adjust the criminal legislation are placed in strong relief. The necessity of penal response to the new and changing old threats coming from computer crimes is substantiated.

Keywords: computer crimes, cybercrimes, computer-related crimes, illegal acts, the difference of criminal responsibility, criminal law

For citation: Shchepelkov V. F. Perspectives of criminal-legal counteraction to computer crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2024. (In Russ.).

В статистических сборниках МВД России с 2017 г. появилась новая графа, в которой ведется учет преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В доктрине указанные преступления называют по-разному¹ (в дальнейшем будем именовать их компьютерными преступлениями). В 2017 г. было зарегистрировано 90 587 таких преступлений (4,4 % от всех зарегистрированных), в 2022 г. — 522 100 (26,5 %), в 2023 г. — 677 000 (34,8 %). Имеет место и абсолютный и относительный рост числа зарегистрированных компьютерных преступлений на территории Российской Федерации. Более чем три четверти (77,8 %) этих преступлений совершается с использованием сети Интернет (526,8 тыс.), почти половина (44,7 %) — средств мобильной связи (302,9 тыс.). Более чем две трети компьютерных преступлений (70,2 %) совершается путем кражи или мошенничества: 475,3 тыс., почти каждое восьмое (12,0 %) — в целях незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 81,5 тыс.

Со времени вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) законодатель неоднократно вносил в него изменения по оптимизации уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям. Анализ этих изменений позволяет выделить ряд тенденций в корректировке норм, предусматривающих уголовную ответственность за компьютерные преступления:

1. Терминологическая оптимизация. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ст. 272—274 УК РФ были внесены коррективы, направленные на использование в тексте уголовного закона терминологии, соответствующей реалиям, которые сложились по состоянию на 2011 г. С 1996 г., когда нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации появились в уголовном законе, прошло 15 лет, ознаменовавшихся революционным прорывом в развитии компьютерной техники и компьютерных технологий. В связи с этим и появилась необходимость скорректировать терминологию (термин «информация на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине

(ЭВМ), системе ЭВМ или их сети» был заменен термином «компьютерная информация», «программы для ЭВМ» заменены на «компьютерные программы» и др.).

2. Включение в ряд норм Особенной части УК РФ квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть „Интернет“» (ст. 110.1, 110.2, 128.1, 133, 151.2, 228.1 УК РФ и др.). Появление данного квалифицирующего признака в ряде составов объясняется тем, что использование компьютерного способа совершения преступления существенно увеличивает степень общественной опасности преступления. Иногда применение компьютерного способа сопоставимо с оружием массового поражения, поскольку он позволяет совершать общественно опасные действия в отношении многих потерпевших (например, при сбыте наркотиков). Компьютерный способ часто повышает уязвимость блага, против которого направлено преступление (когда осуществляется целенаправленное воздействие на психику потерпевшего, например в преступлениях, предусмотренных ст. 110.1, 110.2 УК РФ).

3. Усиление уголовно-правовой охраны компьютерной безопасности в наиболее чувствительных областях. Речь идет о дополнении УК РФ статьей 274.1 («Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации»)². Нередко противоправные действия в отношении компьютерной информации причиняют вред не только компьютерной безопасности, но и создают угрозу другим объектам уголовно-правовой охраны. Включенная в УК РФ ст. 274.1 учитывает именно эту особенность компьютерных преступлений, она предусматривает более строгую ответственность в случаях, когда компьютерные преступления совершаются в отношении критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

4. Включение в УК РФ специальных «компьютерных» составов за рамками главы о преступлениях в сфере компьютерной информации. Речь идет, например, о п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража

¹ Киберпреступления, компьютерные и компьютеризированные преступления, цифровые, информационные и т. д.

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

в отношении электронных денежных средств), ст. 159.6 («Мошенничество в сфере компьютерной информации»), ст. 187 (в части изготовления, приобретения, хранения, транспортировки в целях использования или сбыта, а равно сбыта электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств). Дополнение УК РФ подобными составами объясняется стремлением купировать специфические угрозы компьютерной безопасности в отдельных сферах общественной жизни и усилить ответственность за использование (создание опасности использования) компьютерного способа посягательства как существенно повышающего степень общественной опасности содеянного. В доктрине данная тенденция иногда подвергается обоснованной критике, поскольку возникают ситуации избыточной криминализации, неоправданного дробления составов без дифференциации ответственности, что порождает проблемы квалификации преступлений (например, в случае со ст. 159.6 УК РФ).

В конце 2022 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал долго ожидавшиеся юридическим сообществом разъяснения по вопросам применения статей УК РФ о компьютерных преступлениях¹. Появились первые комментарии к данным разъяснениям [1—2].

Анализ научных публикаций показывает заметную активизацию исследований по уголовно-правовому и криминологическому противодействию преступлениям, посягающим на компьютерную безопасность (так, по различным аспектам уголовно-правового и криминологического противодействия компьютерным преступлениям за последние 10 лет защищено 6 докторских диссертаций [3—8]). Обусловлено это, прежде всего, объективными обстоятельствами, а именно возникновением новых угроз компьютерной безопасности и модификацией старых угроз, против которых имеющиеся уголовно-правовые средства недостаточно эффективны.

¹ См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

Сегодня в идеале право, в том числе уголовное, не только «не может и не должно отставать от научного и технического прогресса» [9, с. 385], но и по возможности должно работать на опережение, что для уголовного права означает противодействовать имеющимся и перспективным угрозам общественным отношениям. В связи с изложенным имеет смысл высказать ряд соображений относительно перспектив уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям.

1. Представляется, что совершенствование уголовно-правового противодействия посягательствам на компьютерную безопасность должно осуществляться по двум магистральным направлениям: 1) совершенствование уголовно-правовой охраны компьютерной безопасности от уже имеющихся угроз с учетом меняющихся общественных отношений; 2) купирование новых угроз компьютерной безопасности, а также иным объектам уголовно-правовой охраны, которые возникают в связи с развитием компьютерных технологий и их использованием человеком в различных сферах своей жизнедеятельности. На новые угрозы действующие нормы изначально не рассчитаны. Собственно, по этой схеме с 1996 г. законодатель и оптимизировал уголовно-правовую охрану компьютерной безопасности.

2. Движение в первом направлении на ближайшую перспективу предполагает продолжение терминологической оптимизации, а также совершенствование дифференциации уголовной ответственности за компьютерные преступления.

2.1. По-видимому, придется давать новую дефиницию предмету преступления в ст. 272 УК РФ, поскольку привязка компьютерной информации к электрическим сигналам сегодня устарела. Один из потенциально приемлемых вариантов модификации дефиниции предмета преступления выглядит следующим образом: «сведения (сообщения, данные), представленные в форме, пригодной для хранения, обработки и передачи средствами вычислительной техники» [10, с. 9]. Стоит подумать вообще об отказе от выделения специального понятия компьютерной информации. Ведь компьютеры «умнеют» и могут обрабатывать информацию, представленную не только в цифровом формате.

2.2. Имеет смысл провести ревизию перечня общественно опасных последствий в ст. 272 УК РФ. Согласно действующей редакции не учитывается такое общественно опасное последствие неправомерного доступа к компьютерной информации, как использование чужого компьютера без согласия владельца (например, для майнинга криптовалюты).

2.3. Целесообразно реконструировать диспозицию ст. 272 УК РФ, исключив упоминание о неправомерном доступе к информации, оставив в качестве объективной стороны состава только действия, которые сегодня указаны в качестве последствий преступления. Состав мог бы выглядеть так: «Неправомерное уничтожение, модификация, блокирование компьютерной информации...».

2.4. Неправомерное копирование компьютерной информации в зависимости от ее содержания порождает риски общественно опасных последствий в соответствующих сферах (например, в сфере государственной безопасности, в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, в сфере оборота сведений, составляющих тайну: коммерческую, налоговую и др.). Само по себе копирование компьютерной информации создает угрозу наступления общественно опасных последствий в сфере компьютерной информации только в том случае, если скопированная информация связана с обеспечением компьютерной безопасности. Например, если копируется пароль, обеспечивающий доступ к системе защиты компьютерной информации. Если же копируется информация, по содержанию не связанная с обеспечением компьютерной безопасности, то ответственность, по логике вещей, при наличии достаточной степени общественной опасности должна наступать по нормам иных глав и разделов Особенной части УК РФ (об ответственности за незаконное использование объектов авторского права — ст. 146 УК РФ, за шпионаж — ст. 275, 276 УК РФ и др.). Самостоятельную норму об уголовной ответственности за незаконное копирование компьютерной информации целесообразно предусмотреть только для случая, когда такое копирование создает угрозу компьютерной безопасности.

2.5. Что касается совершенствования дифференциации уголовной ответственности за компьютерные преступления, то здесь нужен регулярный мониторинг применения уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления. Цель этого мониторинга — на основе обобщения практики применения уголовного закона ответить на вопрос, соответствуют ли применяемые уголовно-правовые меры характеру и степени общественной опасности этих преступлений. Если не соответствуют, то тогда надо вносить корректировку в систему дифференциации уголовной ответственности за компьютерные преступления либо, как вариант, ограничивать или, наоборот, расширять возможности индивидуализации ответственности.

3. Второе направление связано с прогнозируемой реакцией законодателя на некоторые новые угрозы, которые либо уже появились, либо с большой вероятностью появятся в ближайшее время.

3.1. К числу новых, требующих уголовно-правового противодействия, относятся угрозы обороту новых — назовем их «компьютерных» — объектов (различные квазисредства платежа: бонусы, баллы, токены и т. д.; компьютерные объекты интеллектуальной собственности и др.). По понятным причинам здесь уголовно-правовое регулирование самым тесным образом связано с регулированием оборота подобных объектов в гражданском праве. Тем не менее это не связь 100 %-ной зависимости наличия одних отношений от других. Можно выделить сегмент фактического оборота указанных объектов, посягательство на который будет образовывать предмет уголовно-правового регулирования и при отсутствии состава гражданско-правового деликта.

3.2. Развитие компьютерных технологий привело не только к взрывной «компьютеризации» отдельных преступлений, но и к возможности создавать «продукты», распространение которых является собой новые общественно опасные угрозы или нестандартные разновидности уже имеющихся угроз (некоторые разновидности дипфейков¹, треш-стримов² и т. п.). По отдельным видам таких угроз имеются законодательные инициативы по противодействию им, которые пока не получили экспертного одобрения. Проблема выработки приемлемой модели противодействия данным угрозам, в том числе уголовно-правового противодействия, сегодня актуальна.

3.3. Компьютерные технологии значительно облегчают возможность совершения отдельных общественно опасных деяний, которые без использования этих технологий совершить практически очень сложно. К таким деяниям относится дистанционное запугивание потерпевших (киберзапугивание, киберсталкинг, кибертравля) [11]. Сегодня уголовная ответственность за дистанционное запугивание потерпевшего может наступить, когда имеет место угроза убийства или причинения тяжкого вреда здоровью человека (ст. 119 УК РФ),

¹ Дипфейк — синтез правдоподобных поддельных изображений, видео и звука при помощи искусственного интеллекта. Дипфейками также называют контент, полученный в результате этого синтеза.

² Треш-стримом называют прямой эфир, во время которого блогер совершает опасные и / или унижительные действия над собой или другими людьми.

доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ). В то же время дистанционное запугивание потерпевшего обладает общественной опасностью и в ряде других случаев, например если применяется в отношении детей. В связи с этим видится уместным предусмотреть уголовно-правовую защиту от подобного рода деяний.

3.4. Другой разновидностью общественно опасных деяний, совершение которых значительно облегчилось при помощи компьютерных технологий, являются преступления, связанные с распространением информации и организацией протестов граждан. В последние годы законодатель существенно купировал возможности по совершению таких общественно опасных деяний, в том числе при помощи уголовно-правовых запретов. Тем не менее задача выстраивания приемлемой уголовно-правовой защиты от указанных посягательств сохраняет свою актуальность.

3.5. В ближайшей и среднесрочной перспективе будет оставаться актуальной проблема разработки модели уголовно-правового регулирования использования искусственного интеллекта в случае наступления опасных последствий. В специальной литературе неоднократно отмечались криминологические и уголовно-правовые риски использования искусственного интеллекта [12—13]. Уже сегодня крупные игроки, применяющие в своей

деятельности программные продукты, функционирующие по правилам нейросетей, озаботились решением вопроса об ограничении уголовно-правового регулирования в отношении указанной деятельности. Компьютерные программы, функционирующие по правилам нейросетей, наделены способностью принимать решения по алгоритму, сформированному на основе прошлого опыта, они находят признаки и взаимосвязи, скрытые закономерности, которые не предусмотрели программисты. Такая компьютерная программа способна принимать решения, неподконтрольные человеку, более того, она и создается для того, чтобы заменить его (например, на определенном участке производства). Действующая модель уголовно-правовой оценки поведения людей, строго говоря, не рассчитана на использование ими нейросетей, поскольку часть «поведения» не контролируется и не может контролироваться волей человека. Оставлять вообще без специального уголовно-правового регулирования обращение к технологиям искусственного интеллекта вряд ли правильно, поскольку вероятны риски наступления общественно опасных последствий. Вместе с тем модель уголовно-правового регулирования должна быть встроена в общий механизм правового регулирования применения указанных технологий и купирования рисков наступления неблагоприятных последствий.

1. Щепельков В. Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовное право. 2023. № 6. С. 70—79.

2. Чернышев Д. Б. Охраняемая законом компьютерная информация: содержание и проблемы толкования признаков // Уголовное право. 2023. № 6. С. 62—69.

3. Степанов-Егиянц В. Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. 59 с.

4. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 427 с.

5. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 521 с.

6. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодатель-

1. Schepelkov V. F. On the nature of crimes in the sphere of computer information (in terms of clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation). Criminal law, 70—79, 2023. (In Russ.).

2. Chernyshev D. B. Computer information protected by law: content and problems of signs interpretation. Criminal law, 62—69, 2023. (In Russ.).

3. Stepanov-Yegiyants V. G. Methodological and legislative safety ensuring of computer information in the Russian Federation (penal aspect). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2016: 59. (In Russ.).

4. Yefremova M. A. Penal protection of information security. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2017: 427. (In Russ.).

5. Russkevich E. A. Differentiation of responsibility for crimes committed with the use of information and communication technologies and the problems of their qualification. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2020: 521. (In Russ.).

6. Yevdokimov K. N. Counteraction to computer crime: theory, legislation, practice. Dissertation of

ство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 557 с.

7. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 506 с.

8. Пучков Д. В. Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 52 с.

9. Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. Санкт-Петербург: Юрид. центр, 2003. 434 с.

10. Шипулин Г. Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 22 с.

11. Берестовой А. Н., Цветков П. В. О понятии и характеристике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в киберпространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 105—111.

12. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 767—775.

13. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 169—178.

Щепельков Владислав Федорович,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор;
volga0@yandex.ru

doctor of juridical sciences. Moscow; 2021: 557. (In Russ.).

7. Begishev I. R. Penal protection of public relations associated with robotics. Dissertation of doctor of juridical sciences. Kazan; 2022: 506. (In Russ.).

8. Puchkov D. V. Criminal-legal model of protection of telecommunications from criminal encroachments: problems of theory and practice. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Yekaterinburg; 2022: 52. (In Russ.).

9. Shargorodsky M. D. Selected works on criminal law. Saint Petersburg; 2003: 434. (In Russ.).

10. Shipulin G. F. Prevention of crimes committed with computer networks. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2024: 22. (In Russ.).

11. Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V. On the concept and characteristics of crimes committed against juvenile in cyberspace. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 105—111, 2023. (In Russ.).

12. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological risks of artificial intelligence application. All-Russian criminological journal, 767—775, 2018. (In Russ.).

13. Gracheva Yu. V., Aryamov A. A. Robotization and artificial intelligence: penal risks in the public security. Topical problems of Russian law, 169—178, 2020. (In Russ.).

Shchepelkov Vladislav Fedorovich,
professor at the department of criminal law
of the Saint Petersburg State University,
doctor of juridical sciences, full professor;
volga0@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 28.05.2024; approved after reviewing 04.06.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.37

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Александр Александрович Лихолетов*, **Евгений Александрович Лихолетов****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a.likholetov@mail.ru

** Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия, l.evgeni.a@mail.ru

Аннотация. Проблема противодействия незаконному обороту средств платежей с каждым годом все более актуализируется, что обусловлено внедрением и широким использованием при расчетах безналичных форм оплаты не только между организациями, но и физическими лицами. Популярность рассматриваемых видов взаиморасчетов среди населения привела к росту посягательств на общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок оборота средств платежей. Неэффективность применяемых со стороны государства мер, направленных на недопущение резкого роста преступлений, которые предусмотрены ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, обусловлена в том числе обилием бланкетных признаков указанной нормы, а также наличием ряда сложностей, возникающих при квалификации деяния и его разграничении со смежными составами. В данной статье предпринята попытка анализа существующих на практике проблем правовой оценки уголовно наказуемых посягательств, связанных с неправомерным оборотом средств платежей, и выработки предложений, направленных на их устранение.

Ключевые слова: квалификация преступлений, компьютерные программы, платежные карты, технические устройства, электронные носители информации, средства платежа, уголовная ответственность

Для цитирования: Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Проблемы квалификации неправомерного оборота средств платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 15—20.

ON PROBLEMS RELATED TO QUALIFY ILLEGAL TRAFFICKING MEANS OF PAYMENTS

Alexander Alexandrovich Likholetov*, **Yevgeniy Alexandrovich Likholetov****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, a.Likholetov@mail.ru

** Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia, l.evgeni.a@mail.ru

Abstract. The problem related to counter illicit trafficking means of payments is becoming a more and more urgent one every year. This is due to introduction and widespread use of non-cash forms of payment not only among organizations but also among individuals. The popularity of the mentioned types of mutual settlements among the population has led to some increase in encroachments on public relations that ensure the legal procedure for trafficking means of payments. The ineffectiveness of the measures taken by the state aimed at preventing a sharp increase in crimes that are provided for in Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, is due, among other things, to the abundance of blanket features of this norm as well as presence of a number of difficulties that arise while qualifying an act and distinguishing it from related offenses. The authors of the given article tried to analyze the problems existing in practice in the legal assessment of the criminal offenses associated with illegal trafficking of means of payments as well as to develop proposals to eliminate them.

Keywords: qualification of crimes, computer programs, payment cards, technical devices, electronic media, means of payments, criminal liability

For citation: Likholetov A. A., Likholetov Ye. A. On problems related to qualify illegal trafficking means of payments. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 15—20, 2024. (In Russ.).

Федеральным законом Российской Федерации от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ¹ норма, устанавливающая ответственность за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, была подвергнута коренной модернизации. В частности, был расширен перечень предметов преступления, а также форм общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Наименование статьи также было изложено в новой редакции.

Вместе с тем внесенные изменения не позволили существенным образом изменить состояние преступности, связанной с незаконным оборотом средств платежей, а, наоборот, привели к возникновению новых проблем, связанных с установлением конститутивных признаков рассматриваемого состава преступления, что подтверждается данными официальной статистики.

После внесения указанных выше поправок основные показатели противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 187 УК РФ, представлены следующими данными. По итогам работы правоохранительных органов в 2015 г. зарегистрировано 181 преступление рассматриваемого вида, в суд с обвинительным заключением направлено 124 уголовных дела. В 2016 г. статистикой зафиксировано 185 преступлений, при этом в суд направлено менее половины уголовных дел — 87. В 2017 г. наблюдается незначительный рост числа зарегистрированных уголовно наказуемых деяний (до 239), более половины из которых (151) получили судебную перспективу. В 2018 г. отмечается практически двукратное (541) увеличение количества выявленных преступлений, в суд направлено 231 дело. Существенный прирост числа анализируемых деяний зафиксирован в 2019 г., в течение которого было выявлено 842 факта неправомерного оборота средств платежей, но при этом доля направленных в суд уголовных дел сократилась до 42 % и составила 357 дел. Значительным ростом числа преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, характеризовался и 2020 г. В указанный период сотрудниками правоохранительных органов зарегистрировано 1 346 преступлений, почти

половина из которых (656) стали предметом рассмотрения судебной инстанцией. Двукратное увеличение количества изучаемых деяний (2 754) наблюдалось в 2021 г., 1 514 дел было направлено в суд. Динамика существенного роста числа выявленных фактов неправомерного оборота средств платежей зафиксирована и в следующем году, в течение которого зарегистрировано 4 648 преступлений, 2 963 дела передано в суд для рассмотрения по существу. За истекший 2023 г. выявлены 6 401 преступление, по фактам совершения которых в суд с обвинительным заключением направлено 4 874 уголовных дела (рис.)².

Проведенный анализ статистических показателей позволяет резюмировать, что с момента модернизации ст. 187 УК РФ удельный вес направленных в суд уголовных дел от числа зарегистрированных преступлений составил около 64 %, т. е. немногим более половины от общего количества выявленных уголовно наказуемых деяний.

Таким образом, данные официальной статистики свидетельствуют о постоянном росте фактов неправомерного оборота средств платежей.

Одной из существенных проблем квалификации рассматриваемых уголовно наказуемых деяний следует считать большое количество бланкетных признаков, необходимость установления которых вынуждает правоприменителя обращаться к нормам иноотраслевого законодательства³. Вместе с тем положения позитивного права не во всех случаях содержат нормативное закрепление необходимых дефиниций и характеристик.

Наиболее явно бланкетность изучаемой нормы проявляется именно при установлении предмета анализируемого преступления, к которому в настоящее время отнесены поддельные платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты, а также электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы.

² Единые отчеты о преступности: сводные отчеты по России за 2017—2023 гг. // ЕИТКС ОВД. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ См., напр.: О национальной платежной системе: федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием: положение Банка России от 24 декабря 2004 г. № 266-П (ред. от 28.09.2020) // Там же.

¹ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2024).

Рис. Статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, и лиц, привлеченных к ответственности по данной статье

Так, в настоящее время отсутствуют законодательно закрепленные определения понятий «электронное средство», «компьютерная программа», «техническое устройство», что создает дополнительные сложности при установлении конститутивных признаков деяний, предусмотренных ст. 187 УК РФ, приводящие к увеличению сроков предварительного расследования, обусловленному необходимостью использования специальных знаний и проведения времязатратных экспертных исследований.

Отсутствие разъяснений высшей судебной инстанции России относительно наиболее актуальных вопросов квалификации незаконного оборота средств платежей приводит к возникновению ряда проблем в правоприменительной практике, которые необходимо решать с учетом сложившихся в теории правил.

Составы преступлений, предусмотренные ст. 159.3 УК РФ, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ и ст. 187 УК РФ, являются смежными. Разграничение указанных деяний необходимо проводить, в том числе, по их предмету, который прямо указан в диспозициях перечисленных норм.

Вместе с тем, согласно позиции Верховного Суда России, если лицо изготавливает (приобретает, хранит, транспортирует) поддельные предметы, указанные в ст. 187 УК РФ, в целях их использования им же для совершения хищения, ко-

торое по объективным обстоятельствам не было доведено до конца, то содеянное, с учетом положений ч. 2 ст. 30 УК РФ, необходимо квалифицировать как совокупность приготовления к хищению (с учетом способа) и оконченого неправомерного оборота средств платежей¹.

Изложенное позволяет резюмировать, что использование виновным поддельного средства платежа (например, распоряжения о переводе денежных средств) при совершении корыстного противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц является основанием для квалификации содеянного по совокупности как оконченого хищения (в зависимости от способа) и ст. 187 УК РФ. Приведем пример.

Л., занимая должность главного бухгалтера у индивидуального предпринимателя П., с помощью программы «1С: Бухгалтерия» изготовила платежные поручения, загрузила их в программу «Банк-Клиент», подписала вверенной ей электронной подписью ИП и направила на расчетно-кассовое обслуживание. В результате денежные средства в сумме 50 000 рублей с расчетного счета, при-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

надлежащего П., были похищены и зачислены на банковский счет, принадлежащий виновной. Л. осуждена по ч. 3 ст. 159 и ч. 1 ст. 187 УК РФ¹.

Согласимся с мнением Л. В. Боровых и Е. А. Соловьевой, указывающих, что в приведенной выше ситуации ст. 187 УК РФ предусматривает ответственность за приготовление к будущему хищению, и следовательно, совершение этих действий не совпадает с объективной стороной совершаемого хищения [1].

В то же время в некоторых решениях суды исключают из объема обвинения преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ, в подобных ситуациях. Так, Кимрский городской суд Тверской области указал, что изготовление осужденной Х. «поддельных распоряжений о переводе денежных средств являлось способом совершения мошенничества»².

С представленной позицией судебной инстанции согласиться сложно, поскольку действия виновной содержат признаки двух самостоятельных составов преступлений. Кроме того, рассматривая схожие ситуации применительно к мошенничеству, совершаемому с использованием предметов, указанных в диспозиции ст. 327 УК РФ, Верховный Суд России обратил внимание на то, что использование поддельных документов при хищении путем обмана или злоупотребления доверием охватывается составом ст. 159 УК РФ без дополнительной квалификации только в случаях, если поддельный документ был изготовлен другим лицом, т. е. тем, кто не выполняет действий, образующих объективную сторону мошенничества³.

Если осуществляется сбыт предметов, перечисленных в ст. 187 УК РФ, заведомо непригодных к использованию, деяние подлежит правовой оценке как мошенничество⁴.

На практике могут возникнуть ситуации, связанные с разграничением неправомерного оборота средств платежей и подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, поскольку платежные документы признаются правоприменителем официальными документами, т. е. использование заведомо подложных предметов

преступления образует объективную сторону составов преступлений, предусмотренных и в ст. 187 УК РФ, и в ст. 327 УК РФ.

В данном случае усматривается конкуренция общей (ст. 327 УК РФ) и специальной (ст. 187 УК РФ) норм, что является основанием для уголовно-правовой оценки содеянного именно по специальной норме.

В настоящее время распространение получили преступления, совершаемые с использованием реквизитов так называемых фирм-однодневок (обналичивание денежных средств, уклонение от уплаты налогов, мошенничество в сфере кредитования и т. д.).

Одним из подобных деяний является использование незаконно созданной организации, в том числе через подставных лиц, для осуществления неправомерного оборота средств платежей.

Сочетание самостоятельных групп признаков объективных сторон и различие непосредственных объектов преступлений, предусмотренных в ст. 173.1 и 187 УК РФ, служит основанием для квалификации по совокупности в случаях использования виновным фирмы-однодневки для осуществления неправомерного оборота средств платежей.

Так, Е. предложил Н. за вознаграждение выступить в качестве подставного лица при регистрации организации. Убедив Н., что созданное юридическое лицо будет осуществлять легальную финансово-хозяйственную деятельность, Е. получил от последнего паспорт и ИНН. После этого осужденный представил документы в налоговый орган, на основании чего была внесена запись в ЕГРЮЛ о регистрации ООО «Спектр» с указанием Н. в качестве директора данной организации.

После регистрации ООО «Спектр» Е. вновь обратился к Н. и предложил за вознаграждение открыть в банке расчетный счет указанной организации. Согласившись, Н. получил в банке ключевой носитель Клиента Рутокен, содержащий файлы ключей электронной подписи Н. и файл сертификата ключа Банка, предназначенные для доступа к системе дистанционного банковского обслуживания, которые передал Е. согласно ранее достигнутой договоренности. Впоследствии Е. за денежное вознаграждение сбыл указанные средства платежей неустановленному лицу в целях неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств третьим лицам. Е. осужден по ст. 173.1 и 187 УК РФ⁵.

⁵ Приговор Волжского городского суда Республики Марий Эл от 20 ноября 2019 г. по делу № 1-221/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 11.04.2023).

¹ Приговор Брянского районного суда Брянской области от 23 июля 2020 г. по делу № 1-96/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 11.03.2024).

² Приговор Кимрского городского суда Тверской области от 16 мая 2019 г. по делу № 1-161/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 11.03.2024).

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48.

⁴ Там же.

Квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 173.2 и 187 УК РФ, производится и в ситуациях, когда неправомерному обороту средств платежей предшествовало предоставление документа, удостоверяющего личность, для внесения в ЕГРЮЛ сведений о подставном лице.

Так, Б., не намереваясь осуществлять финансово-хозяйственную деятельность, предоставила паспорт гражданина РФ и другие документы в ИФНС России г. Кемерово, где была внесена запись в ЕГРЮЛ о создании ООО «ХХХ» и возложении полномочий директора указанной организации на Б. После государственной регистрации Б. ООО «ХХХ» обратилась в отделение ПАО «Сбербанк», где открыла расчетные счета для организации и получила электронный носитель информации для осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств, платежные средства (USB token с данными для осуществления платежей), которые за вознаграждение передала не установленному следствием лицу. Б. осуждена по ст. 173.2 и 187 УК РФ¹.

Таким образом, случаи создания фирм-однодневок для последующего осуществления неправомерного оборота средств платежей, в зависимости от обстоятельств, в судебной практике квалифицируются по совокупности ст. 187 и 173.1 или 173.2 УК РФ.

Нередко неправомерный оборот средств платежей сопутствует осуществлению незаконной банковской деятельности, в том числе легально функционирующими организациями, т. е. имеющими государственную регистрацию, но при этом не получившими лицензии на проведение банковских операций. Подобные ситуации характерны для нелегального снятия наличности с расчетных счетов юридических лиц (обналичивание).

При извлечении дохода (причинении ущерба) от операций по обналичиванию денежных средств на сумму, превышающую 3 500 000 рублей, возникают основания для квалификации по ст. 172 УК РФ.

В частности, подобные действия представляют собой следующие банковские операции: переводы денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов; инкассация денежных средств и кассовое обслуживание физических и юридических лиц; привлечение денежных средств физических и юридических лиц и др. [2, с. 75]

Так, главный бухгалтер ООО «Уютный дом» Ш. по предварительному сговору с генеральным директором Ф. без лицензии осуществляла банковскую деятельность, связанную с осуществлением операций по обналичиванию денежных средств. За период преступной деятельности по инициативе заинтересованных лиц ООО «1», ООО «2» и ООО «3», заинтересованных в получении наличности, на расчетные счета ООО «Уютный дом» в безналичной форме перечислены денежные средства на сумму, превышающую 58 000 000 рублей, в результате чего Ш. был извлечен доход 5 292 420 рублей, составлявший 9 % от зачисленных на расчетный счет денежных средств. При совершении перечислений в назначениях платежей Ш. указывала не соответствующие действительности основания.

Для осуществления указанных незаконных банковских операций Ш. при помощи программного обеспечения «1С: Бухгалтерия» и сети Интернет изготовила для управления расчетными счетами ООО «Уютный дом» распоряжения о переводе денежных средств, документы и иные средства оплаты. Ш. осуждена по ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 187 УК РФ².

Е. А. Соловьева указывает, что если при изготовлении электронных средств платежей происходит противоправный доступ к базам данных оператора платежной системы или создается и используется вредоносная компьютерная программа, предназначенная для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру РФ, содеянное подлежит дополнительной квалификации по ст. 272, 273, 274.1 УК РФ [3, с. 145].

Однако в полной мере согласиться с подобной точкой зрения сложно.

Действия по созданию или распространению вредоносных компьютерных программ, предназначенных для нейтрализации средств защиты банковской компьютерной информации, содержащие признаки ст. 273 УК РФ, идентичны по своей сути изготовлению или сбыту компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, запрещенным ст. 187 УК РФ.

В данном случае следует согласиться с точкой зрения З. И. Хисамовой, указывающей, что ст. 187 УК РФ запрещен оборот компьютерных программ, имеющих ограниченное целевое назначение, в то

¹ Приговор Заводского районного суда г. Кемерово от 15 июля 2020 г. по делу № 1-567/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 11.03.2024).

² Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 20 июля 2020 г. по делу № 1-211/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 15.03.2024).

время как ст. 273 УК РФ криминализованы действия по обороту вредоносных компьютерных программ любого вида [4, с. 150].

В такой ситуации возникает конкуренция уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 187 и 273 УК РФ, которая, с учетом объектов уголовно-правовой охраны, особенностей предмета и объективной стороны преступлений, должна решаться в пользу специальной нормы, т. е. неправомерного оборота средств платежей.

1. Боровых Л. В., Соловьева Е. А. К вопросу о разграничении неправомерного оборота средств платежей и иных преступлений против интересов предпринимательской деятельности // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 590—598.

2. Коренная А. А. Проблемы квалификации действий по незаконному обналичиванию денежных средств // Адвокат. 2017. № 3. С. 71—77.

3. Соловьева Е. А. Преступления, совершаемые в платежных системах: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 254 с.

4. Хисамова З. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.

Лихолетов Александр Александрович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
a.likholetov@mail.ru

Лихолетов Евгений Александрович,

доцент кафедры
экономической безопасности
Волгоградского государственного
аграрного университета,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;
l.evgeni.a@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены не все вопросы квалификации уголовно наказуемых деяний в сфере незаконного оборота средств платежей, поскольку постоянное совершенствование форм и методов преступной деятельности, обусловленное научно-техническим прогрессом, приводит к возникновению новых проблем в уголовно-правовой оценке данных деяний.

1. Borovykh L. V., Solovyova Ye. A. On issue of distinguishing between illegal trafficking payment funds and other crimes against the interests of entrepreneurial activity. Perm Legal Almanac, 590—598, 2020. (In Russ).

2. Korennaya A. A. Problems related to qualify actions on illegal cashing funds. Lawyer, 71—77, 2017. (In Russ).

3. Solovyova Ye. A. Crimes committed in payment systems. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov, 2019: 254. (In Russ).

4. Khisamova Z. I. Criminal and legal measures to counter crimes committed in the financial sector using information and telecommunication technologies. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar, 2016: 222. (In Russ).

Likholetov Alexander Alexandrovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
a.likholetov@mail.ru

Likholetov Yevgeniy Alexandrovich,

associate professor
at the department of economic security
of the Volgograd State Agrarian University,
candidate of agricultural sciences, docent;
l.evgeni.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.05.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 09.05.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.235.1

**О КРУГЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УЧЕТУ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ
НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Любовь Валентиновна Лобанова*, **Мария Андреевна Малимонова****

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

* lobanova@volsu.ru

** malimonova@volsu.ru

Аннотация. В работе с учетом логических основ ужесточения наказания при рецидиве преступлений анализируются положения ч. 1 ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации и практика реализации соответствующего предписания. Уточняется характер связи между фактами, принимаемыми во внимание в этих условиях, и универсальными критериями определения карательных мер. Подчеркивается конкретизирующая роль обстоятельств, учитываемых в соответствии с названной статьей, по отношению к таким критериям, что исключает двойной учет одних и тех же фактов. Отмечается неполнота нормативного перечня этих обстоятельств, которая побуждает правоприменителя к сравнению уровня общественной опасности прежних и новых преступлений и установлению изменений в личности осужденного под влиянием назначенного наказания и его исполнения. Данный недостаток предлагается сгладить с помощью интерпретационных судебных актов. В этих целях представлена формулировка нового пункта, которым целесообразно дополнить текст постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. (в ред. 2018 г.) № 58.

Ключевые слова: вид рецидива преступлений, оценка личности осужденного, универсальные критерии, сравнительная тяжесть преступлений, исправительное воздействие, факты, обстоятельства, влияние назначенного наказания

Для цитирования: Лобанова Л. В., Малимонова М. А. О круге обстоятельств, подлежащих учету при реализации специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 21—27.

**ON RANGE OF CIRCUMSTANCES TAKEN INTO ACCOUNT,
WHILE IMPLEMENTING SPECIAL RULES
TO IMPOSE PUNISHMENT
IN TERMS OF REPETITION OF CRIMES**

Liubov Valentinovna Lobanova*, **Mariya Andreyevna Malimonova****

Volgograd State University, Volgograd, Russia

* lobanova@volsu.ru

** malimonova@volsu.ru

Abstract. Taking into consideration the logical basis to impose punishment in terms of repetition of crimes the paper analyses the provisions of Part 1 Art. 68 of the Criminal Code of the Russian Federation and the ways to implement this or that provision. The authors specify the nature of the relationship of facts in view of the circumstances and of the universal criteria of penalty choice. The work emphasises the specifying role of circumstances considered in accordance with the given article with respect to such criteria, which excludes the double-counting of the same facts. The incompleteness of regulatory list of those consequences is specified, which allows a law enforcer to compare the level of public danger of old and new crimes and to establish the personality alterations of the accused under the influence of the punishment imposed and its implementation. This deficiency is supposed to be smoothed out via the interpretive judicial acts. For this purpose the authors suggest and formulate a new section necessary to add into the text of the resolution of the plenary Supreme Court of the Russian Federation on 22nd December, 2015 (edited in 2018), No 58.

Keywords: type of repetition of crimes, personality assessment of the accused, universal criteria, comparative gravity of the crime, corrective effect, facts, circumstances, influence of the punishment imposed

For citation: Lobanova L. V., Malimonova M. A. On range of circumstances taken into account, while implementing special rules to impose punishment in terms of repetition of crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 21—27, 2024. (In Russ.).

Идея ужесточения наказания при рецидиве преступления — мысль, давно укоренившаяся в российском законодательстве. Применительно к отдельным видам преступлений данная идея весьма рельефно отражена в ст. 5 Двинской и ст. 8 Псковской судебных грамот, поскольку и та, и другая кардинально различали подходы к преступникам, допустившим факты воровства впервые или во второй раз, с одной стороны, и, будучи наказанными за предыдущие деяния, учинившими воровское дело в третий раз, — с другой (подробнее см.: [1, с. 14—16; 2, с. 178]). Категорично предписывая применение к последней категории воров смертной казни, древнерусский законодатель, видимо, аксиоматично судил о повышенной общественной опасности многократных рецидивистов, их неисправимости, коль скоро считал необходимым реализацию в подобных случаях крайних мер.

С формированием в российском уголовном законодательстве Общей части средства последней были с готовностью использованы государством для противодействия рецидивной преступности. Именно тогда рецидив, именуемый повторением преступлений, был анонсирован в качестве «обстоятельства, увеличивающего вину и наказание». Тогда же были предприняты попытки закрепления в уголовном законе особых правил назначения наказания при такого рода множественности, которые следует применять, если конкретными положениями Особенной части влияние рецидива аналогичного преступления на ответственность не определено¹.

Приверженцем озвученной идеи правотворец остается и в современный период развития общества. Соответствующий тезис заложен в текст ч. 5 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации

от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) и получает необходимую детализацию посредством положений, относимых к общим и специальным началам назначения наказания, подтверждается санкциями отдельных статей Особенной части названного нормативного акта. Подчеркивая данный факт, сфокусируем внимание и на развитии подобной правотворческой мысли. Последняя не только увязывается с изменяющимся понятием рецидива, но и приобретает совсем иное логическое обоснование. Здесь уже нет больше места аксиоме неисправимости рецидивиста, а предположение о повышенной общественной опасности лиц, совершивших новое преступление, будучи подверженными наказанию за предыдущее, приобретает характер опровержимого суждения. В результате категоричные, казалось бы, требования о большей суровости наказания для таких лиц и о фиксации на более высоком уровне нижнего его предела сглаживаются дозволениями преодолевать этот новый минимум при наличии как исключительных, так и рядовых смягчающих обстоятельств (ч. 3 ст. 68 УК РФ). Подобная логика, а также ограничение верхнего предела карательной меры только рамками общих начал оправдывают попытку законодателя очертить круг иных фактов, которые должен учитывать суд, назначая конкретное наказание при наличии признаков рецидива преступлений (ч. 1 ст. 68 УК РФ). Критериями оценки такового «в качестве обстоятельства, отягчающего наказание» справедливо называет перечень этих фактов Д. Дядькин [3, с. 39]. Данный перечень, включающий в себя три составляющие (характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений; обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным; характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений), вместе с тем нередко критически осмысливается учеными ввиду опасений двойного учета названных здесь обстоятельств: вначале в рамках реализации общих начал назначения наказания, а затем при применении специальных правил. Оттого звучат предложения относительно принятия во внимание обстоятельств, которые до сих пор не названы в законе, например время, по истечении которого лицо совершило новое преступление [4, с. 105; 5, с. 71].

¹ См.: Свод законов Российской империи, повелением государя Николая Павловича составленный. Т. 15. Свод законов уголовных. Кн. I и II. [2-е изд.]. Санкт-Петербург: Печ. в тип. II Отд-ния Собств. Его Императорского Величества канцелярии, 1833 // Официальный сайт Президентской библиотеки. URL: <http://www.prlib.ru/item/364033> (дата обращения: 14.04.2024); Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Национальная электронная библиотека. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?PAGE=1> (дата обращения: 16.12.2023).

На наш взгляд, опасения по поводу вероятности двойного учета одних и тех же фактов в этом случае несколько надуманные. Мы полагаем, что законодатель, формулируя положения ч. 1 ст. 68 УК РФ, вовсе не ставил своей задачей добавить какие-то новые обстоятельства к уже существующим критериям назначения наказания, указанным в ч. 3 ст. 60 УК РФ. Это в принципе и невозможно сделать, поскольку в названном процессе значимыми могут быть только факты, характеризующие преступление и личность, либо только личность. И, судя по тому, как был изложен в законе перечень фактов, подлежащих учету в интересующем нас случае, стремился правотворец к иному — показать специфику проявления упомянутых универсальных критериев в ситуации с рецидивом преступлений. Положениями ч. 1 ст. 68 УК РФ правоприменитель побуждается к сравнению уровня общественной опасности прежнего (прежних) и нового (новых) преступлений и тем самым к установлению изменений, произошедших в личности осужденного под влиянием назначенного наказания и его (наказания) исполнения. Прав был, думается, М. П. Чубинский в своей критике некоторых криминалистов XIX в., которые, «выдвигая на первый план формальный момент, не обращали должного внимания на личность преступника и не заботились о выяснении того, какие причины побудили данное лицо снова впасть в преступление, является ли оно особо опасным для общества специалистом преступления» [6, с. 390]. Так, наличие тенденции на повышение уровня общественной опасности преступлений, равно как и попытки осужденного противодействовать процессу исправления, а в особенности данные факты в совокупности, является доказательством возрастания степени общественной опасности преступника, формирования у него антиобщественной установки и должны влечь, как правило, ужесточение наказания. В то же время они способны послужить препятствием для реализации дозволений, закрепленных в ч. 3 ст. 68 УК РФ, а также детерминировать определение меры наказания более суровой, чем зафиксированный в законе минимум.

Но подобного усиления уголовной репрессии не должно быть в тех условиях, когда линия на повышение уровня общественной опасности новых преступлений не прослеживается, а вины осужденного в срыве исправительного процесса нет. Разумеется, осужденный не должен отвечать за то, что исправление в том или ином учреждении было отдано на самотек или нейтрализовано воздействием криминальных авторитетов, применением

насилия со стороны представителей администрации, унижением человеческого достоинства и т. п.

В свете изложенного положения ч. 1 ст. 68 УК РФ не видятся нам дублированием каких-либо предписаний, составляющих общие начала назначения наказания. Другое дело, что данные положения не в полной мере отражают специфику учета универсальных критериев при назначении наказания рецидивистам. Выше уже говорилось о необходимости принятия во внимание при оценке личности осужденного продолжительности времени, прошедшего с момента отбытия лицом наказания. И действительно, при прочих равных условиях субъект, только что освободившийся от бремени наказания и тут же совершивший новое преступление, опаснее, чем тот, чьи впечатления об этом стерлись в памяти вследствие длительного срока, истекшего с момента отбытия наказания.

В юридической печати также делается акцент на случаи совершения преступления в процессе отбывания наказания либо до начала такового. По мнению некоторых ученых, о таком лице нельзя достоверно судить как об обладающем повышенной степенью общественной опасности, поскольку исправительные меры к нему не применялись или применялись в недостаточном объеме [7, с. 157]. Безусловно, указанные аспекты следует учитывать при индивидуализации наказания за вновь совершенное преступление, но нельзя игнорировать тот факт, что влияние на осужденного способно оказать и само назначение наказания. К тому же совершение преступления во время отбывания наказания может свидетельствовать о его готовности нарушать уголовный закон в условиях жесткого контроля за ним со стороны государства, а следовательно, о его «злой воле», упорстве в реализации преступных наклонностей.

Немало исследователей видят уязвимость положений ч. 2 ст. 68 УК РФ в том, что фиксированный минимум назначаемого наказания не дифференцирован в законе с учетом вида рецидива преступлений [8, с. 212—213; 9, с. 27], в то время как прежняя редакция ст. 68 УК РФ такую дифференциацию предусматривала. Подобный законотворческий подход, по мнению ряда специалистов, ведет к нивелированию значения деления рецидива на виды, осуществленного в УК РФ. Отсюда внесение предложений определить самостоятельную роль каждому из этих видов, «внеся соответствующие коррективы в ч. 2 ст. 68 УК РФ» [9, с. 26—27]. Нередко при этом задействуется «тяжелая артиллерия» в виде данных анкетирования правоприменителей. «Проведенный опрос экспертов, —

аргументирует свою позицию по озвученной проблеме Д. М. Семенова, — показал, что 90,8 % респондентов считают, что наказание за рецидив преступлений должно дифференцироваться в зависимости от вида рецидива» [10, с. 21].

Какими бы привлекательными ни казались данные положения, они все же не являются должным образом обоснованными. Во-первых, вид рецидива преступлений имеет весьма существенное влияние на определение вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ). Выяснение данного вопроса важно даже в том случае, когда рецидив как отягчающее обстоятельство не подлежит учету в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ. На это справедливо обратил внимание Президиум Верховного Суда Российской Федерации в одном своем надзорном определении. Так, судья по тексту судебного решения, подсудимый М., имея судимость по п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ, был вновь осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ. Окончательное наказание определено ему в виде лишения свободы сроком на 23 года с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Отменяя по протесту Генпрокурора приговор и последующие решения судов в части назначения М. вида исправительного учреждения, Президиум подчеркнул следующее: «В соответствии с п. „б“ ч. 3 ст. 18 УК РФ в действиях осужденного имеется особо опасный рецидив преступлений. В связи с этим на основании п. „г“ ч. 1 ст. 58 УК РФ М. должен отбывать наказание в исправительной колонии особого режима. Однако суд, вопреки указанным требованиям закона, направил его для отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию строгого режима»¹.

Во-вторых, законом вовсе не возбраняется учитывать вид рецидива при оценке личности осужденного. Такой учет отличен от простой констатации обстоятельства из п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку предполагает выяснение конкретного содержания данного факта. К тому же на акцентирование внимания на виде рецидива преступления нацеливает упоминаемое в настоящей работе указание на необходимость выявления характера

и степени общественной опасности как ранее совершенных, так и повторных преступлений. Ведь одним из критериев законодательной классификации видов рецидива преступлений является отнесение преступных деяний, образующих такую форму множественности, к той или иной категории преступлений. Полагаем, что отнюдь не случайно необходимость указания в описательно-мотивировочной части приговора на вид рецидива подчеркивает в разделе «Статья 68 УК РФ» постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 Пленум Верховного Суда РФ (абз. 1 п. 46)².

В-третьих, использование законодателем одного и того же подхода к установлению фиксированного минимума для всех видов рецидива во многом компенсируется разницей в максимальных пределах санкций за преступления, составляющие рецидив, ибо эти пределы напрямую зависят от характера и степени общественной опасности данных преступных деяний.

По приведенным соображениям мы не находим особого резона в том, чтобы законодатель вернулся к дифференцированному принципу установления фиксированного минимума наказания, назначаемого при рецидиве преступлений. Да и с озвученными в начале настоящей публикации логическими основами ужесточения наказания за рецидив преступлений данная идея не вполне согласуется. Вряд ли весомым аргументом в пользу такого реконструирования ст. 68 УК РФ могут служить и примеры из зарубежного законодательства. Ведь наряду с иностранными уголовными кодексами, в которых прослеживается явное ранжирование минимальных пределов наказания за рецидив преступлений в зависимости от вида последнего (например, ст. 65.2 УК Азербайджана³; ст. 65 УК Беларуси⁴; ст. 61 УК Туркмении¹; и др.), имеются

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 15.05.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Азербайджан от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // Единая электронная база правовых актов Министерства юстиции Азербайджанской Республики. URL: <https://e-qanun.az/framework/46947> (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАПОН. Законо-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2020 г.; постановлением № 24-П20ГП // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/-29424/?ysclid=lybl4dlpry472855294> (дата обращения: 20.05.2024).

зарубежные уголовные законы, где какая-либо формализация наказания за рецидив преступлений попросту отсутствует. Так, ст. 59 УК Казахстана, посвященная этим специальным правилам, имеет своим содержанием только перечисление обстоятельств, которые суд должен принять во внимание при назначении наказания при установлении факта рецидива преступлений².

Наконец, упомянем еще об одном обстоятельстве, способном влиять на оценку личности подсудимого, наказание которому назначено по правилам ст. 68 УК РФ, а именно о количестве судимостей, составляющих рецидив. Если таких больше, чем минимально необходимо для признания этой формы множественности, можно предполагать в осужденном пренебрежительное отношение к уголовно-правовым запретам. Количество судимостей также важный признак, используемый в законе для определения вида рецидива преступлений. И в отсутствие дифференцированного подхода к установлению фиксированного минимума наказания в связи с видом рецидива преступлений, учет количества судимостей, таким образом, приобретает еще большее значение для назначения справедливого наказания.

Вместе с тем, как показывает анализ конкретных решений, суды не так часто затрудняют себя выяснением отмеченных выше обстоятельств, в том числе тех, о которых прямо говорится в ч. 1 ст. 68 УК РФ.

Относительно стабильным при этом является выяснение судом вида допущенного лицом рецидива. Интересно, что таковой конкретизируется нередко непосредственно при описанииотягчающего обстоятельства³. В то же время в целом ряде

судебных решений даже не упоминается об учете характера и степени общественной опасности ранее совершенных преступлений⁴. Довольно редким явлением выглядят попытки выяснения причин, из-за которых наказание не оказало исправительного воздействия на осужденного. Скорее исключением из правила, нежели самим правилом, является изучение судом, наряду с характеристиками осужденных по месту жительства и (или) работы, также сведений об их поведении во время отбывания наказания, хотя такие решения, безусловно, встречаются⁵.

Могут быть приведены примеры тщательного выяснения судами продолжительности времени, прошедшего с момента отбытия наказания до со-

---

2019 1-55/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-225/2019 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BxM1pUlc1sbd/?ysclid=lyblywk8pf75769416> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 октября 2018 г. по делу № 2-21/2018 // Там же. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/8XTHJXayXBW1/> (дата обращения: 20.05.2024); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 г. по делу № 2-44/12 // Там же. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/pbvtpWeVcLJE/> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2018 г. по делу № 2-27/2018 // Там же. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/zzdNIHCN0Ym/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2019 г. по делу № 67-АПУ19-18 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/cAtdAEuyrIN6/> (дата обращения: 20.05.2024); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 г. по делу № 2-44/12 // Там же. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/pbvtpWeVcLJE/> (дата обращения: 20.05.2024); Приговор Новоусманского районного суда Воронежской области № 1-307/2023 от 28 декабря 2023 г. по делу № 1-307/2023 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Rh5neWfHfkUw> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ См., например: Приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда № 1-547/2019 1-55/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-225/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BxM1pUlc1sbd/?ysclid=lyblywk8pf75769416> (дата обращения: 20.05.2024); Приговор Судогодского районного суда Владимирской области № 1-26/2018 от 17 мая 2018 г. по делу № 1-26/2018 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5sdnmkcdjiHa> (дата обращения: 20.05.2024).

дательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

¹ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I // Официальный сайт Отдела информационного обеспечения Меджлиса Милли Генгеша Туркменистана. URL: <https://mejlis.gov.tm/ru/zakonodatelstvo/kodeksyi/?page=3> (дата обращения: 11.07.2024).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 11.07.2024).

³ См., например: Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорск № 1-231/2018 от 13 июня 2018 г. по делу № 1-231/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NjeEY9qMt9gh/?ysclid=lyblp8m9j5444291379> (дата обращения: 20.05.2024); Приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда № 1-547/

вершения нового преступления. Так, в приговоре Судогодского районного суда Владимирской области от 17 мая 2018 г. по делу С. Е. Полховского в обоснование меры назначенного наказания среди прочих обстоятельств подчеркивается тот факт, что преступления совершены подсудимым «при рецидиве преступлений, в течение короткого промежутка времени... <...> ...и незначительного периода (спустя менее полгода) с момента освобождения от отбывания наказания в виде реального лишения свободы...»¹. Но и такого рода решения встречаются нечасто.

По нашему мнению, добиваться от представителей судейского корпуса реализации положений ч. 1 ст. 68 УК РФ, а также учета особенностей применения общих критериев назначения наказания в подобных условиях должен Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Однако упоминаемое в настоящей работе постановление не содержит практически больше никаких рекомендаций по данному поводу. Между тем правоприменитель, несомненно, нуждается в разъяснении смысла названного выше законоположения и в ориентирах для установления такого рода особенностей.

На основании сказанного предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 пунктом 49.1 такого содержания: «По смыслу закона применение части 2 статьи 68 УК РФ не исключает возможности назначения наказания, размер которого превышает одну треть часть максимального размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление, либо минимальный размер данного вида наказания, указанный в санкции соответствующей статьи. В то же время признание в действиях лица рецидива не может служить препятствием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за конкретное преступление, в соответствии со ст. 64 УК РФ. В связи с этим, определяя меру наказания подсудимому, суды не только должны учитывать обстоятельства, перечисленные в части 1 статьи 68 и части 3 статьи 60 УК РФ, но и принимать меры к установлению фактов, отражающих изменение в его личности, в том числе под влиянием назначенного наказания. Особое внимание, в частности, наряду с видом рецидива необходимо уделять сравнительной тяжести по-

вторных и ранее совершенных преступлений, общему количеству судимостей, образующих рецидив и отдельный его вид, данным о поведении осужденного в период отбывания наказания, а также времени, прошедшего с момента освобождения от такового до совершения нового умышленного преступления».

Систематизируем теперь итоги нашего небольшого исследования в виде следующих выводов.

1. Указание в части 1 ст. 68 УК РФ на обстоятельства, подлежащие учету при назначении наказания при рецидиве преступлений, являются конкретизацией проявления в этих условиях универсальных критериев, установленных общими началами определения данной карательной меры. Посредством такого указания правоприменитель побуждается к сравнению уровня общественной опасности прежнего (прежних) и нового (новых) преступлений и тем самым к установлению изменений, произошедших в личности осужденного под влиянием назначенного наказания и его (наказания) исполнения.

2. Отказ законодателя от дифференцированного подхода к установлению минимальных пределов наказания в зависимости от видов рецидива не служит свидетельством нивелирования уголовно-правового значения нормативного выделения таких видов. Последние не только во многом определяют выбор судом исправительного учреждения для осужденного, но и находятся в фокусе внимания правоприменителя при выявлении сравнительной тяжести совершенных ранее и вновь преступлений и оценке личности осужденного.

3. Часть 1 ст. 68 УК РФ содержит далеко не полный перечень фактов, способных отражать своеобразие личности конкретного рецидивиста. Сообразно с общими началами назначения наказания суды, реализуя соответствующие специальные правила, должны учитывать и другие обстоятельства такого рода, в частности продолжительность времени, прошедшего с момента отбытия наказания за предыдущее преступление до совершения нового преступного посягательства, количество имеющихся у лица актуальных судимостей и др.

4. Практика показывает потребность правоприменителя в разъяснении ему смысла положений части 1 ст. 68 УК РФ и ориентирах для установления обстоятельств, подлежащих учету при назначении наказания рецидивистам. В связи с этим постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 от 22 декабря 2015 г. предлагается дополнить пунктом 49.1 с формулировкой, приведенной в тексте настоящей работы.

¹ См., например: Приговор Судогодского районного суда Владимирской области № 1-26/2018 от 17 мая 2018 г. по делу № 1-26/2018.

1. Бытко Ю. И. Понятие рецидива преступлений: исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 75 с.

2. Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. Москва: Унив. кн.: Логос, 2009. 272 с.

3. Дядькин Д. Правила назначения наказания при рецидиве преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 38—40.

4. Благов Е. В. Назначение наказания: (теория и практика). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2002. 176 с.

5. Степашин В. М. Об учете рецидива преступлений при назначении наказания // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 70—76.

6. Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1909. 441 с.

7. Чугаев А. П. Назначение наказания: учеб. пособие. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2003. 346 с.

8. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти: изд-во ВУиТ, 2018. 337 с.

9. Жарких Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 32 с.

10. Семенова Д. М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. 23 с.

Лобанова Любовь Валентиновна,
заведующий кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор;
lobanova@volsu.ru

Малимонова Мария Андреевна,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук;
malimonova@volsu.ru

1. Bytko Yu. I. The notion of repetition of crimes: historical review. Saratov: Saratov university publishing; 1978: 75. (In Russ.).

2. Grishko A. Ya., Potapov A. M. Amnesty. Pardon. Conviction. Moscow: University book; Logos; 2009: 272. (In Russ.).

3. Dyadkin D. Rules of punishment imposing under the repetition of crimes. Criminal law, 38—40, 2008. (In Russ.).

4. Blagov Ye. V. Imposing a punishment: theory and practice. Yaroslavl: YarSU publishing; 2002: 176. (In Russ.).

5. Stepashin V. M. To the problem of the repetition of crimes, while imposing a punishment. Journal of Russian law, 70—76, 2010. (In Russ.).

6. Chubinskiy M. P. A course of criminal politics. Yaroslavl: Provincial government publishing; 1909: 441. (In Russ.).

7. Chugaev A. P. The purpose of punishment. Handbook. Krasnodar: Kubansky state university; 2003: 346. (In Russ.).

8. Yakushin V. A. Punishment and other means of criminal law pressure. Monograph. Toliatti: TVU publishing; 2018: 337. (In Russ.).

9. Zharkikh Ye. A. The institute of repetition of crimes: notion genesis and transformation of system-structural and functional and role-based content. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2019: 32. (In Russ.).

10. Semyenova D. M. Basis and limits of criminal liability differentiation in view of concurrent crimes. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Samara; 2019: 23. (In Russ.).

Lobanova Liubov Valentinovna,
head of the criminal law department
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, professor;
lobanova@volsu.ru

Malimonova Mariya Andreyevna,
senior lecturer at the criminal law department
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
malimonova@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.25

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Борис Павлович Смагоринский**, *Анна Павловна Алексеева***, *Татьяна Валентиновна Анисимова***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, smagvolg@rambler.ru

** Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

*** Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, atvritor@yandex.ru

Аннотация. Резонансные преступления, влекущие за собой массовую гибель мирных жителей, периодически возвращают ученых, законодателя, да и все общество к обсуждению вопроса о необходимости возобновления назначения и приведения в исполнение виновным такого вида уголовного наказания, как смертная казнь. Смертная казнь как исключительная мера наказания в сознании людей ассоциируется с возмездием преступнику за совершенное им причинение смерти потерпевшим, с возможностью восстановления социальной справедливости. Действительно, в истории России, как и во всем мире, были традиции применения смертной казни за совершение наиболее тяжких преступлений, и в нашем сознании эти традиции заложены в генетической памяти социума. Тем не менее развитие общественных отношений, культуры, права, философии и других наук способствовали постепенному отказу от «закона равного возмездия» — талиона, который выступает грубым выражением справедливости, доступным и понятным даже первобытному человеку. В современном мире государство не может и не должно выступать инициатором применения телесных наказаний, даже по отношению к преступнику, тем более в тот момент, когда он уже изолирован от общества, ведь научно доказано, что подобные примеры ведут к эскалации насилия и другим отрицательным явлениям в социуме. Поэтому гуманное отношение к гражданам, недопустимость законного причинения смерти человеку (помимо обстоятельств, исключающих преступность деяния), реализация принципа неотвратимости ответственности — все это приводит к оздоровлению общества, укреплению морально-нравственных ценностей, законности и правопорядка.

Ключевые слова: смертная казнь, исключительная мера наказания, мораторий, отмена, особо тяжкие преступления, посягательство на жизнь

Для цитирования: Смагоринский Б. П., Алексеева А. П., Анисимова Т. В. Перспективы возобновления исполнения наказания в виде смертной казни в Российской Федерации: криминологический анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 28—33.

**PERSPECTIVES TO RESUME THE DEATH PENALTY EXECUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION:
CRIMINOLOGY ANALYSIS**

Boris Pavlovich Smagorinsky**, *Anna Pavlovna Alexeyeva***, *Tatiana Valentinovna Anisimova***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, smagvolg@rambler.ru

** Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Kaliningrad, Russia, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

*** Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Kaliningrad, Russia, atvritor@yandex.ru

Abstract. Crimes of increased public interest that produced the mass death of civilians periodically bring scientists, legislators and society back to the discussion of the need to resume the imposition and execution of the death penalty for perpetrator. The death penalty as an exceptional measure of punishment in the people's con-

consciousness is associated with punishment of the criminal whose actions led to the death of the victims, with the possibility of rectification of social injustice. Indeed, in the history of Russia, as well as throughout the world, there have been traditions of using the death penalty for the most serious crimes, and in our consciousness these traditions are based in the genetic memory of the society. Nevertheless, the development of social relations, culture, law, philosophy and other sciences contributed to the gradual abandonment of the "law of equal retribution" — talion, which acts as a crude expression of justice, accessible and understandable even to primitive person. In the modern world, the state cannot and should not initiate the use of physical punishment, even to the criminal, especially when he is already isolated from the society. Because it is scientifically proven that such examples lead to the escalation of violence and other negative phenomena in the society. Therefore, humane attitude to citizens, inadmissibility of lawful infliction of death to a person (in addition to the circumstances manifest criminality), implementation of the principle of responsibility inevitability — all this leads to the improving the health of the society, strengthening of moral values, law and order.

Keywords: death penalty, exceptional measure of punishment, moratorium, abolition, felonies, infringement on life

For citation: Smagorinsky B. P., Alexeyeva A. P., Anisimova T. V. Perspectives to resume the death penalty execution in the Russian Federation: criminology analysis. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 28—33, 2024. (In Russ.).

Смертная казнь как исключительная мера наказания предусмотрена статьей 59 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) и может назначаться только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Тем не менее в нашей стране данный вид наказания с 1997 г. не назначается в связи с вхождением России в Совет Европы.

Дискуссии о необходимости возврата к назначению смертной казни как исключительной меры наказания с тех пор не утихают.

В 2005 г. поводом к обсуждению этой темы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (далее — ГД РФ) стал захват более 1 100 заложников, пришедших 1 сентября 2004 г. на торжественную линейку в средней школе № 1 г. Беслана (Северная Осетия). В результате взрывов и пожара погибли 333 человека, включая 186 детей. После этого 28 октября 2005 г. в ГД РФ был внесен на рассмотрение законопроект № 230074-4 «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации»¹.

После крушения самолета над Синайским полуостровом 31 октября 2015 г., на борту которого находились 217 пассажиров и 9 членов экипажа, споры о необходимости смертной казни вновь возоб-

новились. Расследованием было установлено, что в хвостовой части самолета сработало заложное в аэропорту Шарм-эш-Шейха взрывное устройство. Ответственность за совершение теракта тогда взяла на себя террористическая организация «ИГ» (запрещена в России). Многие политики высказывались тогда за скорейшее принятие законопроекта № 230074-4, рассмотрение которого на тот момент в ГД РФ еще продолжалось. Несмотря на все доводы 25 июля 2018 г. законопроект № 230074-4 был отклонен.

Очередным поводом к обсуждению вопроса о возобновления смертной казни в России стал теракт в «Крокус Сити Холле», произошедший 22 марта 2024 г. в Москве, ставший вторым по числу жертв в истории России после захвата заложников в бесланской школе в 2004 г. В результате расстрела посетителей концерта, пожара и обрушения конструкций погибло 144 человека и 551 был ранен. 26 марта 2024 г. на пленарном заседании ГД РФ ее председатель Вячеслав Володин заявил, что «для отмены моратория на смертную казнь в России не понадобится референдум, достаточно соответствующего решения Конституционного суда»². За возврат к смертной казни высказались и другие законодатели: Сергей Миронов, Леонид Слуцкий и т. д. В результате обсуждения было принято решение о создании специальной межфракционной рабочей группы, которая проработает соответствующий законопроект.

¹ Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации: Законопроект № 230074-4 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230074-4> (дата обращения: 02.04.2024).

² Террористы и Европа обидятся за возвращение смертной казни в России // РИА новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20240405/ssha-1937982780.html> (дата обращения: 03.04.2024).

Понятно, что широкий общественный резонанс произошедшего теракта вновь обусловил повышенный интерес к теме смертной казни в России. Тем не менее с криминологической точки зрения отношение к данному виду наказания в науке не столь однозначно.

Смертная казнь всегда привлекала внимание из-за своего влияния на онтологические проблемы, связанные с вопросами о жизни после смерти. Д. С. Чукин в своем исследовании отмечает, что обсуждение вопроса о возвращении смертной казни имеет больше морально-этическое значение, чем юридическое, и зависит от взглядов общества на справедливость [1, с. 151]. В современном мире именно человек играет важную роль в определении добра и зла, и исключение человека из этого контекста делает данные понятия бессмысленными.

Причинение смерти человеку всегда связано с конкретными обстоятельствами и не может быть оценено однозначно, как хорошее или плохое событие. С одной стороны, убийство как преступление против жизни человека всегда осуждается и наказуемо. Однако есть ситуации, когда причинение смерти становится вынужденной мерой: в случае необходимой обороны, при задержании преступника (того же террориста), во время специальной военной операции при проведении боевых действий, и т. д. Вопрос же о возможности и необходимости причинения смерти осужденному, который уже нейтрализован, находится под стражей и не представляет угрозы обществу, становится

спорным. Это сложный моральный выбор, который можно сделать в зависимости от обстоятельств и уровня развития общества. Действительно, в истории России, как и во всем мире, были традиции применения смертной казни за совершение наиболее тяжких преступлений, и в нашем сознании эти традиции заложены в генетической памяти социума. Однако развитие общественных отношений, культуры, права, философии и других наук способствовали постепенному отказу от «закона равного возмездия» — талиона, который выступает грубым выражением справедливости.

В наше время, когда Россия заявляет о своем статусе правового демократического государства, наказание не может выражаться в смертной казни. Но до настоящего момента в законодательстве не произошло полного отказа от этой меры, что указывает на незавершенность процесса гуманизации наказания.

В цивилизованном мире происходят изменения в менталитете в пользу гуманизма, что отражается на ценностях общества, где жизнь человека становится приоритетом. Многие государства постепенно исключают смертную казнь из уголовных наказаний. Объем насилия в течение человеческой истории постепенно снижается, а чувствительность людей к нему увеличивается. Эта тенденция заметна даже на сравнительно небольшом историческом промежутке наблюдения за преступностью в России (рис.).

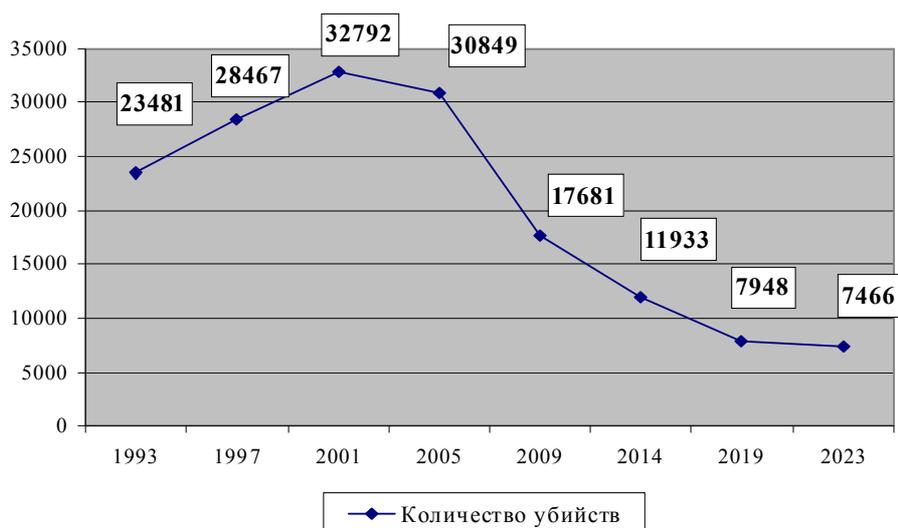

Рис. Количество убийств, совершенных в Российской Федерации в 1993—2023 гг.¹

¹ Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде // Росстат: сайт. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36225> (дата обращения: 02.04.2024).

Исходя из приведенных сведений, можно сделать вывод о том, что причинение страданий и смерти больше не считается в нашем обществе приемлемым способом достижения целей. Эволюция человеческих качеств, таких как свобода и разумность, осознание, что насилие неэффективно для решения проблем, развитие культуры привели к постепенному отказу государств от его применения в качестве меры наказания в интересах общества.

Дорожная карта уголовной политики России на 2017—2025 гг.¹ также включает поэтапные изменения в уголовном законодательстве, направленные на гуманизацию, систематизацию и пересмотр наказуемости преступлений. В связи с этим интересной представляется трансформация мнения россиян о необходимости применения смертной казни в качестве меры наказания. К. А. Долгополов в своей работе приводит следующие сведения: по данным социологических опросов в 2001 г., за применение смертной казни выступало 72 % россиян; в 2004 г. — 84 %; в 2005 г. — 96 %; в 2017 г. — 44 %; в 2019 г. — 49 %; 2021 г. — 29 % [2, с. 243]. Чаще всего за смертную казнь высказывались женщины среднего возраста, поскольку они считали возможным таким образом обезопасить себя и своих детей от вероятных посягательств со стороны преступников, их агрессивных действий. В условиях высокого уровня преступности и недостаточной защиты со стороны правоохранительных органов населения от криминальных проявлений некоторые женщины могут видеть в смертной казни превентивное средство воздействия на сознание преступников. Вместе с тем указанная позиция противоречит выбору категорий преступников, к которым, по мнению респондентов, следует применять данную меру наказания. Среди таких категорий они называли убийц с психическими расстройствами (маньяков); террористов; членов преступных сообществ (преступных организаций), совершивших неоднократные убийства по найму. Очевидно, что лиц с психическими аномалиями вряд ли можно остановить таким способом. Равно как и террористов, и представителей организованной преступности, которые действуют далеко не спонтанно, заранее продумывают механизм совершения преступления и пути сокрытия следов его совершения, максимально рассчитывая избежать уголовной ответственности.

Из этого следует, что общество в России разделилось по вопросу целесообразности применения смертной казни. Сторонники разных точек

зрения высказывают мнения как за, так и против этой меры. Одни говорят о том, что смертная казнь выступает в качестве способа удержания потенциальных преступников в будущем от совершения особо тяжких преступлений, приводят доводы о высоких затратах на содержание осужденных в местах лишения свободы, а также о важности адекватного наказания за совершенное преступление [3, с. 6]. По их мнению, при совершении особо тяжких преступлений человек как бы утрачивает возможность восстановления права на жизнь [4, с. 58]. Другие же выдвигают аргументы против смертной казни, такие как возможность ошибок суда, недопустимость лишения жизни человека, религиозные убеждения и другие [5, с. 461—462].

Использование смертной казни в прошлом свидетельствовало об обесценивании человеческой жизни на уровне государства и общества. Эволюция морали поставила духовные ценности выше материальных благ. В обществах, где государство и культура работают вместе для подавления насилия, наблюдается тенденция к более мягким наказаниям, с учетом не только перевоспитания преступника, но и воспитания общества в целом, чтобы формировать негативное отношение к жестокости. В связи с этим сегодня смертная казнь там рассматривается как архаичный элемент прошлого, несовместимый с современной моралью и не отражающий ценностей нынешнего общества.

Поддерживая смертную казнь, государство как бы уходит от цивилизованного пути возмездия и возвращается в средневековье, подстегивая жажду жертв и их родственников к физической расправе над преступником.

Стоит вспомнить о том, что целями наказания в нашей стране являются «исправление осужденного и предупреждение им совершения новых преступлений». Возникает закономерный вопрос: достигаются ли эти цели при смертной казни и при пожизненном лишении свободы как альтернативном наказании?

Как правило, исправление осужденного за время отбывания наказания в виде лишения свободы наиболее заметно в первые шесть — восемь лет изоляции. Со временем эффективность превентивных мер уменьшается, и личность осужденного начинает деградировать, усложняя его социальную адаптацию и возможность условно-досрочного освобождения. Если после восьми лет пребывания в местах лишения свободы при хорошем поведении осужденного условия его содержания не меняются к лучшему, мотивация к исправлению у него снижается. С каждым годом заключения у осужденных утрачивается чувство вины за причиненный вред в результате совершенных ими преступлений.

¹ Дорожная карта уголовной политики России на 2017—2025 гг. // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 02.04.2024).

Низкий уровень образования и интеллекта, слабая социальная интеграция, отсутствие полезных навыков для труда и неудовлетворенность своим положением в обществе являются препятствиями для успешной ресоциализации осужденных. Большинство пожизненно осужденных трудоспособного возраста не имеют работы или образования, что тормозит процесс их исправления и мешает развитию социальных ролей. Они часто страдают от повышенной напряженности, агрессии, асоциальных настроений и чувства отторжения обществом, склонны нарушать распорядок дня в колонии, испытывать тревогу и демонстрировать невротические симптомы. В связи с этим многие специалисты считают, что при отбывании пожизненного лишения свободы перед органами исполнения наказания не ставится задача исправления осужденного, а скорее преследуется цель специальной и общей превенции, как, собственно, и при назначении наказания в виде смертной казни. В любом случае наказание в виде пожизненного лишения свободы — это вполне адекватная реакция государства на любое, самое жестокое преступление. Осужденный, его отбывающий, понимает безысходность своего положения, отсутствие перспектив в будущем. Ученые даже высказывают мнения о том, что такое наказание является более суровым, чем смертная казнь [6].

Государство, принимая различные решения, касающиеся жизни общества, как бы демонстрирует желаемый вектор развития общественных отношений. Если оно считает возможным применять меры, причиняющие смерть преступникам, это мгновенно проецируется и на сознание людей в данном обществе. Они неосознанно воспринимают такое решение как сигнал к допустимости насилия, начиная воспроизводить эти модели поведения, стереотипы в своей собственной жизни, тем самым тиражируя количество совершаемых убийств и других насильственных преступлений. Поэтому гуманное отношение к гражданам, недопустимость законного причинения смерти человеку (помимо обстоятельств, исключающих преступ-

ность деяния), реализация принципа неотвратимости ответственности — все это приводит к оздоровлению общества, к укреплению морально-нравственных ценностей, законности и правопорядка [7].

Таким образом, неприменение смертной казни в Российской Федерации может быть рассмотрено как положительное событие, как переход от жестокости обращения с осужденными к более гуманным общественным ценностям без серьезной угрозы для законности и правопорядка. Этот шаг подчеркивает важность защиты прав человека даже в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, стремление к гражданскому обществу, где осужденные имеют право на исправление и возможность приносить пользу обществу, даже находясь в местах лишения свободы. Для относительно молодого государства, каким является Российская Федерация, важно преодолеть «репрессивное правосознание», сложившееся во времена СССР, и создать механизм правового государства, который существует не только на бумаге, но и в жизни.

Сохранение смертной казни в России не приведет к снижению уровня преступности, поскольку основные причины совершения преступлений обусловлены социально-экономическими факторами, низким уровнем культуры и правосознания, а также материального обеспечения и благосостояния общества, что мотивирует людей к нарушению установленных в государстве правил поведения. Эти проблемы до сих пор не были полностью решены, несмотря на трансформацию законодательства и проведение социально-экономических реформ. Поэтапная реализация мер, направленных на создание социально ориентированного общества, где гражданин имеет равные возможности для самореализации, развития и образования, может оказать более значимое влияние на снижение уровня преступности, нежели применение к преступникам жестокости, мер телесного наказания, включая смертную казнь.

---

1. Чукин Д. С. Смертная казнь: узаконенное убийство или восстановление социальной справедливости? // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (19). С. 149—156.

2. Долгополов К. А. Отношение общества к назначению наказания в виде смертной казни в России как фактор социальной стабильности // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3, № 5. С. 242—247.

---

1. Chukin D. S. Death penalty: legalized murder or restoration of social justice? Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii, 149—156, 2022. (In Russ.).

2. Dolgoplov K. A. The attitude of society to the imposition of punishment in the form of the death penalty in Russia as a factor of social stability. Russian Economic Bulletin, 242—247, 2020. (In Russ.).

3. Побегайло Э. Ф. Тенденции насильственной преступности в России и проблема смертной казни // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 11. С. 4—11.

4. Еськова Л. К., Каменева А. Ю. Смертная казнь как вид наказания в современном мире // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 2 (36). С. 57—61.

5. Демидова А. В. Смертная казнь как вид уголовного наказания: современное состояние и тенденции развития // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 455—465.

6. Шавеко Н. А. К вопросу о причинах отмены телесных наказаний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 42—46.

7. Мелихов А. И. Оперативно-разыскная политика в составе государственной политики в области обеспечения национальной безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (67). С. 94—97.

Смагоринский Борис Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации;
smagvolg@rambler.ru

Алексеева Анна Павловна,

профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Анусимова Татьяна Валентиновна,

профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор филологических наук, профессор;
atvritor@yandex.ru

3. Pobegailo E. F. Trends of violent crime in Russia and the problem of the death penalty. Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction, 4—11, 2010. (In Russ.).

4. Yeskova L. K., Kameneva A. Yu. Death penalty as a form of punishment in the modern world. Penitentiary Law: legal theory and law enforcement practice, 57—61, 2023. (In Russ.).

5. Demidova A. V. The death penalty as a type of criminal punishment: current state and trends of development. Issues of Russian Justice, 455—465, 2022. (In Russ.).

6. Shaveko N. A. To the question of the reasons for the cancellation of corporal punishment. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 42—46, 2022. (In Russ.).

7. Melikhov A. I. Operative and investigative policy as part of the state policy in the field of ensuring national security. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 94—97, 2022. (In Russ.).

Smagorinsky Boris Pavlovich,

professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored scientist of the Russian Federation;
smagvolg@rambler.ru

Alexeyeva Anna Pavlovna,

professor at the department of criminal law,
criminology and criminal executive law
of the Kaliningrad branch
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Anisimova Tatiana Valentinovna,

professor of the department of social and economic
and humanitarian disciplines
of the Kaliningrad branch
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of philological sciences, full professor;
atvritor@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.211(09)

**КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД**

Владимир Иванович Третьяков*, Ирина Алисаламовна Нифталиева**

* Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, tretyakov1717@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, niftalieva89@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается генезис категории справедливости в социально-философских парадигмах Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Анализ концепций мыслителей разных исторических периодов свидетельствует о том, что справедливость рассматривалась как категория, которая обуславливает общественные отношения, закладывает фундамент для законов и права. Она регулирует отношения между людьми с точки зрения морали, выражая единство значимого и должного.

Философы указывали на то, что содержание справедливости носит исторический характер и определяется в зависимости от времени, места и особенностей общественного развития. Вместе с тем постоянным и неизменным в ней является соразмерность, обеспечивающая разумное равновесие между добром и злом, правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием.

Изучение категории «справедливость» с точки зрения социальной философии способствует разрешению возникающих сегодня законодательных и правоприменительных проблем, связанных с реализацией принципов уголовного права.

Ключевые слова: справедливость, категория, право, закон, преступление, наказание, сущность, содержание, соразмерность

Для цитирования: Третьяков В. И., Нифталиева И. А. Категория «справедливость» в уголовном праве: социально-философский подход // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 34—40.

**THE CATEGORY OF "JUSTICE" IN CRIMINAL LAW:
SOCIAL PHILOSOPHICAL APPROACH**

Vladimir Ivanovich Tretyakov*, Irina Alisalamovna Niftalieva**

* Kuban State University, Krasnodar, Russia, tretyakov1717@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, niftalieva89@yandex.ru

Abstract. The article deals with the genesis of the category of justice in socio-philosophical paradigms of Antiquity, Middle Ages, New and Modern times.

Analysis of the concepts of scholars of different historical periods reveals that justice was considered as a category which determines public relations, lays the foundation of law and laws. It regulates human links in terms of morality, expressing the unity of significant and proper.

Philosophers pointed out that the content of justice is historical and is determined depending on time, place and peculiarities of social development. At the same time, its proportionality is constant and unchangeable providing reasonable balance between good and evil, the rights and duties of the individual, labor and remuneration, deed and retribution.

The study of the category of "justice" from the point of view of social philosophy contributes to the resolution of legislative and law enforcement problems arising today and related to the implementation of the principles of criminal law.

Keywords: justice, category, right, law, crime, punishment, essence, content, proportionality

For citation: Tretyakov V. I., Niftalieva I. A. The category of "justice" in criminal law: social philosophical approach. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 34—40, 2024. (In Russ.).

В эпоху глобальных перемен и больших вызовов вопросы справедливости приобретают особую актуальность. Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 26 марта 2024 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин в очередной раз обозначил ценность этой категории. «От того, насколько эффективно мы будем обеспечивать социальную справедливость, — заявил глава государства, — зависит внутривнутриполитическое состояние российского общества. Это сохранение нашего государства и обеспечение достижения тех целей, которые мы перед собой ставим по всем важнейшим направлениям»¹.

Справедливость составляет фундамент стабильности, экономического и политического развития государства. Она является условием нормального и мирного существования людей. Важнейшую роль справедливость играет в формировании государственно-правовой материи, выступая универсальной мерой поведения и миропонимания, средством обеспечения незыблемости права. Справедливость — это элемент общественного правосознания, без которого немислимо адекватное отражение в законе объективной действительности.

Идея справедливости выступает ключевым звеном в механизме обеспечения прав и свобод человека, оказавшегося в сфере уголовного права. Закрепление в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ справедливости в качестве одного из его принципов является прогрессивным шагом в области правотворчества. Вместе с тем понимание справедливости подвержено переосмыслению, исходя из современных тенденций экономической, политической, социальной, духовной и других сфер жизнедеятельности людей. Кроме того, разрешению возникающих сегодня проблем реализации уголовно-правовых принципов в законодательстве и правоприменительной практике будет способствовать проведение исследований, предметом которых должна стать справедливость как явление, обуславливающее содержание основополагающих начал уголовного права.

Категория «справедливость» волновала людей на протяжении существования человечества. Мыслители разных исторических периодов предпринимали попытки определить сущность, содержание, характер и значение данной категории, а также установить ее связь с правом.

Античные философы искали истоки справедливости. Согласно воззрениям Гомера, она имеет божественную природу и выступает единственным мерилом правового. Требование, соответствующее представлениям о справедливости, становится общепринятым правилом поведения. В. С. Нерсисянц отмечает, что «право „гомеровского общества“ — это совокупность индивидуальных прав, освященных принципом справедливости (дике) и соответствующих сложившемуся обычаю (темис)» [1, с. 13].

В концепции справедливости Демокрита особое место отведено правовым аспектам. Закон он рассматривал в качестве необходимого средства принудительного воздействия на тех, кто вследствие своих умственных и нравственных недостатков не способен постигать добродетели. Преступление, по Демокриту, есть олицетворение зла, движущей силой которого является зависть. Этот порок и выступает тем неразумным и вредным своеволием, от которого закон призван оберегать людей. Наказание же должно основываться на писаном законе или устоявшемся правовом обычае, характеризоваться неотвратимостью и суровостью во имя всеобщего блага. «Должно, — подчеркивал Демокрит, — во что бы то ни стало убивать все, что приносит вред и попирает справедливость» [2, с. 170]. Освобождение преступника от наказания мыслитель определял как несправедливость. Безнаказанность же, согласно позиции Демокрита, должна иметь место в случае совершения преступления в отношении другого преступника. Здесь, как представляется, описана оценка действий лица, находящегося в состоянии необходимой обороны.

Дальнейшее развитие теории справедливости связано с именем Сократа. Мыслитель различал естественное право и позитивный закон. Особенность его воззрений состоит в том, что он не противопоставлял одно другому: и божественные, и человеческие установления исходят из требований справедливости. Причем справедливость является здесь не просто критерием законности: у Сократа справедливость и законность сливаются воедино. «Нежелание поступать несправедливо, — указывал мыслитель, — есть достаточное доказательство справедливости... я говорю: что законно, то справедливо» [3, с. 134].

Весомый вклад в познание аспектов справедливости внес Аристотель. Он выделял две ее формы — уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость проявляется при назначении наказания, которое должно отвечать требованиям неотвратимости и адекватности (со-

¹ Путин заявил о влиянии социальной справедливости на состояние общества. URL: <https://ria.ru/20240326/putin-1935944043.html> (дата обращения: 27.03.2024).

размерности нанесенному в результате совершения преступления ущербу). Судья же, восстанавливая равенство, выступает олицетворением справедливости. В «Этике» Аристотель отмечал: «...некоторые даже называют судьей „посредниками“, полагая, что, найдя посредника, найдут и правосудие» [4, с. 153].

Распределяющая справедливость представляет собой разделение благ и обязанностей между членами общества, которое может быть как равномерным, так и неравномерным, поскольку обосновывается необходимостью учета индивидуальных свойств и качеств личности (достоинств). Справедливость заключается в распределении почестей, адекватно вкладу того или иного человека в общее дело. Такой вид справедливости не отличается универсальностью, ее содержание зависит от условий жизни людей, формы организации общества, существующих правовых норм и нравственных установлений.

Согласно аристотелевской трактовке, право, олицетворяя справедливость, упорядочивает общественные отношения. Причем в понимании мыслителя право, как политическая справедливость, выступает регулятором общения людей равных, а не находящихся в отношении «господин — раб». Справедливость есть равенство в отношении равных и неравенство в отношении неравных. Обратный подход оценивается как несправедливость.

По мнению Эпикура, справедливость представляет собой исторически изменчивое явление, понимание которого зависит от специфики государственного устройства, условий жизни людей и трансформации социальных идеалов. Поступки человека, законы и т. п. в один период, в одном месте и при одних обстоятельствах оцениваются как справедливые, однако в другое время, в другом обществе и в других реалиях перестают быть таковыми. Для каждой эпохи характерно определенное содержание справедливости, однако неизменной ее составляющей (сущностью, сутью) является общее согласие о пользе [2, с. 217—218].

Зарождение христианства привело к теологическому пониманию рассматриваемой категории. Так, Фома Аквинский (Аквинат) в своей концепции развивал суждения античных мыслителей, опираясь при этом на религиозные основы. Под справедливостью богослов понимал одну из основных добродетелей (созданий свободной воли), которая проявляется в отношении человека к окружающим. Фома определял справедливость как неизменную волю, состоящую в предоставлении каждому своего, ему принадлежащего.

С точки зрения Фомы Аквинского, право есть реализация справедливости в праведном порядке человеческого общения. Он выделял три вида права. Вечное право исходит от Бога и представляет собой совокупность божественных норм и принципов, лежащих в основании управления вселенной. Для богослова вечное право — это высшее справедливое право, ведущее людей к всеобщему благу. Оно содержится в Боге и, по сути, тождественно ему. От вечного права производно естественное право — совокупность правил, прошедших через сознание человека. Такой вид права имеет неизменный и разумный характер, познать его может лишь человек мыслящий. Нормы естественного права требуют стремиться к постижению истины (Бога) и уважению достоинства людей. Естественное право находит отражение в человеческом (позитивном) праве. Его положения сдерживают людей от зла и принуждают их к постижению добродетели. Добродетельные люди, по мнению Аквинского, не нуждаются в позитивных законах, им достаточно естественного закона. Однако для того чтобы обезопасить совершенного человека от людей порочных и неподдающихся наставлениям, необходим страх наказания. В отличие от естественного права, нормы человеческого права у разных народов различны.

Человеческие законы Фома Аквинский делил на справедливые и несправедливые. Справедливые человеческие законы должны отвечать требованиям естественного права, быть направлены на достижение общей пользы, подразумевать выполнимость предписаний, которые в них изложены, и равенство этих предписаний для всех людей, а также быть приняты в надлежащем порядке. Несправедливые законы в свою очередь различались на два типа. Несправедливые законы первого типа не содержат формальных признаков закона. Второй тип несправедливых законов — те, которые идут вразрез с установлениями естественного и вечного закона.

Краткий обзор бытовавших в социально-философских парадигмах Античности и Средневековья воззрений показал, что справедливость всегда наделялась особым социальным статусом. Эта категория регулировала отношения между людьми, определяла вектор развития общества, а также содержание права. Понимание справедливости не является вечным и неизменным. Оно зависимо от времени, особенностей общества, определенных обстоятельств и условий. Однако постоянным ее элементом выступает соразмерность как мера, позволяющая обеспечить разум-

ное соотношение благ и зол, прав и обязанностей в совместной жизни людей в рамках одного социального пространства.

Формирование капиталистических отношений обусловило превалирование концепции буржуазного права, основанного на юридическом восприятии идеи справедливости. Предложенная основоположниками европейской философии права теория включает положение о справедливости как обязательном признаке права, отражающем требования разума.

Шарль Луи Монтескье, внесший весомый вклад в развитие философии права и государства, исследовал обстоятельства, определяющие справедливость норм позитивного права. В рамках данного анализа важное значение он придавал особенностям народа (его менталитету, нравам и обычаям), специфике государственного устройства (организации государственной власти, делению территории государства на части и т. д.), характеру природных условий местности (климату, близости к морю, горным и лесным массивам, рельефу местности и пр.). Правовед указывал на необходимость соблюдения системности законодательства, установления особых факторов принятия закона и формулирования конкретных законодательных целей.

В философско-правовой концепции Монтескье большое внимание уделялось также технике составления справедливых законов. Началом законодательства, по мнению юриста, должна стать умеренность («дух умеренности должен быть духом законодателя»). Это достаточно абстрактное положение находит конкретизацию в ряде правил. Так, закон должен быть лаконичным, простым и понятным для всех людей. Следует отказаться от употребления в тексте многозначных слов. В законе должны быть обозначены понятия, точно выражающие мысль законодателя. Целесообразно воздерживаться от правовых тонкостей, не доступных большинству граждан. Для изменения, ограничения либо исключения закона нужны весомые аргументы. Мотивировка закона должна быть достойна закона. Не следует устанавливать запреты на действия, не представляющие опасности и не влекущие причинения вреда. «Законам, — писал Монтескье, — должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью» [5, с. 654].

В теории Монтескье справедливый закон, учитывающий географические, исторические, социальные, религиозные и другие условия, обстоя-

тельства и факторы, составленный в соответствии с правилами законодательной техники, имеет объективно обусловленный, закономерный и разумный характер. Только такой закон, по мнению мыслителя, способен противостоять произволу в общественной и политической жизни.

Иммануил Кант осуществил философскую разработку теории наказания с позиции восстановления социальной справедливости. Уголовное наказание, согласно воззрениям мыслителя, должно представлять собой причинение лицу страдания, адекватного совершенному им преступлению. В то же время мера государственного принуждения не требует обоснования с точки зрения утилитарности. По мнению Канта, преступник «должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан» [6, с. 256].

Сущность наказания составляет идея *абсолютного* равенства между деянием и воздаянием. К примеру, за убийство должна назначаться исключительно смертная казнь. Однако из этого правила Кант делает два исключения — в случае убийства матерью новорожденного внебрачного ребенка и убийства на дуэли. В остальных ситуациях справедливость безоговорочно требует смертной казни убийцы (согласно известному кантовскому тезису «пусть свершится справедливость, если даже погибнет мир»). Допустим указанный вид наказания и за иные, в частности государственные, преступления.

Концепция справедливого наказания получила детализацию в творчестве Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. По мнению мыслителя, под наказанием следует понимать не расплату за совершенное деяние, а право самого преступника, вытекающее из его поведения. Гегель открыто критиковал позиции своих предшественников, в которых виновный предстает не в образе свободной личности, обладающей разумом, а исключительно в качестве объекта мести со стороны государства.

Субъект, по Гегелю, должен быть подвергнут мерам уголовного воздействия только за те деяния, которые охватывались его умыслом и целями. Отстаивая ответственность лишь за виновное причинение вреда, мыслитель выступал против наказания за случай (казус) и отрицал возможность объективного вменения.

Философ отвергал принцип талиона и настаивал на установлении между наказанием и преступлением «равенства по ценности». «В абсолютной связи с преступлением, — подчеркивал Гегель, —

находится справедливость возмездия. Здесь мы имеем дело с абсолютной необходимостью, которая их связывает, ибо одно есть противоположное другому, одно — противоположная субсумция другого» [7, с. 313].

Наказание, по Гегелю, всецело зависит от преступного деяния: характера и степени общественной опасности, особенностей личности виновного и сопутствующих обстоятельств. Вместе с тем философ уточнял, что справедливость определения наказания, исходя из качественных и количественных показателей преступления, есть «нечто более позднее, чем субстанциальность самого предмета», что необходимо учитывать «природу конечного» [8, с. 149]. В итоге, по утверждению Гегеля, описанное тождество позволит наказанию выступать в качестве «наказующей справедливости» и одной из форм справедливости в государстве [8, с. 148, 152].

Для Владимира Сергеевича Соловьева равное (симметричное) возмездие оказывается несовместимым с христианскими заповедями и моральными принципами. Справедливость как месть за совершенное деяние является бессмысленной, не имеющей выражения в действительности. Теория, согласно которой вору надлежит в наказание самому оказаться обворованным, виновный за увечье должен подвергаться такому же увечью и т. д., по мнению Соловьева, может найти поддержку лишь у полудиких народов или варварских племен, живущих по принципу «око за око, смерть за смерть».

Соловьев выступал против смертной казни. Этот вид наказания для философа представляет собой наивысшую степень зла. Смертная казнь бесчеловечна, с точки зрения нравственности она разрушает, развращает общество. Греховность смертной казни заключается в том, что человек присваивает себе полномочия Божьего суда. Происходит подмена абсолютного знания, божественной справедливости на субъективное мнение о виновности или невиновности лица [9, с. 91—92].

Проблема справедливости является центральной в творчестве Ивана Александровича Ильина. С точки зрения мыслителя, справедливость — ориентир в праве. Ввиду человеческой индивидуальности справедливая правовая норма не может наделять субъектов равными правами и обязанностями. Происходит признание естественного неравенства людей, обусловленного их полом, возрастом, состоянием здоровья, умениями, навыками, талантами и другими характеристиками. Право-

вые притязания должны быть соразмерны особенностям личности согласно принципу «кому больше дано, с того больше и взыщется» [10, с. 110].

Справедливость, по Ильину, не сводится к формальному равенству всех людей. Она, напротив, заключается в дифференциации (разделении) лиц, исходя из присущих им качеств. Однако, несмотря на различие по своим силам и способностям, люди, согласно теории правоведа, равны по своему «безусловному духовному» достоинству. Поэтому право требует поддержания такого равновесия, при котором каждый мог бы вести достойное существование. Ильин заключает, что «справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего» [11, с. 94].

Владик Сумбатович Нерсисянц рассматривал категорию «справедливость» в контексте смертной казни. Согласно его концепции, высшая мера наказания должна назначаться и применяться *только* за умышленное причинение смерти другому человеку. Убийство — это преступление, посягающее на высшую ценность. И этой ценности — человеческой жизни — эквивалент лишь другая жизнь.

По своей юридической природе смертная казнь за убийство представляет собой доказательство превосходства права и реализации принципа соразмерности между преступлением и наказанием. Соответствие высшей санкции исходному правовому запрету — запрету на лишение жизни — имеет первостепенное значение для всей системы права. Неприменение смертной казни за убийство — это не просто замена одного вида наказания другим, а нарушение принципа «равноценной правовой ответственности» в наиболее важном аспекте правового регулирования.

Как отмечал Нерсисянц, противники смертной казни обосновывают свою позицию, указывая на естественное право каждого человека на жизнь. Подобные аргументы, по его мнению, в этом вопросе неуместны, поскольку не только убийца, но и жертва имеет от природы «право только на свою, а не на чужую жизнь». Естественное право при этом требует равного воздаяния за равное. «С этих естественноправовых позиций... ясно, что смертная казнь за убийство, — подчеркивал философ, — это не произвольная выдумка общества и государства, а необходимое, справедливое и равноценное наказание за преступление против основного естественного права другого человека» [12, с. 629—630].

Таким образом, философы Нового и Новейшего времени подчеркивали важнейшее значение справедливости при формировании общественного сознания, гражданского общества и права. Справедливость есть исходное положение (общее разумное начало, естественное право), которым следует руководствоваться и в законодательной деятельности, и в процессе применения права. Это система правил, складывающаяся под влиянием человеческого разума, служащая неким флагманом для позитивного закона. Весьма ценными для понимания современных процессов являются положения о социальной обусловленности законов и правила законодательной техники Монтескье, теории наказания Канта, Гегеля, Соловьева, философско-правовое обоснование необходимости применения смертной казни Нерсисянца.

Рассмотрение справедливости как категории социальной философии служит ключом к пониманию справедливости как категории права. Проведенное исследование позволяет заключить, что справедливость представляет собой пронизывающее широкую сферу жизнедеятельности людей социальное явление, которое возникает, существует и изменяется на определенном этапе развития конкретного общества. Как понятие нравственности, справедливость выступает в качестве критерия оценки деятельности людей сквозь призму общественных интересов, выражающего соотношение установленных явлений и процессов с точки зрения разделения добра и зла.

В самом широком понимании справедливость является одной из центральных социально-философских категорий, отражающих исторические, социально-экономические, политические и право-

вые условия существования общества и государства, а также тенденции их развития. Она раскрывает основы построения отдельных общественных институтов.

Справедливость относится к числу вечных фундаментальных ценностей, призванных обеспечивать защиту личности, ее прав и интересов, порядок и стабильность в государстве. В этом аспекте правильнее подразумевать категорию «социальная справедливость», а не понятие «справедливость», менее отражающее предельно широкий спектр и многостороннее содержание существенного признака данного явления.

Справедливость является одним из ориентиров в формировании права, а соразмерность (адекватность) — основной элемент содержания справедливости и права. Справедливость требует соразмерности между правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием. В то же время установление соразмерности может привести как к равенству, так и к неравенству. С одной стороны, справедливым является то, что одинаково, равно для всех. Во взаимоотношениях людей требование равенства — это требование естественного права, вытекающее из человеческой природы. С другой стороны, поскольку люди не равны между собой по физическим и интеллектуальным способностям, имущественному и социальному положению и т. д., применять требования равенства к неравным в буквальном смысле слова людям будет несправедливо. Правовые требования, тем самым, должны быть соразмерны индивидуальным особенностям человека.

---

1. Нерсисянец В. С. Политические учения Древней Греции. Москва: Наука, 1979. 261 с.

2. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 238 с.

3. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. и послесл. С. И. Соболевского. Москва: Наука, 1993. 379 с.

4. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. Москва: Мысль, 1984. 830 с.

5. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. проф. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлиной. Москва: Госполитиздат, 1955. 800 с.

---

1. Nersesyants V. S. Political doctrines of Ancient Greece. Moscow: Science; 1979: 261. (In Russ.).

2. Materialists of Ancient Greece. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus. Moscow: State Political Literature Publishing; 1955: 238. (In Russ.).

3. Xenophon. Memories of Socrates. Translated and afterword article by S. I. Sobolevsky. Moscow: Science; 1993: 379. (In Russ.).

4. Aristotle. Works. In 4 vols. Vol. 4. Transl. from ancient Greek and ed. by A. I. Dovatur. Moscow: Thought; 1984: 830. (In Russ.).

5. Montesquieu S. L. Selected Works. Ed. and introduction article by prof. M. P. Baskin; notes by prof. R. S. Mindlina. Moscow: State Political Literature Publishing; 1955: 800. (In Russ.).

6. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. Москва: Мысль, 1965. 478 с.

7. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. Москва: Наука, 1978. 437 с.

8. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.

9. Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. 190 с.

10. Ильин И. А. Религиозный смысл философии: три речи 1914—1923; Поющее сердце: книга тихих созерцаний. Москва: АСТ: Хранитель, 2007. 285 с.

11. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 93—99.

12. Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. Москва: Норма, 2006. 834 с.

6. Kant I. Works. In 6 vols. Vol. 4, part 2. Ed. by V. F. Asmus. Moscow: Thought; 1965: 478. (In Russ.).

7. Hegel G. V. F. Political works. Moscow: Nauka; 1978: 437. (In Russ.).

8. Hegel G. V. F. Philosophy of law. Moscow: Thought; 1990: 524. (In Russ.).

9. Solovyov V. C. Law and Morality. Minsk: Harvest; Moscow: AST; 2001: 190. (In Russ.).

10. Ilyin I. A. Religious sense of philosophy: three speeches 1914—1923; Singing heart: a book of quiet contemplations. Moscow: AST: Guardian; 2007: 285. (In Russ.).

11. Ilyin I. A. General doctrine of law and state (fragments). Legal Science, 93—99, 1992. (In Russ.).

12. Nersesants V. C. Philosophy of law. Text-book for universities. Moscow: Norm; 2006: 834. (In Russ.).

Третьяков Владимир Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; tretyakov1717@yandex.ru

Tretyakov Vladimir Ivanovich,

professor at the department of constitutional and administrative law of the Kuban State University, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation; tretyakov1717@yandex.ru

Нифталиева Ирина Алисаламовна,

старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук; niftalieva89@yandex.ru

Niftalieva Irina Alisalamovna,

senior lecturer at the department of criminal law of the educational and scientific complex for the preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences; niftalieva89@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.132.8

**ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В СОВРЕМЕННОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ:
ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ*****Решат Шевкетович Асанов***

Отдел МВД России по Кировскому району Республики Крым,
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия,
reshrock@mail.ru

Аннотация. Используемые на практике протоколы следственных действий, как правило, не содержат в своей структуре каких-либо положений, раскрывающих содержание правомочий участников при их производстве, в связи с чем процессуальная форма действующих протоколов не отвечает современным требованиям в части соблюдения и обеспечения прав личности в уголовном процессе.

В целях сохранения баланса публичных и частных интересов в уголовном производстве предложена оптимальная конструкция, подразумевающая протокольное закрепление нормативных положений: 1) о цели и порядке проведения следственного действия; 2) о содержании прав, обязанностей и ответственности участников, независимо от их процессуального статуса. При таком подходе всем участникам будет гарантирована возможность лично ознакомиться со своими правомочиями, отраженными в протоколе, в начале производства следственных действий, что необходимо для реализации их законных интересов. Учитывая значимость данного вопроса, предлагается закрепить соответствующие требования в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: протокол, бланки, следственные действия, следовательно, правообеспечение, личность, участник, гарантии, права, свободы, законные интересы, обязанности, ответственность

Для цитирования: Асанов Р. Ш. Протоколы следственных действий в современном досудебном производстве: закрепление правообеспечительных гарантий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 41—54.

**RECORDS OF INVESTIGATIVE ACTIONS
IN ACTING PRE-TRIAL PROCEEDINGS:
FIXATION OF ENFORCEABLE GUARANTEES*****Reshat Shevketovich Asanov***

Department of the Ministry of the Interior of Russia for Kirovsky district of the Republic of Crimea,
Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, reshrock@mail.ru

Abstract. The records of investigative actions used in practice do not generally contain any regulations in their structure revealing the content of the powers of the participants in their proceedings, in connection with which the procedural form of the current records does not meet modern requirements in terms of respecting and ensuring the rights of the personality in criminal proceedings.

In order to maintain the balance of public and private interests in criminal proceedings, the optimal structure is suggested, meaning records fixation of statutory regulations: 1) about the purpose and procedure of the investigative action; 2) about the content of the rights, duties and responsibilities of the participants, regardless of their procedural status.

By applying such approach, all participants will be guaranteed the opportunity to familiarize themselves with their legal powers pointed out in the record at the beginning of investigative actions, which is necessary for the realization of their legitimate concerns. Taking into consideration the importance of this issue, it is offered to fix appropriate requirements in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: record, forms, investigative actions, investigator, law enforcement, personality, participant, guarantees, rights, freedoms, legitimate concerns, duties, responsibility

For citation: Asanov R. Sh. Records of investigative actions in acting pre-trial proceedings: fixation of enforceable guarantees. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 41—54, 2024. (In Russ.).

Привлекая лиц к участию в том или ином процессуальном действии, следователь¹ контактирует с разными субъектами, оформляя полученные результаты познавательной деятельности в виде соответствующего протокола, правильность составления которого часто оспаривается правозащитниками.

Помимо своего назначения, представленного как документальный способ фиксации проводимых мероприятий, правовая значимость протоколов следственных действий определена и тем, что они используются в качестве доказательств по уголовному делу (п. 5 ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Законодатель при этом подчеркнул, что протоколы следственных действий «допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом» (ст. 83 УПК РФ).

Эта норма указывает следователю и другим правоприменителям на необходимость строгого соблюдения законности, а равно обеспечения прав личности не только при производстве следственных действий, но и при составлении соответствующих протоколов. Именно поэтому исследование заданной темы является крайне необходимым в современном уголовном производстве, в котором правообеспечительная деятельность следователя вышла на первый план [1, с. 235].

Значимость данного вопроса в свое время отмечал профессор С. А. Шейфер: «...в процессуальной форме следственных действий важное место занимают правообеспечительные операции. Они осуществляются следователем во исполнение возложенных на него обязанностей и направлены на создание участникам процесса реальной возможности воспользоваться предоставленными им правами» [2, с. 156].

Обращение к протоколам, включая их бланки², которые используются и составляются правоприменителями в ходе производства следственных действий, позволяет сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве из них отсутст-

вуют действенные правообеспечительные средства, гарантирующие участникам реализацию их прав, свобод и законных интересов.

Так, проведенный анализ применяемых на практике протоколов: 1) осмотра места происшествия; 2) обыска; 3) выемки; 4) предъявления лица для опознания; 5) предъявления предмета для опознания; 6) освидетельствования; 7) проверки показаний на месте; 8) следственного эксперимента; 9) осмотра предметов, — указывает на то, что они в своей структуре не содержат нормативные положения и выдержки из УПК РФ, раскрывающие содержание правомочий участников, а предусматривают лишь наличие подписей лиц под статьями кодекса, без их расшифровки. Иными словами, такой элемент правообеспечительной деятельности, как «разъяснение прав», остается на совести следователя, ведь участники лишены возможности лично увидеть и ознакомиться со своими правомочиями при производстве следственного действия. Поэтому в юридической литературе справедливо отмечается, что письменная форма досудебного производства подразумевает документальное закрепление разъяснения участникам их прав [3, с. 108].

Следует отметить, что нерешенность обозначенной проблемы влечет негативные последствия как для участников следственных действий, так и для правоприменителей.

Случай из практики. По результатам проведения осмотра места происшествия, осуществленного с участием Кадилова, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), следователь составил соответствующий протокол, используя стандартный бланк, в котором отсутствовала формулировка положений ст. 51 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.; далее — Конституция РФ). В ходе проведения следственного действия Кадилов указал на следы совершенного им преступления, которые далее были зафиксированы следователем в протоколе и легли в основу доказательств вины Кадилова. Однако после возбуждения уголовного дела «вошедший в дело» защитник Кадилова подал в суд жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой про-

¹ Далее также подразумевается дознаватель, сотрудник органа дознания.

² В настоящей статье такие категории, как «протокол» и «бланк протокола», не разграничиваются автором и считаются единым понятием.

сил признать данный протокол осмотра места происшествия недопустимым доказательством, поскольку Кадинову не были разъяснены положения ст. 51 Конституции РФ. При рассмотрении жалобы в суде следователь сообщил, что разъяснял Кадинову право не свидетельствовать против себя и не давать каких-либо пояснений. В целях установления истины судья обратился к протоколу осмотра места происшествия, в котором отсутствовали положения ст. 51 Конституции РФ, в связи с чем жалоба стороны защиты была удовлетворена в полном объеме¹.

Исследуя проблему используемых протоколов следственных действий, важно отметить, что в настоящее время они нормативно не предусмотрены, хотя законодатель первоначально все же попытался закрепить конкретные формы процессуальных документов при принятии УПК РФ, к которому были разработаны соответствующие приложения, а также в 2003 г. при внесении соответствующих изменений в УПК РФ² — появилась гл. 57 со ст. 476 «Перечень бланков процессуальных документов досудебного производства», содержащей 169 бланков. Однако в 2007 г. законодатель отказался от этой идеи, полностью исключив из текста УПК РФ предусмотренные в законе бланки процессуальных документов³.

Проводя сравнение используемых в настоящее время бланков протоколов следственных действий с теми, которые были ранее закреплены в УПК РФ, установлено отсутствие в них каких-либо отличий, что свидетельствует о сохранении до настоящего времени процессуальной формы протоколов образца 2003 г. В связи с этим следует согласиться с теми авторами, которые указывают на необходимость постоянного обновления и модернизации уголовно-процессуальных документов [4, с. 12].

На нормативном уровне порядок составления протоколов следственных действий закреплен в ст. 166 УПК РФ, в которой среди общих правил

имеется норма, напрямую связанная с рассматриваемой проблемой. Так, согласно ч. 10 ст. 166 УПК РФ, «протокол должен также содержать запись о разъяснении участникам следственных действий в соответствии с настоящим Кодексом их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями участников следственных действий...». Согласно буквальной формулировке этой нормы, на правоприменителя возложена обязанность фиксации в протоколе лишь отметок о факте разъяснения участникам их правомочий, в то время как требование об использовании протоколов, содержащих нормы с развернутым перечнем прав, обязанностей и ответственности участников следственного действия, законодателем не предъявлено.

При данных обстоятельствах участники, подписывая протоколы, часто не имеют какого-либо представления о значении указанных в нем статей УПК РФ. Единственная надежда в данном вопросе, как нами уже отмечалось, — предполагаемое доведение до участников содержания их прав в устном порядке. Однако, учитывая значимость следственных действий и возможное ограничение прав личности при их проведении, этого недостаточно. Все указывает на то, что в протоколах следственных действий должны быть закреплены правообеспечительные гарантии в виде конкретных нормативных положений УПК РФ, раскрывающих перечень правомочий участников и сущность проводимого следственного действия. Только в таком случае личность будет обеспечена реальной возможностью реализовать свои права и законные интересы. Вместе с тем при решении данной проблемы необходимо выработать конструкцию, которая, с одной стороны, обеспечила бы личность процессуальными гарантиями, а с другой — не сильно усложняла деятельность следователя при разработке и подготовке модернизированных протоколов.

Первоочередной шаг видится в необходимости определения направлений разъяснительной деятельности, подлежащей закреплению в протоколах, при проведении того или иного следственного действия.

Согласно ч. 5 ст. 164 УПК РФ «следователь, привлекая к участию в следственных действиях участников... разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если... участвует потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик, то он также предупреждается об

¹ Из личного опыта.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 УК РФ».

Как видно, в указанной норме законодатель ведет речь о разъяснении участникам трех элементов: прав, ответственности и порядка проведения следственного действия. Однако на принципиальном уровне в ч. 1 ст. 11 УПК РФ отмечается, что следователь обязан разъяснять участникам не только их права и ответственность, но и обязанности. Поскольку данная норма имеет универсальное значение, то сфера ее применения распространяется и на производство следственных действий. Соответственно, недостающим элементом разъяснительной деятельности при производстве следственных действий выступают обязанности участников, о чем вполне справедливо отмечается в юридической литературе [5, с. 9].

Кроме того, мы полагаем, что участники должны быть проинформированы не только о порядке проведения следственного действия, как указано в УПК РФ, но также и о цели его производства. По данному поводу А. И. Баянов пишет: «...представление о цели следственного действия и ее понимание — важнейшие условия, обеспечивающие реализацию каждым участником следственного действия (не только понятыми) прав и законных интересов» [6, с. 424]. Примечательно, что цель, как необходимая установка, подлежащая разъяснению, упоминается лишь в ч. 4 ст. 170 УПК РФ по отношению к понятым. Однако общее представление о назначении проводимого мероприятия следует знать и всем иным участникам, поэтому разъяснение цели следственного действия, на наш взгляд, также является одним из общих положений его производства.

Таким образом, в ходе следственных действий наряду с устным разъяснением подлежат отражению в протоколе: цель и порядок их проведения, права, обязанности и ответственность участников. Учитывая, что законодатель в УПК РФ практически не раскрывает содержания указанных элементов применимо к проведению следственных действий, далее следует подробно остановиться на каждом из них.

Логика уголовно-процессуальной деятельности указывает на то, что первоначально любой участник в общих чертах должен понять, для чего проводится следственное действие. Поэтому мы считаем необходимым закреплять в протоколе предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством формулировку цели (назначения) того или иного следственного действия. Например, в протокол осмотра места происшествия целесообразно

включить положения ч. 1 ст. 176 УПК РФ: «...осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Аналогичный подход видится и в протокольном закреплении нормативных положений о порядке проведения следственного действия. В то же время, как справедливо отмечает В. В. Кальницкий, «порядок производства следственного действия разъясняется с той степенью детализации, которая позволяет получить общее представление о его сущности, гарантирующее осознанную и полную реализацию прав и обязанностей» [7, с. 12—13]. Соответственно, говоря о протоколе осмотра места происшествия, в нем целесообразно отображать общие положения ст. 177 УПК РФ, а именно: «осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия... предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра...» и т. д.

При определении перечня прав, подлежащих закреплению в протоколах, важно понимать, что в следственных действиях могут фигурировать не только субъекты с ранее закрепленным конкретным статусом (потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый, участвующие при проведении освидетельствования, предъявления для опознания и т. д.), но также и лица без определенного правового положения, к примеру жильцы домовладения, в котором проводится обыск, или заявитель в ходе осмотра места происшествия. Соответственно, следует учитывать, что в первом примере участникам до производства следственного действия уже разъяснялись правомочия при наделении их статусом, в связи с чем нет необходимости в их дублировании. Как отмечает С. Б. Россинский, «следователь не должен разъяснять участникам следственных действий все права, составляющие их процессуальный статус. В полном объеме эти права разъясняются лишь при наделении субъекта данным статусом...» [8, с. 110—111].

Разделяя такой подход, мы полагаем, что закреплению подлежит тот перечень универсальных (базовых) правомочий [9, с. 10], который применим к любым лицам, чьи права, свободы и законные интересы в той или иной мере затрагиваются в ходе следственного действия, независимо от их процессуального положения. Только в таком случае личности будет гарантировано соблюдение и обеспечение ее прав. Ранее, при проведении совместного

с профессором А. А. Давлетовым исследования, мы пришли к выводу о том, что такими правами являются: 1) не свидетельствовать против себя и своих близких (ст. 51 Конституции РФ); 2) пользоваться услугами адвоката и в случае его участия получать от него консультации; 3) заявлять ходатайства; 4) делать заявления и давать пояснения; 5) высказывать возражения по поводу действий (бездействия) следователя или действий иных участников; 6) по окончании следственного действия знакомиться с протоколом; 7) вносить в протокол замечания о правильности и полноте произведенных в нем записей [10, с. 166—167].

Вместе с тем, принимая во внимание специфическую роль таких участников следственных действий, как эксперт, специалист, переводчик и понятые, мы полагаем, что применительно к ним необходимо отражать в протоколе их процессуальные права, предусмотренные ст. 57—60 УПК РФ. Указанное обусловлено тем, что личные интересы этих субъектов не затрагиваются при проведении следственного действия, в связи с чем на них распространяются отдельные правомочия.

Переходя к обязанностям участников следственных действий, подлежащим закреплению в протоколах, важно указать, что УПК РФ, как отмечалось, не регламентирует этот аспект. Более того, законодатель допустил неточность, поскольку в целом во втором разделе УПК РФ вместо обязанностей участников закреплены запреты, т. е. перечень того, что лицо «не вправе» совершать. В связи с этим данный вопрос остается отдельной проблемой в науке уголовного процесса [11].

Учитывая необходимость закрепления универсальных требований, на наш взгляд, к обязанностям всех участников следственных действий следует отнести: 1) не нарушать порядок производства следственного действия; 2) выполнять законные требования следователя в ходе производства следственного действия.

Говоря об ответственности лиц, участвующих в процессуальных действиях, необходимо отметить, что законодатель этот вопрос относит лишь к потерпевшим, свидетелям, специалистам, экспертам и переводчикам, которые предупреждаются по ст. 307 и 308 УК РФ за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, а также отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Однако указанная конструкция видится уязвимой, поскольку данные положения применимы к ограниченному кругу субъектов и в большей мере рас-

пространяются на проведение допросов. В связи с этим мы полагаем, что ответственность всех участников, подлежащая отражению в протоколах, должна не только основываться на положениях ст. 307, 308 УК РФ, но и наступать в случаях: 1) разглашения данных предварительного расследования по ст. 310 УК РФ (при соблюдении требований ч. 3 ст. 161 УПК РФ); 2) неисполнения участниками следственных действий своих процессуальных обязанностей, что влечет за собой применение денежного взыскания в порядке ст. 117—118 УПК РФ.

Разобравшись с содержанием нормативных положений, подлежащих закреплению в протоколах следственных действий, важно перейти к следующему проблемному вопросу.

Согласно ч. 1 ст. 166 УПК РФ, «протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания». Такая формулировка нацеливает правоприменителя на возможность составления протокола после того, как начнется следственное действие. При данных обстоятельствах предложенная нами конструкция попросту теряет свой смысл. Ведь идея закрепления в протоколах правообеспечительных средств заключается в том, чтобы участники перед проведением следственных действий имели возможность наглядно увидеть и ознакомиться со своими правами, обязанностями и ответственностью, что гарантированно позволит им на базовом уровне отстаивать свои законные интересы. Поэтому крайне важно, чтобы составление и подписание вводной части протокола, содержащей сведения об участниках и их правомочиях, всегда предшествовало осуществлению следственных действий в следственном мероприятии.

В ходе исследования настоящей темы необходимо отдельно остановиться на протоколах допросов экспертов, свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, в которых, как правило, закреплены нормы, раскрывающие содержание правового статуса данных участников. Вместе с тем в них не отражены обозначенные нами правомочия участников применительно к производству следственных действий. Поэтому полагаем, что структура протоколов допросов подлежит дополнению в этой части.

В завершение рассматриваемой темы исследование стоит отметить, что предложенная нами конструкция нуждается в нормативном закреплении путем внесения соответствующих дополнений и корректировок в ст. 166 УПК РФ, с тем чтобы обязать правоприменителей использовать прото-

колы, содержащие в своей структуре наглядный перечень прав, обязанностей и ответственности участников следственного действия, а также положения о цели и порядке его проведения. Кроме этого, крайне важно внести изменения в ч. 1 ст. 166 УПК РФ, в которой следует закрепить требование о составлении и подписании вводной части протокола, содержащей вышеуказанные элементы, всегда в начале следственного действия.

Для наглядного восприятия предложенной идеи по решению обозначенной проблемы целесообразно обратиться к процессуальным формам документов на примере протокола осмотра места происшествия: применяемый сейчас на практике типовой бланк протокола осмотра места происшествия (приложение 1); разработанный и предлагаемый нами бланк протокола осмотра места происшествия (приложение 2). Сравнение указанных бланков позволяет убедиться в обоснованности выдвинутой конструкции и отсутствии какой-либо сложности в ее реализации.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам.

1. Используемые на практике протоколы следственных действий (включая их бланки) не содержат положений УПК РФ, раскрывающих правомочия участника, а предусматривают лишь наличие отметок об их разъяснении под перечнем статей данного кодекса, что обусловлено ошибкой законодательной техники и применением процессуальных форм морально устаревших бланков.

2. Современное досудебное производство требует наличия правообеспечительных средств, гарантирующих любым участникам возможность реализации их законных интересов, что достигается путем закрепления в протоколах: 1) общих положений о цели и порядке проведения следственного действия; 2) содержания прав, обязанностей и ответственности участников следственных действий, независимо от их процессуального статуса.

3. Цель и порядок следственного действия, подлежащие закреплению в протоколах, определяются соответствующими нормами УПК РФ. Содержание прав, обязанностей и ответственности участников при проведении следственных действий законодателем не обозначено.

4. К правам участников следственных действий, подлежащим закреплению в протоколах, следует отнести: 1) не свидетельствовать против себя и своих близких (ст. 51 Конституции РФ); 2) пользоваться услугами адвоката и в случае его участия получать от него консультации; 3) заявлять ходатайства; 4) делать заявления и давать пояснения; 5) высказывать возражения по поводу действий (бездействия) следователя или действий иных участников; 6) по окончании следственного действия знакомиться с протоколом; 7) вносить в протокол замечания на правильность и полноту произведенных в нем записей.

5. Обязанностями участников следственных действий, подлежащими закреплению в протоколах, являются: 1) не нарушать порядок производства следственного действия; 2) выполнять законные требования следователя в ходе производства следственного действия.

6. К ответственности, подлежащей отражению в протоколах, наряду с положениями ст. 307, 308 УК РФ следует также относить разглашение данных предварительного расследования, влекущее за собой уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ, а также неисполнение участниками следственных действий своих процессуальных обязанностей, что влечет применение денежного взыскания в порядке ст. 117—118 УПК РФ.

7. Составление и подписание вводной части протокола, содержащей сведения о правомочиях участников и сущности проводимого мероприятия, должно всегда осуществляться перед началом проведения следственного действия, а не «в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания», как закреплено в УПК РФ.

---

1. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2021. 299 с.

2. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

3. Золотухина Н. В., Жукова П. Н., Горкина Е. В. Виды процессуальных документов в следственных органах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2. С. 105—118.

---

1. Asanov R. Sh. Ensuring the rights of the personality as a function of the investigator in the criminal process. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2021: 299. (In Russ.).

2. Sheifer S. A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow: Yurlitinform; 2001: 208. (In Russ.).

3. Zolotukhina N. V., Zhukova P. N., Gorkina Ye. B. Types of procedural documents in investigative bodies. Journal of the Volgograd Academy

4. Миликова А. В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 24 с.

5. Базюк М. Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 226 с.

6. Баянов А. И. Разъяснение участникам уголовного судопроизводства целей следственных действий как необходимое условие реализации их прав и законных интересов // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8, вып. 4. С. 421—429.

7. Кальницкий В. В. Следственные действия: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская Академия МВД России, 2003. 72 с.

8. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. Москва: Норма, 2018. 240 с.

9. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 26 с.

10. Давлетов А. А., Асанов Р. Ш. Правообеспечительная функция следователя: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 216 с.

11. Зайцева Е. А. Дефекты юридической техники при разработке и модернизации УПК РФ как отражение уровня правовой культуры субъектов законодательной инициативы // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 123—129.

of the Ministry of the Interior of Russia, 105—118, 2021. (In Russ.).

4. Milikova A. V. Criminal procedural acts of the bodies of preliminary investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2019: 24. (In Russ.).

5. Baziuk M. L. Protection of human and civil rights and freedoms as a principle of Russian criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Irkutsk; 2009: 226. (In Russ.).

6. Bayanov A. I. Explanation to the participants of criminal proceedings of the goals of investigative actions as a necessary condition for the realization of their rights and legitimate concerns. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 421—429, 2017. (In Russ.).

7. Kalnitsky V. V. Investigative actions. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2003: 72. (In Russ.).

8. Rossinsky S. B. Investigative actions. Monograph. Moscow: Norma; 2018: 240. (In Russ.).

9. Bulatov B. B. The procedural status of persons in respect of whom the accusatory activity is carried out. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2011: 26. (In Russ.).

10. Davletov A. A., Asanov R. Sh. Law enforcement function of the investigator. Monograph. Moscow: Yurлитinform; 2022: 216. (In Russ.).

11. Zaitseva Ye. A. Defects of legal technique in the development and modernization of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a reflection of the level of legal culture of subjects of legislative initiative. Legal technique, 123—129, 2016. (In Russ.).

**ПРОТОКОЛ
осмотра места происшествия**

« ____ » _____ 20 ____ г.

(место составления)

Осмотр начат в ____ ч ____ мин

Осмотр окончен в ____ ч ____ мин

(должность следователя (дознателя),

классный чин или звание, фамилия, инициалы)

получив сообщение _____

(от кого, о чем)

прибыл _____

(куда)

и в присутствии понятых:

1. _____

(фамилия, имя, отчество

и место жительства понятого)

2. _____

(фамилия, имя, отчество

и место жительства понятого)

с участием _____

(процессуальное положение, фамилия, имя, отчество каждого лица,

участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях

его адрес и другие данные о его личности)

в соответствии со ст. 164, 176 и частями первой-четвертой и шестой ст. 177 УПК РФ
произвел осмотр _____

(чего)

Перед началом осмотра участвующим лицам разъяснены их права, ответственность, а также порядок производства осмотра места происшествия.

Понятым, кроме того, до начала осмотра разъяснены их права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ.

_____
(подпись понятого)

_____
(подпись понятого)

Специалисту (эксперту) _____
(фамилия, имя, отчество)

разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. 58 (57) УПК РФ.

_____
(подпись понятого)

_____
(подпись понятого)

Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены
о применении при производстве следственного действия технических средств _____
(каких именно

и кем именно)

Осмотр производился в условиях _____
(погода, освещенность)

Осмотром установлено: _____
(что именно, описываются процессуальные действия

в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные

для данного дела обстоятельства, а также излагаются заявления (пояснения) лиц, участвовавших

в следственном действии; технические средства, примененные в ходе производства следственного

действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были

применены, и полученные результаты)

В ходе осмотра проводилась _____
(фотосъемка, видео-, аудиозапись и т. п.)

При производстве следственного действия изъяты _____
(перечень изъятых

предметов с указанием их индивидуальных признаков и особенностей, способа

упаковки, опечатывания (какой печатью) и отметки о заверении подписями следователя,

понятых и других лиц, участвующих в следственном действии, куда предметы

направлены после изъятия или место их последующего хранения)

Все обнаруженное и изъятое при производстве следственного действия предъявлено понятым
и другим участникам следственного действия.

К протоколу прилагаются _____

(фотографические негативы и снимки,

киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации,

чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия)

Протокол предъявлен для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъяснено их право делать подлежащие внесению в протокол оговоренные и удостоверенные подписями этих лиц замечания о его дополнении и уточнении. Ознакомившись с протоколом путем _____

(личного прочтения или оглашения протокола следователем (дознавателем) участники следственного действия замечания о его дополнении и уточнении _____

(не сделали,

сделали — какие именно (указываются процессуальное положение, фамилия

и инициалы участника следственного действия и содержание сделанных им дополнений

и уточнений к содержанию протокола)

Поняты:

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

Специалист (эксперт)

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

Иные участвующие лица:

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

Настоящий протокол составлен в соответствии со ст. 166 (167) УПК РФ.

Следователь (дознатель)

_____ (подпись)

**ПРОТОКОЛ
осмотра места происшествия**

«__» _____ 20__ г.

Осмотр начат в «__» ч. «__» мин.

Осмотр окончен в «__» ч. «__» мин.

получив сообщение _____

прибыл _____

где в присутствии понятых:

1) _____

2) _____

с участием:

3) _____

4) _____

5) _____

6) _____

7) _____

в соответствии со ст. 164, 166, 176, 177 и 180 УПК РФ произвел осмотр:

Участники осмотра места происшествия, в соответствии с ч. 5 ст. 166 УПК РФ, заранее предупреждены о применении в ходе следственного действия следующих технических средств: _____

Перед началом осмотра всем участникам, согласно ч. 10 ст. 166 УПК РФ, разъяснены цель и порядок проведения осмотра: согласно ст. 176, 177, 180 УПК РФ осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Изъятию подлежат только те предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу. В протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов. Все обнаруженное и изъятое при осмотре должно быть предъявлено участникам осмотра. Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Осмотр помещения организации производится в присутствии представителя администрации соответствующей организации. В протоколе описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре в той последовательности, в какой производился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра; перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре.

Понятые: 1) _____ 2) _____

Иные участники: 3) _____ 4) _____

5) _____ 6) _____

7) _____

Перед началом осмотра всем участникам, согласно ч. 10 ст. 166 УПК РФ, разъяснены их права, обязанности и ответственность:

Участники осмотра, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются в ходе следственного действия, имеют право: 1) не свидетельствовать против себя и своих близких (ст. 51 Конституции РФ); 2) пользоваться услугами адвоката и в случае его участия получать от него консультации; 3) заявлять ходатайства; 4) делать заявления и давать пояснения; 5) высказывать возражения по поводу действий (бездействий) следователя или действий иных участников; 6) по окончании процессуального действия знакомиться с протоколом; 7) вносить в протокол замечания на правильность и полноту произведенных в нем записей.

Понятые, согласно ст. 60 УПК РФ, имеют право: участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого они участвовали.

Специалист, согласно ст. 58 УПК РФ, имеет право: отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями; задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя; знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол.

Все участники в ходе осмотра обязаны: 1) не нарушать порядок производства следственного действия; 2) выполнять законные требования следователя в ходе производства следственного действия.

Все участники в ходе осмотра несут ответственность: за разглашение данных предварительного расследования (если участник был об этом предупрежден в порядке ст. 161 УПК РФ), что влечет уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ, а также за неисполнение своих процессуальных обязанностей, что влечет применение денежного взыскания в порядке ст. 117—118 УПК РФ.

В случае участия потерпевшего и свидетеля они предупреждаются об уголовной ответственности: за заведомо ложные показания, а также за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний по ст. 307 и 308 УК РФ.

С вышеуказанными правами, обязанностями и ответственностью ознакомлены:

Понятые: 1) _____ 2) _____
Иные участники: 3) _____ 4) _____
5) _____ 6) _____
7) _____

Осмотр производился в условиях _____
при _____ освещении.

Осмотром установлено: _____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

При производстве осмотра места происшествия изъяты предметы и (или) вещества, которые предъявлены понятым и всем участвующим лицам:

(указывается перечень изъятого с описанием места изъятия, индивидуальных признаков, упаковок, а также их опечатывания)
_____
_____

В ходе осмотра проводилось _____
_____

(при наличии составленных схем, чертежей и т. д. делается соответствующая отметка об их приложении к протоколу)

После составления протокола с соблюдением требований ст. 164, 166, 180 УПК РФ он предъявлен всем участникам для личного ознакомления.

После ознакомления с протоколом осмотра места происшествия путем _____

(зачитывания вслух следователем либо личного прочтения)

заявления, замечания, дополнения и ходатайства от участников _____

(поступили или не поступили, если поступили: содержание заявлений)
_____
_____
_____
_____

Понятые (Ф. И. О., подпись): 1) _____

2) _____

Иные участники (Ф. И. О., подпись):

3) _____

4) _____

5) _____

6) _____

7) _____

Протокол составил: _____

_____
(Ф. И. О., подпись)

Асанов Решат Шевкетович,
начальник следственного отделения
ОМВД России
по Кировскому району Республики Крым,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права
Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук;
reshrock@mail.ru

Asanov Reshat Shevketovich,
head of the investigation department
of the department
of the Ministry of the Interior of Russia
for Kirovsky district of the Republic of Crimea,
associate professor at the department
of criminal procedural law
of the Crimean branch
of the Russian State University of Justice,
candidate of juridical sciences;
reshrock@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.14

**ТРЕБОВАНИЕ К ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА СУДОМ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*****Елена Вильгельмовна Вологина**, *Эйда Владимировна Голоманчук*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, golomachuk-ev@ranepa.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается важный аспект уголовного процесса — требование к допустимости доказательств при рассмотрении дела судом. Авторы обращают внимание на сущность и значение доказательств в уголовных делах, подчеркивая их роль в установлении обстоятельств событий. Рассматриваются основные требования к допустимости доказательств, включая их релевантность, непротиворечивость, недопущение незаконного давления при их получении. Исследование фокусируется на правовых аспектах допустимости, раскрывая как теоретические, так и практические вопросы. Дается анализ критериев допустимости, которым доказательства должны соответствовать. Уделяется внимание вопросу установления источника и достоверности доказательств. Авторы приходят к выводу, что необходимо расширить возможности использования цифровой подписи в уголовном процессе, поскольку это повысит эффективность формирования допустимости уголовно-процессуальных доказательств. Новейшие технологии могут существенно улучшить процесс подтверждения достоверности доказательств в уголовном процессе, обеспечивая более точные и объективные результаты.

Ключевые слова: допустимость доказательств, требования к допустимости доказательств, критерии допустимости, доказательства в уголовном процессе, достоверность доказательств, полнота доказательств

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В. Требование к допустимости доказательств при рассмотрении дела судом в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 55—61.

**REQUIREMENT FOR EVIDENCE TO BE ADMISSIBLE,
WHILE TRYING A CASE IN CRIMINAL PROCEEDINGS
BY THE COURT*****Yelena Vil'gel'movna Vologina**, *Eida Vladimirovna Golomanchuk*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, golomachuk-ev@ranepa.ru

Abstract. This article deals with an important aspect of the criminal proceeding — the requirement for evidence to be admissible, while trying a case by the court. The authors pay attention to the essence and significance of evidence in criminal cases, emphasizing its role in establishing the circumstances of events; consider the basic requirements for evidence to be admissible including its relevance, consistency, and avoidance of unlawful pressure while obtaining it. The research focuses on legal aspects of admissibility, paying attention to both theoretical and practical issues. The authors make an analysis of the admissibility criteria that evidence must meet. Attention is paid to the issue of establishing the source and reliability of evidence. The authors make a conclusion that it is necessary to expand the possibilities of using digital signatures in criminal proceedings to increase the efficiency of forming the admissibility of evidence in criminal proceeding. The latest technologies can significantly improve the process to verify the reliability of evidence in criminal proceedings, providing more accurate and objective results.

Keywords: admissibility of evidence, requirements for evidence to be admissible, admissibility criteria, evidence in criminal proceedings, reliability of evidence, completeness of evidence

For citation: Vologina Ye. V., Golomanchuk E. V. Requirement for evidence to be admissible, while trying a case in criminal proceedings by the court. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 55—61, 2024. (In Russ.).

Проблема допустимости доказательств при судебном рассмотрении является одной из ключевых, поскольку от данной категории зависит обеспечение прав и законных интересов участников, а также эффективность правосудия.

С развитием юридической мысли и установлением принципа верховенства права вопрос о допустимости доказательств стал одним из крайне актуальных и важнейших аспектов уголовного процесса, поскольку именно допустимость напрямую определяет обеспечение прав и законных интересов сторон, саму возможность подтвержденного установления виновности, что имеет прямое влияние на достижение целей уголовного судопроизводства.

Однако не все доказательства, предоставленные сторонами, могут быть признаны судом приемлемыми. Это может произойти по различным причинам. Например, из-за отсутствия достаточных данных, нарушения процедуры правил сбора или же несоблюдения требований закона. В таких случаях суд отклоняет определенные доказательства и признает их недопустимыми. Одной из причин может быть нарушение закона о защите персональных данных, права на неприкосновенность частной жизни и т. д. Так, суд должен отклонить доказательства, т. е. признать их недопустимыми, в случае получения их заведомо незаконным путем, с использованием незаконных методов (например, прослушивание телефонных переговоров без санкции суда, незаконное получение личной переписки, в том числе из мессенджеров или социальных сетей).

Кроме того, суд может отклонить доказательства, представленные с нарушением установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) процедур и правил сбора доказательств. Если сторона не соблюдает процедуры доказывания или не предоставляет достаточной информации о том, как они были получены, суд вправе отклонить такие доказательства как недопустимые.

Доказательства, представленные в виде предметов, т. е. вещественные доказательства, отражают характеристики демонстрируемых объектов. Например, в случае кражи могут остаться следы

пальцев рук подозреваемого, в случае убийства орудие преступления может остаться на месте преступления.

Факты в теоретическом ключе следует понимать как истинное, подтвержденное доказательствами знание объективной реальности. Фактологическая информация — это информация, которая позволяет распознать факт. В процессе судебного доказывания участники процесса оперируют не самими фактами, а информацией о них, соответствующей определенной процессуальной форме.

В практическом ключе доказательствами по делу являются факты, на основании которых суд определяет наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для надлежащего рассмотрения и разрешения дела.

В соответствии с правовой природой мы говорим о следующих ключевых особенностях доказательств.

1. Относимость характеризует судебные доказательства со стороны их содержания, т. е. информации. Судебные доказательства не должны содержать информацию о достоверных фактах, а только об искомых, т. е. фактах предмета доказывания, которые относятся к расследуемому событию.

2. Суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела.

Допустимость характеризует судебные доказательства с точки зрения их процессуальной формы. Этот признак означает, что информация о фактах предмета доказывания должна быть получена только из средств доказывания, предусмотренных законом.

В доктрине, конечно, нет единой характеристики допустимости: кто-то оценивает ее через способы получения доказательств [1], кто-то через пригодность и компетентность субъекта их получения [2].

Среди ученых наблюдаются различные подходы к вопросу допустимости доказательств. Так, А. В. Терешкина указывает, что допустимость доказательств выступает важнейшим фактором обеспечения справедливости в уголовном процессе [3],

В. А. Середнев исследует нравственные основы, связанные с допустимостью доказательств в уголовном процессе [4], В. В. Терехин предлагает систематизированные стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе [5]. С. С. Цыганенко [6], А. В. Шигуров, И. А. Колдина [7] определяют проблемы оценки допустимости доказательств в российском уголовном процессе и предлагают пути их решения.

Допустимость доказательств в узком смысле относится к установленному законом запрету на использование некоторых из указанных доказательств в конкретном уголовном процессе. Например, факт психического расстройства может быть установлен только на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы.

3. Законность получения доказательств с их последующим многоаспектным изучением предусматривает обязательное соблюдение установленных законом требований к процессуальной форме сбора информации об интересующих объектах.

В юриспруденции бытует мнение, что решение вопроса об относимости доказательств должно проходить в два этапа:

1) необходимо определить, включены ли факты, установление которых необходимо для признания их доказательствами, в предмет доказывания или в число других фактов, необходимых для надлежащего разрешения дела;

2) могут ли доказательства подтвердить или опровергнуть факты, имеющие значение для дела.

Юридические стандарты относимости доказательств в современных уголовных процессах позволяют участникам уголовного судопроизводства, ответственным за уголовное производство, оценивать доказательства в пределах своих полномочий, тем самым исключая доказательства, которые не имеют отношения к делу.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) в п. 13 постановления «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» от 19 декабря 2017 г. № 51 (далее — Постановление № 51) отметил, что доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами. Схожее разъяснение

Пленум ВС РФ приводит в п. 16 постановления «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8. Однако в данном постановлении Пленум добавляет, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией права человека и гражданина.

Наиболее распространенным нарушением, которое выявляют кассационные суды общей юрисдикции, является допрос оперативного сотрудника (следователя, дознавателя) о содержании пояснений (показаний), данных заподозренным лицом в отсутствие защитника, о чем свидетельствуют определение Первого Кассационного суда общей юрисдикции (далее — КСОЮ) от 6 июля 2021 г. по делу № 77–2299/2021; определение Второго КСОЮ от 24 июня 2021 г. по делу № 77–1731/2021; определение Третьего КСОЮ от 18 мая 2021 г. по делу № 77–846/2021 и т. д.

Подход судов основан на позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), выраженной в определении от 6 февраля 2004 г. № 44-О. КС РФ указал, что положение, «содержащееся в ч. 3 ст. 56 УПК в его конституционно-правовом истолковании, не может служить основанием для воспроизведения в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля дознавателя или следователя, производившего дознание или предварительное следствие».

Вместе с тем внимания заслуживают и определения Второго КСОЮ от 24 июня 2021 г. по делу № 77–1731/2021 и Седьмого КСОЮ от 18 августа 2020 г. по делу № 77–1429/2020. В этих решениях кассационные суды распространили запрет на восстановление пояснений заподозренного, в том числе на показания понятых. Такой подход обоснован, поскольку в уже упомянутом определении № 44-О КС РФ отметил, что закон «исключает возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений». Таким образом, не имеет значения, как сторона обвинения будет пытаться восстанавливать пояснения подозреваемого лица. Они в любом случае не могут быть допустимыми доказательствами, исходя из п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Допустимость можно понимать как ключевое для уголовного процесса свойство оценки доказа-

тельства, которое заключается в способности информации использоваться в этом качестве в уголовном судопроизводстве.

Если оценивать достоверность доказательства как свойство допустимости, то важнейшая информация кроется в надежности источника и самого процесса формирования доказательственной базы.

Безусловно, мы говорим о легальном источнике и легальных же способах получения доказательств, ведь, к примеру, обыск, проведенный с процессуальными нарушениями, в любом случае не даст результатов для установления истины по уголовному делу, на что в своих исследованиях обращает внимание К. Ю. Титова [8].

Оценка доказательства также (в идеале) должна быть максимально непредвзятой, без личной заинтересованности, и связана с системой комплексных способов проверки доказательства.

Оценка допустимости — многоаспектный процесс, посредством которого суд определяет, какие доказательства будут приняты, а какие будут отклонены. Правильное определение допустимости доказательств обеспечивает справедливость и объективность рассмотрения дела. Комплексность процесса обуславливается и сложностью процедур сбора, и критериями, установленными действующим российским законодательством, и практическим опытом и теоретическими навыками лиц, оценивающих допустимость, и множеством иных факторов.

Важно, чтобы суд (или законодатель) установил четкие и понятные критерии для определения допустимости доказательств, например правила о том, какие виды доказательств могут быть представлены (письменные документы, показания свидетелей, заключения экспертов) и какие требования должны быть выполнены для признания их допустимыми для конкретного уголовного дела.

В случаях, когда для оценки доказательств требуется заключение эксперта, важно обеспечить его независимость и беспристрастность. И сам эксперт, и те, кто оценивают его заключение применительно к уголовному делу, должны понимать, в чем состоит специфика определения сущности доказательства.

Так, Ю. Я. Власов справедливо отмечает, что и прокуроры, участвующие в уголовном судопроизводстве, должны разбираться в современных методах экспертных исследований [9].

Судебные решения о допустимости доказательств должны быть прозрачными и обоснованными. Суд должен объяснить причины, по которым он принимает решение о допустимости или

недопустимости определенных доказательств. Квалификация судей для определения допустимости доказательств играет важную роль: они должны знать и применять нормы оценки доказательств. Судьи должны постоянно повышать свою квалификацию по знаниям изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, включая правила и принципы определения допустимости доказательств, они должны реализовывать требования оценки доказательств по установлению их приемлемыми или недопустимыми. Им важно изучать и анализировать судебную практику в области определения допустимости доказательств, что позволит формировать правильные суждения на основе опыта и решений других судей, особенно вышестоящих инстанций.

Современные технологии, такие как цифровая аудио- и видеозапись, компьютерное моделирование и анализ больших данных, могут быть использованы для подтверждения достоверности доказательств и совершенствования и автоматизации процесса определения их допустимости.

Рассмотрим современные возможности несколько подробнее. Эксперты в области компьютерной техники и компьютерных технологий могут анализировать цифровые доказательства, такие как электронные записи, метаданные и цифровые изображения, для выявления манипуляций по внесению исправлений и (или) подделок.

Следует внедрять цифровую форензику (криминалистику) — область, которая направлена на сбор, анализ и интерпретацию цифровых доказательств. Эксперты в области цифровой форензики могут извлечь информацию из компьютеров, мобильных устройств и других цифровых носителей.

Как отмечает О. И. Лозинский, цифровизация в следственной деятельности необходима для совершенствования коммуникации участников уголовного судопроизводства [10].

Искусственный интеллект и анализ данных может использоваться для анализа больших объемов информации и выявления образцов, связей и аномалий в доказательствах.

Биометрические данные, такие как сканеры сетчатки глаз или технология распознавания лиц, могут использоваться для установления личности участников процесса. Современные методы генетического анализа, такие как сравнение ДНК, могут использоваться для установления идентичности или родства между лицами или предметами. М. Д. Муканова при этом утверждает, что в настоящее время нет оснований утверждать, что данные, полученные в результате использования

биометрических систем, обладают свойством достоверности [11].

Современные системы видеонаблюдения и аналитики могут помочь установить факты, заснятые на видеозаписях, и обеспечить дополнительные доказательства в уголовном процессе. Видеозапись при производстве следственных действий способствует успешному раскрытию, расследованию и даже предупреждению преступлений [12].

Применение цифровых подписей и шифрования может обеспечить целостность и аутентичность электронных документов и коммуникаций [13]. Как справедливо указывает О. В. Стригина, есть существенные сложности с процедурой заверения документов электронными цифровыми подписями [14], а их применение, несомненно, упростило бы отдельные процедуры, особенно удаленного характера.

Об информационно-когнитивной теории доказывания в уголовном процессе говорят и в науке, подчеркивая важность изменения подходов к процессу сбора и оценки доказательственной базы [15].

Для решения возникающей проблемы необходимо расширить возможности использования цифровой подписи в уголовном процессе, что поспособствует формированию допустимости уголовно-процессуальных доказательств. Эти и другие технологии могут значительно улучшить процесс подтверждения достоверности доказательств в уголовном процессе, обеспечивая более точные и объективные результаты, а также усиливая доверие к доказательствам, представленным в суде.

В принципе вся система цифровизации — это непрерывный процесс, все системы перенастраиваются, переходят в электронную форму, персонализируется сама процедура сбора и оценки доказательств, возможности для упрощения от-

дельных ее этапов постоянно расширяются. Крайне важным является аспект своевременности знакомства должностных лиц с этими новейшими технологиями, получение навыков пользования ими и внедрение их в повседневную практику позволит сократить нагрузку и одновременно обеспечить надлежащий уровень оценки доказательств, сохранность данных с использованием цифрового следа, упростит передачу результатов и т. д.

Учитывая, что разные доказательства содержат свои индивидуальные особенности по их получению и процессуальному закреплению, при их оценке требуется индивидуальный подход, знание не только требований уголовно-процессуального закона, но и судебной практики, а также основных теоретических концепций и передовых технологий. Итак, совершенствование процедуры определения допустимости доказательств требует комплексного подхода, который включает в себя постоянное повышение квалификации следователей, прокуроров и судей, использование современных технологий, активное участие сторон в судебном процессе. Эти меры помогут повысить эффективность и справедливость уголовного судопроизводства.

Таким образом, мы считаем, что допустимость доказательств в уголовном процессе означает их приемлемость для использования в качестве средств установления обстоятельств дела судом, что подразумевает соблюдение установленных законом требований к собиранию, оценке и допустимости доказательств, исключает использование недопустимых источников доказательств, а также их неправильное оценивание при установлении истины по уголовному делу. Иными словами, это итоговый результат соблюдения всех норм уголовно-процессуального закона при проведении следствия и судебного разбирательства по уголовному делу.

---

1. Борсов А. И., Куашев А. А. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе России // Экономика, социология и право. 2016. № 11. С. 96—99.

2. Комаров И. М., Лакомская М. Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. 144 с.

3. Терешкина А. В. Допустимость доказательств как фактор обеспечения справедливости в уголовном процессе // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. по итогам XIX Междунар. науч.-практ. студенческой конф. Москва, 2023. С. 204—208.

---

1. Borsov A. I., Kuashev A. A. Problems of evidence to be admissible in the criminal proceedings of Russia. Economics, sociology and law, 96—99, 2016. (In Russ.).

2. Komarov I. M., Lakomskaya M. Yu. Problematic situations of crime investigation and their resolution through tactical operations. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2021: 144. (In Russ.).

3. Tereshkina A. V. Admissibility of evidence as a factor to ensure justice in criminal proceedings. In: Topical issues of modern legal science and practice. Collection of articles based on the results of the XIX International scientific-practical students conference. Moscow, 2023: 204—208. (In Russ.).

4. Середнев В. А. Нравственные основы, связанные с допустимостью доказательств в уголовном процессе // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. № 4 (46). С. 82—85.

5. Терехин В. В. Стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 188—193.

6. Цыганенко С. С. Проблемы допустимости доказательств в свете дифференциации уголовного процесса // Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 28 мая 1999 г.). Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия гос. службы, 2000. С. 81—88.

7. Шигуров А. В., Колдина И. А. Проблемы оценки допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 25 января 2018 г.). Уфа: Омега Сайнс, 2018. С. 161—164.

8. Титова К. Ю. К вопросу допустимости доказательств в уголовном процессе // Актуальные исследования. 2022. № 19 (98). С. 83—86.

9. Власов Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки // Законность. 2023. № 3 (1061). С. 57—60.

10. Лозинский О. И. Компьютерная (цифровая) криминалистика (форензика) в эпоху цифровой трансформации экосистемы уголовного процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 12 (163). С. 115—120.

11. Муканова М. Д. К вопросу о технико-криминалистическом сопровождении раскрытия и расследования преступлений с использованием биометрических систем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 3 (33). С. 137—140.

12. Глушков М. Р. К вопросу о понятии технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений // Правда и закон. 2021. № 2 (16). С. 53—62.

13. Лукина Т. Я., Бормотова Л. В. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам // Интернаука. 2022. № 20-9 (243). С. 53—55.

14. Стригина О. В. Электронная подпись в уголовном процессе РФ // Вектор научной мысли. 2023. № 4 (4). С. 393—395.

4. Serednev V. A. Moral foundations related to the admissibility of evidence in criminal proceedings. Journal of scientific publications of post graduate students and doctoral students, 82—85, 2010. (In Russ.).

5. Terekhin V. V. Standards of admissibility of evidence in criminal proceedings. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 188—193, 2016. (In Russ.).

6. Tsyganenko S. S. Problems of admissibility of evidence in the context of criminal proceedings differentiation. In: Admissibility of evidence in the Russian criminal proceedings. All-Russian scientific-practical conference (Rostov-on-Don, May 28, 1999). Rostov-on-Don: The North Caucasus Academy of State Services; 2000: 81—88. (In Russ.).

7. Shigurov A. V., Koldina I. A. Problems to assess the admissibility of evidence in the Russian criminal proceedings. In: Topical issues of lawmaking and law enforcement activities in the Russian Federation. Collection of articles of the International scientific-practical conference (Chelyabinsk, January 25, 2018). Ufa: Omega Science; 2018: 161—164. (In Russ.).

8. Titova K. Yu. On the issue of admissibility of evidence in criminal proceedings. Topical research, 83—86, 2022. (In Russ.).

9. Vlasov Yu. Ya. Admissibility of evidence in criminal proceedings: concept and assessment criteria. Legality, 57—60, 2023. (In Russ.).

10. Lozinskiy O. I. Computer (digital) forensics (forensics) in the era of digital transformation of the ecosystem of the criminal process. Science and education: property / economy and economics; entrepreneurship; law and management, 115—120, 2023. (In Russ.).

11. Mukanova M. D. On the issue of technical and forensic support for the detection and investigation of crimes by using biometric systems. Investigation of crimes: problems and ways to solve them, 137—140, 2021. (In Russ.).

12. Glushkov M. R. On the concept of technical and forensic support for the investigation of crimes. Truth and law, 53—62, 2021. (In Russ.).

13. Lukina T. Ya., Bormotova L. V. Use of digital information while proving criminal cases. Internauka, 53—55, 2022. (In Russ.).

14. Strigina O. V. Electronic signature in the criminal proceedings of the Russian Federation. Vector of scientific thought, 393—395, 2023. (In Russ.).

15. Terekhin V. V. A look at the admissibility of evidence through the prism of the information-

15. Терехин В. В. Взгляд на допустимость доказательств через призму информационно-когнитивной теории доказывания в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 191.

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
golomachuk-ev@ranepa.ru

cognitive theory of proving in criminal proceedings. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 191, 2017. (In Russ.).

Vologina Yelena Vil'gelmovna,
associate professor
at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Golomanchuk Eida Vladimirovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
candidate of juridical sciences;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.1

**СТИМУЛИРОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ольга Игоревна Даровских*, Валерий Владимирович Рудич**

* Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, darovskikhoi@gmail.com

** Научно-образовательный центр правовых исследований Ульяновского государственного университета, Уральский государственный экономический университет, Ульяновск, Россия, ruvv66@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию значения и форм стимулирования участников уголовного судопроизводства для обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Используя диалектические методы познания, метод системно-структурного анализа, авторы пришли к выводу, что на эффективное уголовное судопроизводство, востребованное современным обществом, оказывают влияние и меры стимулирования участвующих в уголовном процессе лиц в виде как позитивных средств воздействия — поощрений, привилегий, так и негативных, к которым можно отнести ограничения, запреты, отстранения и т. д.

Обоснованные в статье положения о влиянии стимулирующих мер, дополняющих единую разработанную концепцию обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, имеют научную и практическую значимость. Авторами высказаны дополнительные доводы к существующей точке зрения о необходимости рассмотрения стимулирующих мер не только в качестве формы поощрения лиц, оказывающих влияние на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, но и формы взыскания, наложения определенных ограничений. С практической точки зрения обоснованные предложения относительно применения мер стимулирования послужат дополнительными гарантиями эффективного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: стимулирование, виды стимулирования, субъекты, уголовный процесс, эффективность, процессуальная деятельность, процессуальное средство

Для цитирования: Даровских О. И., Рудич В. В. Стимулирование участников уголовного судопроизводства как средство обеспечения эффективной процессуальной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 62—68.

**MOTIVATION OF PARTIES OF CRIMINAL PROCEEDINGS
AS MEANS TO ENSURE EFFECTIVE PROCEDURAL ACTIVITY**

Olga Igorevna Darovskikh*, Valeriy Vladimirovich Rudich**

* Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, darovskikhoi@gmail.com

** Legal research and education centre of the Ulianovsk State University, Ural State University of Economics, Ulianovsk, Russia, ruvv66@mail.ru

Abstract. The article deals with the substantiation and forms of motivation of parties to criminal proceedings in order to ensure effective procedural activity. Applying dialectical methods of cognition and the structural analysis method the authors have concluded that the effectiveness of criminal proceedings being in demand in modern society depends on ways to motivate parties to criminal proceedings both positive, including incentives, benefits, etc., and negative, encompassing restrictions, limitations, suspension, etc.

The well-grounded in the paper statements about the influence of motivation methods augment the unifying developed outline of ensuring effective criminal procedure and are of scientific and practical importance. The authors suggest additional arguments to the existing point of view on the necessity to regard the motivation methods not only as form of incentive to the parties influencing the procedure and outcome of criminal proceedings,

but also as form of recovery and restrictions. In practical terms the well-grounded statements about the motivation methods will additionally guarantee effectiveness in criminal proceedings.

Keywords: motivation, motivation methods, parties, criminal proceedings, effectiveness, procedural activity, procedural means

For citation: Darovskikh O. I., Rudich V. V. Motivation of parties of criminal proceedings as means to ensure effective procedural activity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 62—68, 2024. (In Russ.).

Уголовно-процессуальная деятельность осуществляется должностными лицами правоохранительных органов: следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, — принимающими по результатам расследования судьбоносные решения. Но на ход и результаты данной деятельности существенное влияние оказывает поведение и правовая позиция, которую занимают и иные участники процесса, такие как прокурор, адвокат-защитник, подозреваемый, обвиняемый, свидетели, понятые, эксперты, переводчики и т. д. От решений, поведения и показаний этих лиц в ходе уголовного судопроизводства зависят сроки расследования, итоговые и промежуточные результаты, принятые по ним решения и, в конечном итоге, эффективность всей процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу.

Определяя эффективность уголовно-процессуальной деятельности, мы исходим из ряда требований, которые должны к ней предъявляться. К ним относятся: законность, справедливость, качество, доступность, экономичность, своевременность, достаточность, объективность и результативность. Данные требования охватывают все наиболее важные аспекты указанной деятельности: правовой, который обеспечивает законность данной деятельности; процедурный или технологический, представленный такими критериями, как своевременность, качество, достаточность, доступность; социальный аспект, который проявляется в таких требованиях, как справедливость, объективность и результативность; и экономический аспект, требующий использования наиболее экономичных средств осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Совокупность почти всех указанных требований и позволяет говорить о том, что деятельность была осуществлена эффективно. Исключения составляют только результативность и экономичность, поскольку даже правильно осуществленная деятельность может не дать ожидаемого результата, а следовательно никогда не откажется от проведения следственного действия по причине того, что оно затратно по времени, так как требует тщательной подготовки

и привлечения значительного числа человеческих ресурсов. Однако совсем исключать данные правовые категории из числа требований, характеризующих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, нельзя, к их достижению по возможности следует стремиться.

На достижение эффективной уголовно-процессуальной деятельности влияют многие факторы, среди которых мы выделяем меры стимулирования, к которым относим как меры поощрения, так и меры взыскания, а также основания для применения указанных мер.

Слово «стимул» (от лат. stimulus — «остроконечная палка, которой погоняли животных») применяется в значении «побудительная причина поведения, заинтересованность в совершении чего-либо» [1, с. 632]. Применительно к уголовному судопроизводству стимул можно интерпретировать как средство обеспечения выбора участником судопроизводства определенного поведения исходя из его заинтересованности как в определенном порядке производства предварительного расследования, затрачиваемом на это времени, так и в конечном результате. На выбор такого поведения оказывают влияние меры поощрения (льготы, гарантии, привилегии, преференции, иммунитеты) и меры процессуального наказания, ограничения или запреты, которые вправе применить к участникам процесса должностное лицо, в чьем производстве находится данное уголовное дело, поскольку и те и другие нацелены на обеспечение правильного поведения. Это мнение уже высказывалось в науке [2; 3]. В доктрине можно встретить и другие подходы при исследовании данного явления, когда правовые стимулы и правовые ограничения не воспринимались взаимосвязанными категориями [4—7]. Мы не считаем правильным данное мнение и полагаем, что под стимулирующими мерами следует понимать комплекс или систему различных благ, поощрений или льгот, обеспечивающих надлежащее поведение участника уголовно-процессуальной деятельности, а также комплекс мер, принимаемых в целях изменения определенного поведения, негативным образом влияющего на ход расследования, и исключаящих

возможность возврата к такому поведению в будущем. Позитивные и негативные стимулирующие меры в уголовном судопроизводстве имеют общую цель, определяемую в каждом конкретном случае либо законодателем, либо следователем, и заключаются в том, чтобы обеспечить правильный ход расследования, правильность и своевременность процессуальных действий не любой ценой, а посредством обеспечения правомерного поведения. Мотивация у субъектов, участвующих в стимулирующих отношениях, тоже одна и та же — собственный интерес. У должностного лица — обеспечить правильный ход предварительного расследования, тем самым избежать трудностей, которые могут возникнуть в случае противодействия участниками процесса его законным требованиям, а у представителей другой стороны — получить определенные преференции, для них в данный момент важные. Например, в первом случае — удовлетворение заявленного ходатайства, во втором — избежать ограничений, которые могут быть применены, либо понести наказание, соответствующее нормам закона, но в последующем избежать такой ситуации. Или другой пример: лицо, умышленно затягивающее процедуру ознакомления с материалами уголовного дела, после вынесения постановления, устанавливающего определенный срок для этого процессуального действия, либо выполняет установленные требования, стремясь избежать наказания, либо вообще лишается возможности реализовать данное право, если будет продолжать свое негативное поведение.

Стимулирование по своей сути — это метод управления, успешно применяемый в различных сферах человеческой деятельности, в том числе в юриспруденции. Оно представляет собой внешнее воздействие лиц, которые могут такое воздействие оказывать, направленное на коррекцию поведения участника процесса. Имеет дуалистическую природу, так как, с одной стороны, это признание и поощрение заслуг, правильного поведения, качественно выполненной работы, а с другой — может выступать как мера взыскания, наказания, ограничения в чем-либо, принятая для того, чтобы выявленные и уже совершенные нарушения не повторялись впредь. Поэтому стимулирующие меры в уголовном процессе выполняют различные функции. Полагаем, что целесообразно выделить мотивационную функцию, поскольку применяемые меры мотивируют участников процесса либо отказаться от определенного стиля поведения, изменить его, либо выполнять свои обязанности более качественно, эффективно.

Обеспечительная функция стимулирующих мер реализуется благодаря тому, что их применение положительным образом влияет на обеспечение прав и законных интересов участвующих в судопроизводстве лиц, реализует принципы уголовного судопроизводства, а воспитательная функция меняет поведение лиц, оказывает воздействие как на сотрудников правоохранительных органов, так и на иных участвующих в процессе лиц.

Применение стимулирующих мер в уголовном судопроизводстве имеет нравственное и социальное значение. Нравственность, по определению И. С. Марьенко, это «...неотъемлемая сторона личности, обеспечивающая добровольное соблюдение ею существующих норм, правил и принципов поведения...» [8, с. 56]. Значение нравственности состоит в том, что она определяет нравственные параметры поведения человека, позволяет исключить или снизить конфликт интересов, возникающих в рамках уголовного судопроизводства, найти оптимальное сочетание мер поощрения и мер воздействия, связанных с ограничением прав.

Социальное значение стимулирующих мер проявляется в том, что обществу и конкретным лицам не безразлично, как и в каком порядке осуществляются предварительное расследование и судебное разбирательство, каким образом достигаются результаты. Общество заинтересовано в деятельности правоохранительных органов, но при этом оно может одобрять или нет те меры, которые применяются в сфере уголовного судопроизводства, поэтому знание о конкретной, четкой, понятной и доступной каждому гражданину системе стимулов и ограничений в праве позволяет обеспечить позитивное восприятие обществом не только результатов правоохранительной деятельности, но и средств и способов их достижения. С точки зрения некоторых ученых, например С. В. Мирошник, «...правовой стимул следует понимать как правовой институт, представляющий совокупность юридических норм и требований» [9, с. 3—4]. Полагаем, что с данным мнением стоит согласиться.

Исследуя систему стимулирующих мер в уголовном судопроизводстве, необходимо учитывать, что они могут быть как процессуального, так и непроцессуального характера; по количеству применяемых мер могут быть как единичные, так и комплексные; как материальные, так и моральные; как обеспечивающие предоставление определенных благ, так и ограничивающие их или лишаящие этих благ; как индивидуальные, осуществляемые в пользу, либо лишаящие определенных благ только одно

лицо, так и коллективные, предоставляющие блага или лишаящие их нескольких участников процесса. Они могут применяться разово и неоднократно, на любых стадиях уголовного судопроизводства, для достижения личного интереса участвующего в процессе лица и интересов общества, государства либо целей определенной организации или ее подразделения.

Поскольку уголовно-процессуальная деятельность — это деятельность должностных лиц и лиц, втянутых в орбиту уголовного судопроизводства, не обладающих властными полномочиями, то очевидно, что и формы стимулирования к ним применяются совершенно разные. В отношении участвующих в процессе лиц, не обладающих властными полномочиями, меры поощрения и взыскания указаны в тексте уголовно-процессуального закона и могут выражаться в форме льгот, привилегий, преференций. Например, в ч. 1 ст. 314 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) говорится, что по делам о преступлениях небольшой либо средней тяжести, в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением и по его ходатайству, дело может рассматриваться без проведения судебного разбирательства. Или: в ч. 7 ст. 259 УПК РФ сказано, что при явном затягивании времени на ознакомление с протоколом судебного заседания и аудиозаписью председательствующий вправе своим постановлением установить для этого определенный срок. Положения, закрепленные в ст. 110 УПК РФ и предусматривающие возможность отмены либо изменения меры пресечения как в сторону смягчения, так и в сторону выбора более строгой, также можно рассматривать и как положение стимулирующего характера, и как поощрительную меру, и как предупреждение о лишении поощрительных мер в случае неправильного поведения. Определенное воздействие, стимулирующее правильное поведение лиц, присутствующих в зале судебного заседания, оказывает предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании и неподчинения распоряжениям председательствующего и возможных мерах, применяемых со стороны суда (ч. 1 ст. 258 УПК РФ).

В отношении должностных лиц запреты и ограничения, как меры стимулирования правильной уголовно-процессуальной деятельности, в тексте уголовно-процессуального закона практически не прописаны, но они выводятся из ряда статей. В качестве примера можно привести отмену прокурором незаконных и необоснованных поста-

новлений, вынесенных на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования (п. 3 ч. 2 ст. 37, ч. 6 ст. 148 УПК РФ); возвращение дела для дополнительного расследования (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); прекращение уголовного преследования, вынесение оправдательного приговора по реабилитирующим основаниям (ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Или, например, указание на обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве лиц, в том числе должностных (гл. 9 УПК РФ). В пункте 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ говорится о праве руководителя следственного органа отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований закона, например, запрет производить следственные действия в ночное время либо вести допрос несовершеннолетнего в общей сложности не более четырех часов в день и без перерыва не более двух часов. На наш взгляд, указанные примеры следует рассматривать как требование, нарушение которого может повлечь не только ответственность, но и одновременно выступить мерой стимулирующего характера, указывающей на недопустимость подобных действий со стороны следователя в дальнейшем.

Побудительной причиной изменения поведения для следователя будут выступать, например, моральные переживания, так как отмена его решений свидетельствует о том, что он не справился с порученной задачей, не проявил профессионализм, не получил ожидаемых результатов, не оправдал надежд, которые на него возлагали, в такой ситуации будет задета его профессиональная гордость. Обязанность устранения допущенных нарушений повлечет увеличение его нагрузки, интенсивность и напряженность работы, что также не может не выступить мерой стимулирования отказа от подобных нарушений в будущем. Поощрения, награды, преференции для должностных лиц в тексте закона не указаны, но они изложены в ведомственных нормативных правовых актах, их применение вышестоящими должностными лицами стимулирует следователя к продолжению правильной уголовно-процессуальной деятельности.

Меры стимулирования применяются к участникам уголовного судопроизводства не по всем делам, а только в тех случаях, когда, например, деятельность следователя заслуживает поощрения либо им совершено какое-либо нарушение (или система нарушений), требующее применения мер взыскания. В отношении обвиняемого основания применения к нему стимулирующих мер появляются, если данное лицо не создает трудности для

установления обстоятельств дела, использует законные и разумные, применительно к своей ситуации, средства и способы защиты, а также если обстоятельства его дела позволяют выбрать вариант предварительного расследования или судебного разбирательства.

Меры стимулирования, поощрительные и меры воздействия, непосредственно влияют на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Эти правовые категории взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга.

Поощрение должностного лица за добросовестное отношение к своим обязанностям либо наложение на него взысканий за допущенные нарушения требований закона относительно установленного порядка проведения процессуальных действий призваны стимулировать следователя на осуществление своей деятельности в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, обеспечивая тем самым выполнение требований, предъявляемых к эффективной деятельности, т. е. соблюдение законности в рамках процессуальной деятельности позволяет применять поощрительные стимулирующие меры, а в случае невыполнения — меры взыскания.

Справедливость уголовно-процессуальной деятельности мы связываем с промежуточными и окончательными решениями, принятыми в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, которые должны соответствовать обстоятельствам дела. Поэтому в ходе уголовно-процессуальной деятельности могут заслуживать поощрения должностные лица, которые не допускают злоупотребления своими правами и принимают все меры для того, чтобы полноценно установить обстоятельства преступлений. Отступления от этого правила влекут определенные негативные последствия. Например, при рассмотрении уголовного дела в суде было установлено, что следователь вместо допроса свидетеля, который проживал в другом городе, сам заполнил протокол допроса, подписал его от имени данного свидетеля, внося в него ту информацию, которая поддерживала его рабочую версию. К данному сотруднику были применены меры и дисциплинарного, и процессуального характера.

Качественность, как критерий или требование, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности, проявляется в том, что все действия, осуществляемые участниками уголовного судопроизводства, должны обладать признаками или свойствами, определяющими пригодность этих действий и принимаемых решений

для обеспечения достижения назначения судопроизводства. Например, допрос был проведен строго в соответствии с требованиями УПК РФ, однако при его производстве следователь не задал ряд важных вопросов допрашиваемому, что вызвало необходимость повторного вызова этого лица для ликвидации данных упущений. Такие обстоятельства свидетельствуют о неподготовленности следователя к проведению следственного действия и влекут увеличение срока предварительного расследования, недовольство участвующих лиц в связи с неоднократными вызовами и, конечно, не позволяют признать деятельность эффективной.

Следующий критерий эффективности — своевременность. Данный критерий требует от следователя, потерпевшего и других участников процесса совершать действия и принимать решения не только в разумный срок, т. е. максимально быстро, как это требует законодатель и позволяют обстоятельства дела, но и в нужный момент. Например, своевременно ли лицо, которому в результате преступных действий причинен вред, обратилось в правоохранительные органы? Если период от момента совершения преступления и до обращения с заявлением незначителен, это может обеспечить проведение предварительного расследования в разумные сроки, расследовать преступление по горячим следам. Применение данной категории позволяет избежать неоправданных задержек при проведении следственных действий, принятии значимых решений и составлении процессуальных документов, а игнорирование влечет возможность применения мер негативного порядка.

Критерий объективности представляет собой требование точного установления и правильной оценки обстоятельств дела и не позволяет участвующим в процессе лицам, за исключением подозреваемого и обвиняемого, проявлять личную заинтересованность в исходе уголовного судопроизводства по конкретному делу. Данное требование относится и к действиям иных участников: переводчиков, свидетелей, экспертов и прочих лиц. Даже адвокат-защитник, искренне желая оказать помощь своему доверителю и действуя в его интересах, не может умышленно вводить суд в заблуждение. Механизмом реализации данного требования эффективности будут служить правила отвода и самоотвода лиц, заинтересованных в исходе дела. Последствиями выяснения факта заинтересованности могут быть отмена судебного решения, возврат дела следователю для устранения нарушений и, как правило, применение мер

стимулирования, как поощрений за успешный ход расследования, так и взысканий, если указанные требования объективности будут нарушены.

Доступность как элемент эффективности, по нашему мнению, может быть связана с возможностью реализации права на обращение как в правоохранительные органы, так и в суд для защиты своих нарушенных прав. Это возможность получения юридической помощи, разумность возлагаемых на лиц судебных расходов, право заявлять ходатайства, приносить жалобы, получать информацию о ходе расследования, реализовать такие права, как возможность участвовать в заседаниях при рассмотрении в суде своего уголовного дела, задавать вопросы лицам, обвиняющим или дающим показания в суде, и пр. Любые ограничения, запреты доступа к уголовно-процессуальной деятельности лиц, права которых данная деятельность затрагивает, свидетельствуют о ее неэффективности. Поэтому и сегодня актуально предложение, высказанное одним из авторов настоящей статьи еще восемь лет назад, о целесообразности разработки правового стандарта участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве, который будет распространяться на все его стадии [10; 11].

Достаточность — это совокупность данных, полученных в ходе уголовно- процессуальной деятельности, позволяющих принимать и основные, и промежуточные решения. Данное требование, по сути, представляет собой предельный уровень знаний, позволяющий следователям принимать законные, обоснованные и мотивированные решения, а суду — и справедливые. Недополученная информация, недостаточность доказательственной базы могут влиять на ход процесса и процессуальное положение участвующих лиц.

Таким образом, мы приходим к обоснованному выводу, что на эффективное уголовное судопроизводство, востребованное современным обществом, оказывают влияние меры стимулирования участвующих в уголовном процессе лиц в виде как позитивных средств воздействия (поощрений, привилегий), так и негативных, к которым можно отнести ограничения, запреты, отстранения и т. д. Использование правоприменителями указанных мер наравне с другими средствами обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности способствует достижению уголовным производством своего назначения.

---

1. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. Москва: Центрполиграф, 2008. 688 с.

2. Исаков В. Б., Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 148 с.

3. Звечаровский И. Э. Стимулирование в праве. Понятие и структурные моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 5. С. 112—117.

4. Тарханов И. А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 55 с.

5. Колесник В. В. Стимулирование участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом: постановка проблемы // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 5А. С. 35—45.

6. Нефагина К. А. Понятие и сущность стимулирования в трудовом праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 2 (15). С. 83—86.

---

1. Moskvina A. Yu. Great Dictionary of foreign words. Moscow: Tsentrpoligraph; 2008: 688. (In Russ.).

2. Isakov V. B., Baranov V. M. Incentive norms of soviet socialistic law. Saratov: Saratov University Publishing; 1978: 148. (In Russ.).

3. Zvecharovskiy I. Ye. Motivation in law. Essence and framework issues. Higher educational establishment bulletin. Legal issues, 112—117, 1993. (In Russ.).

4. Tarkhanov I. A. Positive behaviour incentive and its implementation in criminal law: theory, rulemaking and law enforcement issues. Abstract of dissertation of a doctor of juridical sciences. Kazan; 2002: 55. (In Russ.).

5. Kolesnik V. V. Motivation of parties to criminal proceedings to cooperate with preliminary investigation agencies and court: formulation of the problem. Russian and international law issues, 35—45, 2020. (In Russ.).

6. Nefagina K. A. Concept and essence of motivation in labour law. Omsk University Bulletin. "Law" series, 83—86, 2008. (In Russ.).

7. Vedyakhin V. M. Law incentives: notion and types. Higher educational establishment bulletin. Legal issues, 50—55, 1992. (In Russ.).

7. Ведяхин В. М. Правовые стимулы: понятия, виды // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 1. С. 50—55.

8. Марьенко И. С. Нравственное становление личности школьника. Москва: Педагогика, 1985. 103 с.

9. Мирошник С. В. Теория правового стимулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 39 с.

10. Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления суда // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 96—100.

11. Рудич В. В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения // Уголовное право. 2016. № 5. С. 84—87.

8. Maryenko I. S. Moral formation of schoolchildren personality. Moscow: Pedagogy; 1985: 103. (In Russ.).

9. Miroshnik S. V. Theory of legal motivation. Abstract of dissertation of a doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2003: 39. (In Russ.).

10. Rudich V. V. Victim's participation in the court procedure of selecting measure of restraint to ensure legality and court sentence justification. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 96—100, 2016. (In Russ.).

11. Rudich V. V. Victim's participation in the court procedure of measure restraint selection. Criminal law, 84—87, 2016. (In Russ.).

Даровских Ольга Игоревна,

профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
darovskikhoi@gmail.com

Darovskikh Olga Igorevna,

professor at the department of criminal procedure of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
darovskikhoi@gmail.com

Рудич Валерий Владимирович,

адвокат, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра правовых исследований Ульяновского государственного университета, профессор кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, доцент;
ruvv66@mail.ru

Rudich Valeriy Vladimirovich,

barrister, leading research fellow at the legal research and education centre of the Ulianovsk State University, professor at the public law department of the Ural State University of Economics, doctor of juridical sciences, docent;
ruvv66@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 06.04.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.131

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНОСТИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Анна Федоровна Зотова**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, anya2091@yandex.ru

Аннотация. Автор, всесторонне исследовав понятие и содержание публичности, рассматривает ее в качестве одного из элементов принципа открытости уголовного судопроизводства. Публичность является важной составляющей деятельности всех государственных органов и их должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Анализируя суждения представителей научного сообщества, автор указывает на взаимосвязь принципа публичности с другими принципами уголовного процесса. Кроме того, в статье обосновывается вывод, что публичность, как элемент открытости уголовного судопроизводства, неразрывно связана с функционированием уполномоченных государством должностных лиц и органов на всех его стадиях. Вместе с тем указывается, что в качестве элементов, образующих публичность, в уголовно-процессуальном праве рассматриваются инициативность, активность, оперативность и быстрота, проявляемые в процессуальной деятельности уполномоченных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. Названные элементы, получив свое процессуальное закрепление, востребованные на всех стадиях уголовного судопроизводства, в определенной мере обуславливают динамику осуществляемого расследования и судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, открытость уголовного судопроизводства, публичность, принципы уголовного процесса

Для цитирования: Зотова А. Ф. Отдельные аспекты публичности уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 69—75.

**SELECTED ASPECTS OF PUBLICITY
OF CRIMINAL PROCEEDINGS****Anna Fedorovna Zotova**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, anya2091@yandex.ru

Abstract. The author, having comprehensively studied the concept and content of publicity, considers it as one of the elements of the principle of openness of criminal proceedings. Publicity is an important component of the activities of all state bodies and their officials participating in criminal proceedings. Analyzing the opinions of representatives of the scientific community, the author points out the binding between the principle of publicity and other principles of criminal proceedings. In addition, the article substantiates the conclusion that publicity, as an element of openness of criminal proceedings, is inseparably linked with the functioning of officials and bodies authorized by the state at all its stages. At the same time, it is indicated that initiative, activity, efficiency and speed demonstrated in the procedural activities of authorized persons in whose proceedings the criminal case is examined are regarded as elements constituting publicity in criminal procedural law. The named elements, having received their procedural consolidation, and being required at all stages of criminal proceedings, to a certain extent determine the dynamics of the ongoing investigation and trial.

Keywords: criminal proceedings, openness of criminal proceedings, publicity, principles of criminal procedure

For citation: Zotova A. F. Selected aspects of publicity of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 69—75, 2024. (In Russ.).

Публичность, рассматриваемая в уголовно-процессуальном праве как неотъемлемый элемент открытости уголовного судопроизводства [1] — многоаспектное правовое явление. Так, П. С. Элькинд, считая публичность принципом уголовного процесса, раскрыла ее как реализацию обязанностей по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности должностными лицами уполномоченных на то государственных органов, вне зависимости от наличия либо отсутствия волеизъявления заинтересованных лиц [2].

Т. Н. Добровольская, говоря о публичности как об одном из принципов уголовного процесса, представила ее как обязанность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, обеспечить охрану прав и законных интересов участников процесса [3].

По мнению И. Л. Петрухина и Л. А. Названовой, принцип публичности уголовного процесса состоит в активной деятельности лиц, его ведущих, направленной в том числе на восстановление нарушенных прав потерпевших [4; 5].

С точки зрения А. М. Юсубова, принцип публичности состоит в обязанности, наложенной на должностных лиц органов, которые осуществляют предварительное расследование, вне зависимости от желания других уполномоченных лиц, учитывая как интересы общества, так и интересы отдельных участников уголовного судопроизводства, установить и процессуально зафиксировать все обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [6].

Принцип публичности, по мнению С. Д. Шестаковой, предполагает обязанность должностных лиц, уполномоченных на производство предварительного расследования, при обнаружении признаков преступления совершать активные действия, направленные на реализацию мер, предусмотренных ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) [7].

А. С. Александров [8] и А. А. Шамардин [9] раскрывают содержание публичности через правосудие, которое осуществляет государство в лице судебных органов.

Несколько иного мнения придерживаются Ф. Н. Багаутдинов [10], Л. Н. Масленникова [11] и В. С. Шадрин [12], рассматривающие публичность как ответственность органов предварительного расследования и суда за деятельность по привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности, а также за результат этой деятельности.

В свою очередь, Г. А. Печников определяет публичность как обязанность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, противостоять преступности, совершать действия, направленные на раскрытие преступления, привлекать к установленной законом ответственности виновных, обеспечить лицу, привлекаемому к ответственности, право на защиту [13].

Как считает М. Т. Аширбекова, публичность — это принцип уголовного процесса, представляющий собой требование к лицам, являющимся должностными лицами органов, осуществляющих предварительное расследование и рассмотрение уголовного дела по существу, совершать действия, предусмотренные ст. 21 УПК РФ в целях обеспечения положений, закрепленных в гл. 2 УПК РФ [14].

Понимая публичность как обязанность всех властных субъектов, являющихся участниками уголовного судопроизводства, раскрывать и расследовать преступления, восстанавливать нарушенные совершенным преступлением права лиц, привлекать к установленной законом ответственности лиц, виновных в совершении преступления, следует отметить, что публичность реализуется как на досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Так, должностные лица правоохранительных органов, уполномоченные ст. 151 УПК РФ проводить предварительное расследование по уголовным делам, уже в ходе доследственной проверки осуществляют действия, направленные на реализацию публичности в уголовном судопроизводстве. Официальность, как элемент публичности уголовного судопроизводства, подразумевает обязанность выдачи должностным лицом, принявшим заявление о преступлении, заявителю соответствующего документа. Порядок выдачи и его форма закреплены в совместном приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ (далее —

¹ О едином учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2005 года № 7339): приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353,

МВД РФ) и иных правоохранительных органов. Талон-уведомление, предусмотренный данным Приказом, является подтверждением того, что государство в лице правоохранительных органов приступило к исполнению обязанностей, закрепленных в ст. 21 УПК РФ.

Согласимся с мнением С. А. Шейфера, который рассматривал реализацию публичности на стадии доследственной проверки сообщения о преступлении как обязанность органов, ее производящих, без задержек и максимально активно принимать меры к установлению обстоятельств, изложенных в поступившем заявлении [15]. Вполне обоснованной, на наш взгляд, выглядит позиция Н. С. Мановой, предлагающей дополнить УПК РФ нормой, которая бы закрепляла необходимость, при наличии достаточных оснований, возбуждать уголовное дело незамедлительно [16].

Кроме того, публичность реализуется на стадии доследственной проверки путем использования лицами, проводящими проверку поступившего сообщения о преступлении, права требовать от иных субъектов проведения документальной проверки, привлекая при этом специалистов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Таким образом, при проверке сообщения о преступлении интересы физических и юридических лиц, не являющихся субъектами данных правоотношений, подчиняются публичным интересам государства в лице его специальных органов, наделенных правом проведения доследственной проверки.

Помимо этого, в ч. 2 ст. 144 УПК РФ содержится норма, устанавливающая порядок проверки сообщения о преступлении, которое было размещено в СМИ. Данная норма наделяет орган дознания и следователя (исполняющих поручения прокурора и руководителя следственного органа соответственно) правом требовать от редакции СМИ сведения, которые подтверждали бы размещенное последними сообщение о преступлении, а также информацию о лице, являющемся источником таковой. Вместе с тем ст. 41 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹ наделяет редакцию СМИ правом не предавать огласке данные о лице, которое предоставило информацию о совершенном преступлении, в том случае, если такие сведения были переданы с условием

сохранения конфиденциальности данных этого лица. Однако законодательно закрепленным исключением из данного права является ситуация, при которой требование о предоставлении информации поступило от суда, в производстве которого находится дело. Возникает вполне закономерный вопрос: почему законодатель разрешает получать суду сведения о лице, предоставившем сведения о совершенном преступлении той или иной редакции СМИ, и ограничивает органы, осуществляющие проверку сообщения о совершенном преступлении, в праве на такую информацию? Мы солидарны с мнением М. Т. Аширбековой, предлагающей закрепить возможность получения разрешения на вышеуказанную информацию органами, осуществляющими досудебное производство по уголовным делам, в судебном порядке, внося соответствующие дополнения в ст. 29 и 144 УПК РФ [14].

Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, как результат проведения процессуальной проверки, является первичным подтверждением реакции государства на совершенное преступление, вследствие чего последнее начало принимать меры к уголовному преследованию лица, его совершившего.

Рассматривая содержание публичности в процессе осуществления предварительного расследования, следует отметить, что она представляет собой инициативность и активность, которые проявляются должностными лицами, осуществляющими расследование.

Так, В. А. Стрёмовский указывает, что публичность как принцип на стадии предварительного расследования находится во взаимодействии с выделяемым им принципом «оперативности» и «быстроты» [17, с. 44]. С мнением В. А. Стрёмовского солидарны Т. Д. Пан и Ю. К. Якимович, видя в публичности принцип, характерный для всего уголовного судопроизводства, а в быстроте лишь принцип, распространяющийся на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [18]. Вполне обоснованной, на наш взгляд, является позиция В. М. Савицкого, предлагавшего относить оперативность и быстроту не к самостоятельным принципам уголовного судопроизводства, а к структурным элементам публичности [19]. Таким образом, оперативность, быстрота и своевременность лишь характеризуют уровень организации предварительного расследования по уголовному делу.

Инициативность и активность как элементы, образующие публичность, проявляются, в том

ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. // Российская газета. 2006. 25 янв.

¹ О средствах массовой информации: закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 1 июля 2001 г.) // Российская газета. 1992. 8 февр.

числе, при реализации следователем своих полномочий, закрепленных в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Исходя из того, что законодатель наделил следователя самостоятельностью при определении направления расследования, следователь вправе независимо от требований иных участников судопроизводства устанавливать очередность совершения тех или иных процессуальных действий. Невыполнение следователем своих обязанностей, являющихся, по сути, процессуальными, влечет невозможность обеспечения доступа потерпевшего к правосудию, закрепленного ст. 52 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

В юридической литературе в качестве характеристики активности лиц, производящих расследование, выступает интенсивность. По мнению ученых, интенсивность выражается в принятии тех или иных решений по уголовному делу в срок, меньший, чем установлен нормами УПК РФ [14; 20]. Кроме того, активность как требование к должностным лицам органов, осуществляющих предварительное расследование, закреплена в норме, содержащейся в ч. 2 ст. 21 УПК РФ. Данная норма возлагает на уполномоченных лиц и органы, являющиеся участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществлять деятельность, направленную на установление события преступления, а также на выявление и привлечение к установленной законом ответственности виновных лиц. Распространение действия нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, на положения, содержащиеся в ст. 157 УПК РФ, позволяют говорить о динамике деятельности органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, так как именно выполнение данных предписаний побуждает последних незамедлительно совершать процессуальные действия, основной целью которых является фиксация и сохранение следов на месте преступления.

Инициативность лиц, проводящих расследование, как элемент публичности предполагает принятие ими решений по собственной воле в тех случаях, когда такое решение может приниматься, и на основании ходатайства любого заинтересованного лица. Например, ч. 2 ст. 88 УПК РФ наделяет должностных лиц, относящихся к стороне обвинения, а также суд правом признания того или иного доказательства недопустимым. В то же время ч. 3 ст. 88 УПК РФ предусматривает возможность признания доказательства таковым не только на основании ходатайства лица, относящегося

к стороне защиты, но и по собственной инициативе прокурора, следователя или дознавателя.

Предварительное расследование как публичная процессуальная деятельность уполномоченных на то лиц предполагает воздействие (во многих случаях принудительное) на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, обязывая их совершать либо воздерживаться от совершения тех или иных действий. Не можем не согласиться с В. Г. Глебовым, который указывает, что любое следственное действие, будучи элементом уголовного судопроизводства, являющегося публичной деятельностью государства в лице его органов, может сопровождаться применением в отношении участников мер принуждения [21].

Более того, как правильно отмечено С. А. Шейфером, каждое процессуальное действие характеризуется государственным принуждением. В зависимости от уровня этого принуждения процессуальные действия можно дифференцировать на две группы.

1. Очевидно принудительные действия. К ним можно отнести освидетельствование, выемку, обыск, опознание, при производстве которых деятельность лица, производящего расследование, в достаточной степени ограничивает права личности, закрепленные Конституцией РФ.

2. Неочевидно принудительные действия. Данную группу составляют следственный эксперимент, допрос, назначение судебной экспертизы, проверка показаний на месте, в ходе которых обязанности, предусмотренные УПК РФ, возлагаются на конкретных участников процесса, независимо от их желания [22].

Схожего мнения придерживались З. Д. Еникеев и В. А. Семенов, которые также указывали на «обеспеченность» следственных и иных процессуальных действий процессуальным принуждением [23; 24].

Изучая применение государственного принуждения при производстве изъятия образцов для сравнительного исследования, Е. А. Зайцева отмечает, что нормативная база для принятия решения в пользу возможности применения принуждения в отношении подозреваемых и обвиняемых при изъятии у них образцов для сравнительного исследования имеется [25]. Соглашаясь с ее выводом, можем заключить, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует запрет на такое применение.

Таким образом, любое процессуальное, в том числе следственное, действие подразумевает необходимость подчинения частных лиц государ-

ству в лице его органов, производящих расследование, что свидетельствует о принуждении как обязательной характеристике публичности.

Анализируя публичность на стадии судебного разбирательства, следует указать на ее реализацию при оглашении судом показаний, ранее данных потерпевшим и свидетелем, при условии, что эти лица не явились в суд по неуважительным причинам. Такое оглашение возможно лишь при наличии полученного в установленном порядке согласия сторон судебного разбирательства и в иных случаях, регламентированных законодательно.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что в качестве элементов, образующих публичность, в уголовно-процессуальном праве рассматриваются инициативность, активность, оперативность и быстрота, проявляемые в процессуальной деятельности уполномоченных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. Названные элементы, получив свое процессуальное закрепление, востребованы на всех стадиях уголовного судопроизводства, в определенной мере обуславливая динамику осуществляемого расследования и судебного разбирательства.

1. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 580 с.

2. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград, 1963. 171 с.

3. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). Москва: Юрид. лит., 1971. 199 с.

4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И. Л. Петрухин. Москва: Проспект, 2006. 685 с.

5. Названова Л. А. Принцип публичности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1990. 205 с.

6. Юсубов А. М. Принцип публичности в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1988. 23 с.

7. Шестакова С. Д. Публичность, диспозитивность и дискреционность в уголовном процессе России и США: сравнительно-правовой анализ // Следователь. 2002. № 11. С. 35—36.

8. Александров А. С. Принципы уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5. С. 162—178.

9. Шамардин А. А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001. 26 с.

10. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. Москва, 2004. 543 с.

11. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве

1. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy of criminal procedure. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 580. (In Russ.).

2. Elkind P.S. The essence of Soviet criminal procedural law. Leningrad; 1963: 171. (In Russ.).

3. Dobrovolskaya T. N. Principles of Soviet criminal procedure (theoretical and practical issues). Moscow: Legal Literature; 1971: 199. (In Russ.).

4. Criminal procedural law of the Russian Federation. Textbook. 2nd ed. Ed. by I. L. Petrukhin. Moscow: Prospect; 2006: 685. (In Russ.).

5. Nazvanova L. A. Publicity principle at the stage of criminal case initiation and preliminary investigation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Leningrad; 1990: 205. (In Russ.).

6. Yusubov A. M. Publicity principle in Soviet criminal procedure. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1988: 23. (In Russ.).

7. Shestakova S. D. Publicity, optionality and discretionality in Russian and US criminal procedure: comparative legal analysis. Investigator, 35—36, 2002. (In Russ.).

8. Aleksandrov A. S. Criminal procedure principles. Higher educational establishments bulletin. Jurisprudence, 162—178, 2003. (In Russ.).

9. Shamardin A. A. Individual basis of prosecution and optionality principle formation in Russian criminal procedure. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Orenburgh; 2001: 26. (In Russ.).

10. Bagautdinov F. N. Ensuring public and personal interests in criminal investigation. Moscow; 2004: 543. (In Russ.).

ве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 478 с.

12. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1997. 230 с.

13. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005. 462 с.

14. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. 483 с.

15. Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов: Саратов. ун-т, 1986. 169 с.

16. Манова Н. С. Предварительное и судебное производство: дифференциация форм. Москва: Приор, 2004. 174 с.

17. Стрёмовский В. А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Москва: Госюриздат, 1958. 136 с.

18. Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. 249 с.

19. Савицкий В. М. [Рецензия] // Правоведение. 1962. №1. С. 174—177. Рец. на кн.: Стрёмовский В. А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Москва: Госюриздат, 1958. 136 с.

20. Кожевников В. В. Правовая активность участников правоприменительной деятельности органов внутренних дел: (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 427 с.

21. Глебов В. Г. Место принуждения в собирании доказательств // Актуальные вопросы предварительного расследования: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1997. С. 108—115.

22. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Москва: Юрлитинформ, 2004. 183 с.

23. Семенов В. А. Следственные действия в досудебном производстве: общие положения теории и практики: монография. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 2006. 254 с.

24. Еникеев З. Д. Эффективность мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 102—119.

11. Maslennikova L. N. Public and optional basis in Russian criminal procedure. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2000: 478. (In Russ.).

12. Shadrin V. S. Ensuring individual rights in criminal investigation. Volgograd: Volgograd Legal Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 1997: 230. (In Russ.).

13. Pechnikov G. A. Dialectic issues of the truth in criminal procedure: dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2005: 462. (In Russ.).

14. Ashirbekova M. T. Publicity principle in criminal procedure: concept, notion and range of jurisdiction. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2009: 483. (In Russ.).

15. Sheifer S. A. Evidence collection in Soviet criminal procedure: methodological and legal issues. Saratov: Saratov university; 1986: 169. (In Russ.).

16. Manova N. S. Preliminary and court procedure: forms differentiation. Moscow: Prior; 2004: 174. (In Russ.).

17. Stremovskiy V. A. Preliminary investigation in Soviet criminal procedure. Moscow: Gosyurizdat; 1958: 136. (In Russ.).

18. Yakimovich Yu. K., Pan T. D. Criminal procedure in criminal procedural code of the Russian Federation. Saint Petersburg: Juridical centre Press; 2005: 249. (In Russ.).

19. Savitskiy V. M. Review on the book of Stremovskiy V. A. Preliminary investigation in Soviet criminal procedure. Jurisprudence, 174—177, 1962. (In Russ.).

20. Kozhevnikov V. V. Legal activity of the law enforcement participants in the internal affairs bodies: (theoretical issues). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2004: 427. (In Russ.).

21. Glebov V. G. The use of coercion in evidence collection. In: Current issues of preliminary investigation. Interuniversity scientific materials compilation. Volgograd: Volgograd Legal Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 1997: 108—115. (In Russ.).

22. Sheifer S. A. Investigative actions. Basis, procedural order and probative value. Moscow: Yurilitinform; 2004: 183. (In Russ.).

23. Sementsov V. A. Investigative actions in pre-trial procedure: common theoretical and practical issues. Monograph. Yekaterinburg: Ural state law academy; 2006: 254. (In Russ.).

24. Yenikeev Z. D. The effectiveness of procedural coercive measures during the preliminary investigation. Soviet criminal procedure effectiveness issues, 102—119, 1976. (In Russ.).

25. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с.

Зотова Анна Федоровна,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
anya2091@yandex.ru

25. Zaitseva Ye. A. The concept of forensic science institution development in terms of adversarial criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 717. (In Russ.).

Zotova Anna Fedorovna,

senior lecturer
at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
anya2091@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.13

**ГЕНЕЗИС (КОНСТРУКЦИЯ), КОНСЕРВАЦИЯ, ВЫЯВЛЕНИЕ
И ИСПРАВЛЕНИЕ (ДЕКОНСТРУКЦИЯ) ОШИБОК,
ДОПУЩЕННЫХ СУБЪЕКТАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
(ДЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)
(ЧАСТЬ 3)**

Никита Александрович Колоколов

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Московский педагогический государственный университет, журнал «Уголовное судопроизводство», журнал «Мировой судья», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. В статье, состоящей из трех частей, исследуется общая система конструкции, консервации, выявления и деконструкции следственных, прокурорских и судебных ошибок. В рамках данной публикации автор придерживается признаваемой большинством теоретиков процесса позиции, согласно которой любая из вышеперечисленных ошибок — не более чем рядовое добросовестное заблуждение конкретного должностного лица, судебного состава в сборе и оценке доказательств, а также в применении норм материального и процессуального права. Автор, опираясь на обширную практику различных судебно-контрольных инстанций, а также личный опыт, утверждает, что четверть ошибок, допускаемых субъектами уголовного процесса, обусловлена их крайне низкой квалификацией. В то же время констатируется, что природа оставшихся трех четвертей процессуальных ошибок кроется в основном в глубинах процессуального усмотрения этих субъектов. Критерием истины в процессе выявления, исправления процессуальных ошибок автор считает итоговые решения самых высших судебных инстанций (Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации). Вместе с тем признается тот факт, что указанные инстанции время от времени могут принимать взаимоисключающие решения. Все суждения и умозаключения автора иллюстрируются посредством детального анализа конкретных судебных решений.

Ключевые слова: процессуальная (следственная, прокурорская и судебная) ошибка, конструкция процессуальных ошибок, консервация судебных ошибок, выявление судебных ошибок, деконструкция судебных ошибок, критерий истинности; судебная ошибка и результаты судебного (судейского) усмотрения — парная категория в процессуальном праве

Для цитирования: Колоколов Н. А. Генезис (конструкция), консервация, выявление и исправление (деконструкция) ошибок, допущенных субъектами уголовного процесса (детальный анализ судебной практики) (часть 3) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 76—86.

**GENESIS (CONSTRUCTION), PRESERVATION,
IDENTIFICATION AND CORRECTION (DECONSTRUCTION)
OF ERRORS MADE BY SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS
(DETAILED ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE)
(PART 3)**

Nikita Alexandrovich Kolokolov

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow Pedagogical State University, "Criminal Justice" journal, "Justice of the Peace" journal, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The general system of construction, preservation, identification and deconstruction of investigative, prosecutorial and judicial errors is examined in the article, consisting of three parts. Within this publication, the author shares the position recognized by the majority of criminal proceedings theorists. According to it any of the mentioned above errors is nothing more than an ordinary honest misconception / error of a specific official, the judicial staff while collecting and assessing evidence, as well as applying substantive and

procedural rules of law. Based on the extensive practice of various judicial control authorities, as well as personal experience, the author argues that a quarter of the errors made by subjects of criminal proceedings is due to their extremely low qualifications. At the same time, it is stated that the nature of the remaining three-quarters of procedural errors lies mainly in the depths of the procedural discretion of these subjects. The author considers the final decisions of the highest courts (the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation) to be the criterion of truth while identifying and correcting procedural errors. At the same time, it is recognized that from time to time these mentioned authorities may take mutually exclusive / antagonistic decisions. All the author's judgments and conclusions are illustrated by a detailed analysis of specific court decisions.

Keywords: procedural (investigative, prosecutorial and judicial) error, construction of procedural errors, preservation of judicial errors, identification of judicial errors, deconstruction of judicial errors, criterion of truth; judicial error and results of judicial discretion as a category in procedural law forming a pair

For citation: Kolokolov N. A. Genesis (construction), preservation, identification and correction (deconstruction) of errors made by subjects of criminal proceedings (detailed analysis of judicial practice) (part 3). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 76—86, 2024. (In Russ.).

20. О чем умолчат другие исследователи

20.1. Судебная политика

Все еще обвиняемый К. — субъект ненадежный, шансы на то, что его поведение изменится, стремятся к нулю. Следовательно, реабилитировать его чревато непредсказуемыми последствиями. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции (далее — КСОЮ), в очередной раз отменив все состоявшиеся по делу решения, направив уголовное дело в отношении К. в первую инстанцию и приняв решения не только об объявлении обвиняемого в розыск, но и избрав в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу, всю ответственность переложил на полицию, а там — «либо ишак сдохнет, либо шах помрет».

20.2. Ошибка, скрытая в приговоре

20.2.1. Установлено более-менее объективно

7 декабря 2016 г. в п. Тунгала Зейского района Амурской области между Мельниковым и Гармашовым произошел конфликт, так как последний распивал спиртные напитки в подъезде жилого дома и в нецензурной форме оскорбил жену Мельникова — Мельникову. Последняя по этому поводу обратилась в полицию с заявлением о привлечении Гармашова к ответственности, в результате чего тот был наказан за мелкое хулиганство.

Будучи возмущенным этой ситуацией, Гармашов предложил Мельникову встретиться с ним поздним вечером 9 декабря 2016 г. для выяснения отношений. Мельников с данным предложением согласился и, вооружившись ружьем, прибыл к месту встречи со своим родственником — Колмогорцевым.

Гармашов пришел тоже не один, вместе с ним был Глеков.

Судя по результатам «разборки», наличие оружия у Мельникова инициаторов конфликта не оставило. Результат: Мельников застрелил и Гармашова, и Глекова.

Мы уже неоднократно писали о том, что дела, по которым значимые обстоятельства дела известны следствию и суду преимущественно на основании анализа лишь показаний подсудимого, для стороны обвинения, отвергающей версию защиты о необходимой обороне и настаивающей на доказанности умышленного убийства, представляют значительную сложность [1].

Естественно, что дела данной категории исключительно сложны и для судебных инстанций. Практика показывает, что в таких ситуациях суды, рискнувшие постановить обвинительный приговор, в описании объективной стороны преступления, как правило, строго (слово в слово) придерживаются версии обвинения. Классический пример — апелляционный обвинительный приговор по делу Крюкова¹.

В случае рассмотрения такого уголовного дела с участием присяжных заседателей, несмотря на все старания и ухищрения председательствующего, ситуация часто выходит из-под контроля государственного обвинителя. Типичный пример — уголовное дело в отношении Михайловского².

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 г. № 67-УД22-6-К8 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2022 г.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 34-АПУ17-1сп от 9 февраля 2017 г. // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 г.

Мы же вернемся в п. Тунгала. «10 декабря там в гараже были обнаружены обгоревшие тела двух мужчин. По данному факту следственным отделом по г. Зея Следственного комитета РФ по Амурской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ. Личности потерпевших были установлены сразу: мужчины 1986 года рождения, один из них имел судимость за превышение должностных полномочий. Местные жители обоих потерпевших характеризовали отрицательно»¹.

20.2.2. «Установлено» следствием предварительным и судебным

Из описательной части обвинительного приговора (подчеркнем, постановленного с участием присяжных заседателей) в отношении Мельникова² следует: «9 декабря 2016 года, в период с 21 час. 47 мин. до 22 час. 14 мин. (точность поразительная, в силу чего весьма подозрительная. — *Н. К.*), по прибытии в гараж у Мельникова на почве ранее возникшей ссоры продолжился (Мельников — спорил, а Гармашов — мирился? — *Н. К.*) конфликт с находившимся там Гармашовым, в ходе которого, в ответ на действия последнего (не менее двух раз ударил Мельникова в область головы предметом с ограниченной продолговатой травмирующей поверхностью), Мельников, опасаясь за свою жизнь, выстрелил в Гармашова», в результате чего тот тут же скончался.

После этого «Глеков замахнулся на Мельникова топором. Последний, опять опасаясь за свою жизнь, дважды выстрелил в Глекова», который тут же скончался.

20.2.3. Как на самом деле развивались события: будем гадать?

В частности, никто нам не даст ответа на вопрос, кроме Мельникова и Колмогорцева (да и был ли последний непосредственно на месте происшествия?), ждал ли терпеливо вооруженный ружьем Мельников, пока Гармашов «не менее двух раз» ударит его по голове неизвестным предметом.

Никто не прояснит нам, почему вооруженный топором Глеков не напал на Мельникова одно-

временно с Гармашовым, а выждал, пока Мельников его не застрелит.

20.2.4. Уголовное преследование в отношении Мельникова прекращено

Органы предварительного расследования изначально гадать не стали. 8 февраля 2020 г. в ходе пресс-конференции в следственном управлении Следственного комитета РФ по Амурской области СМИ поведали: не прошло и четырех лет, как «следствие поставило точку в преступлении, совершенном в п. Тунгала в декабре 2016 года. Лицо, причастное к смерти двух мужчин, установлено, однако дело производством прекращено, поскольку лицо это действовало в состоянии необходимой самообороны. Не установлена его причастность и к поджогу в гараже, в котором обнаружили тела. Дело в этой части выведено в отдельное производство, не исключается, что пожар произошел случайно, так как в помещении находились горючесмазочные материалы»³.

20.2.5. Уголовное преследование в отношении Мельникова возобновлено

21 мая 2020 г. мать одного из потерпевших лично обратилась к Председателю Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкину с просьбой разобраться в деле, возбужденном по факту гибели ее сына. Вскоре после этого дело было передано в центральный аппарат СК России⁴.

Почему именно такое решение принял Александр Иванович? Позволим себе напомнить, что руководитель такого ранга в государстве в первую очередь политик, по общему правилу, одной из функций которого является обязанность отвести «громы и молнии» от возглавляемого им ведомства, в том числе в виде несогласия населения с некоторыми решениями Следственного комитета РФ.

«Амурское следствие» сочло за благо признать, что Мельников действовал в рамках необходимой обороны, уголовное дело в отношении него было прекращено. Однако в целом за данное решение несет ответственность Следственный комитет РФ и лично его Председатель.

¹ В поселке Зейского района нашли два обгоревших трупа. URL: <https://portamur.ru/news/detail/v-poselke-zeyskogo-nashli-dva-obgorevshih-trupa/> (дата обращения: 27.11.2023).

² Приговор Амурского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей от 3 июня 2021 г. № 2-6/21 // Электронный архив Амурского областного суда за 2021 г.

³ Раскрыто двойное убийство в поселке Зейского района. URL: <https://portamur.ru/news/detail/raskryto-dvoynoe-ubiystvo-v-poselke-zeyskogo-rayona/> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴ Мать убитого в Приамурье мужчины пожаловалась в Следственный комитет РФ. URL: <https://portamur.ru/news/detail/mat-ubitogo-v-priamure-mujchinyi-pojalovalas-v-sledstvennyiy-komitet-rf/?ysclid=lqp7qa4f2j296832811> (дата обращения: 27.11.2023).

Если, заручившись поддержкой Генеральной прокуратуры РФ, уголовное дело направить в суд, который постановит любой из возможных обвинительных приговоров, то все вопросы населения в части адекватности наказания автоматически будут переадресованы ведомству судебному.

По этому поводу защитник Мельникова в суде — адвокат И. А. Ведь даже счел возможным довести до сведения присяжных заседателей «о наличии заинтересованности органов предварительного следствия и прокурора в его (Мельникова) осуждении».

20.2.6. Позиция прокуратуры

24 декабря 2020 г., согласно информации, поступившей из Управления Генеральной прокуратуры РФ по Дальневосточному округу, обвинительное заключение по делу Мельникова по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух и более лиц) было утверждено заместителем Генерального прокурора РФ Д. Демешиним, а само оно передано для рассмотрения в Амурский областной суд.

Презюмировалось следующее: «В ходе расследования собраны доказательства, достаточные для опровержения версии обвиняемого о том, что смерть потерпевшим причинена в условиях необходимой обороны»¹.

20.2.7. Некоторые нюансы хода судебного разбирательства

Из имеющихся в нашем распоряжении отдельных процессуальных документов усматривается, что государственное обвинение, опровергая очевидное, до самого последнего момента настаивало на осуждении Мельникова по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Не случайно адвокаты в судебных прениях заявляли, что «государственный обвинитель отчаянно отстаивает ошибочную версию, представленную органами предварительного следствия», с чем он не может согласиться, так как имеющиеся в деле доказательства сформировали у него убеждение о незаконном, необоснованном привлечении Мельникова к уголовной ответственности.

20.2.8. Обвинение «в тепличных условиях»

Следует честно признать, что государственное обвинение по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, работает в «тепличных условиях». Во-первых, все доказательства,

представленные следствием, априори толкуются как истина в последней инстанции (информация относимая и допустимая). Во-вторых, обвинение конструируется таким образом, что действия виновного вырываются из контекста конкретных событий.

Например, по делу Мельникова со стороны обвинения имел место упрек председательствующему в том, что он «оставил без реакции слова защитника, призвавшего присяжных заседателей принимать во внимание действия потерпевших, которые преследовали цель избить и унижить Мельникова, они требовали передать им имущество и деньги».

20.2.9. Нонсенс: даже председательствующий предложил присяжным исходить из версии обвинения

Как следует из протокола судебного заседания, адвокат И. А. Ведь в прениях усомнился в правильности позиции государственного обвинителя с учетом имеющихся по делу доказательств. После чего председательствующий обратился к присяжным заседателям с просьбой о том, чтобы они «не учитывали обстоятельства относительно позиции государственного обвинителя».

Иными словами, фактически было предложено присяжным заседателям при оценке доказательств исходить из версии органов предварительного следствия, что, как констатировал суд кассационной инстанции, нельзя признать правомерным.

Как известно, «в соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ функции обвинения и защиты отделены друг от друга. Из положений ст. 53 УПК РФ следует, что адвокат в уголовном судопроизводстве осуществляет защиту подсудимого всеми возможными законными способами, в том числе он вправе анализировать доказательства, не соглашаясь с позицией государственного обвинителя, и приводить присяжным заседателям суждения по поводу недоказанности вины своего подзащитного. Председательствующий не вправе в таких случаях прерывать речь защитника».

20.2.10. Суд кассационной инстанции был вынужден напомнить участникам процесса некоторые обстоятельства дела

7 декабря 2016 г. между Гармашовым и Мельниковым произошел конфликт на той почве, что потерпевший распивал спиртные напитки в подъезде дома и оскорбил жену Мельникова нецензурной бранью. После того как Гармашов был привлечен за это к административной ответственности, именно он предложил Мельникову встретиться

¹ Управление Генеральной прокуратуры РФ по Дальневосточному федеральному округу. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/news?item=57382950 (дата обращения: 27.11.2023).

с ним для выяснения отношений. Изложенные выше обстоятельства свидетельствуют о мотиве совершенных Мельниковым действий. Поэтому нельзя признать нарушением закона обращение защитника к присяжным заседателям с просьбой принять во внимание действия потерпевших, которые преследовали цель избить и унижить Мельникова, они требовали передать им имущество и деньги. Нельзя оставлять без внимания версию осужденного на произошедшие события. При таких обстоятельствах не является нарушением закона заявление защитника о том, что подсудимый на протяжении пяти лет говорит одно и то же. По сути, защитник утверждал о последовательности пояснений Мельникова, который не искажал действительность и отстаивал свою позицию. Сообщение свидетелями Комогорцевым, Сергиенко и Мельниковой в присутствии присяжных заседателей о характере взаимоотношений между Мельниковой, Мельниковым с одной стороны и Гармашовым — с другой не выходит за пределы предъявленного обвинения.

20.2.11. Вопросы, внесенные на разрешение присяжных заседателей

Вопросы традиционные и прямо регламентированы законом:

— а доказано ли, что В. Н. Гармашов и А. С. Глеков были убиты выстрелами из ружья?

— а доказано ли, что выстрелы произвел Мельников?

Естественно, что ответы присяжных на данные вопросы были более чем предсказуемы, поскольку подсудимый в суде не отрицал очевидного: да, это он застрелил обоих потерпевших.

Кроме того, Мельников был не один, а со своим родственником — Колмогорцевым, который, естественно, тоже не отрицал очевидного: Мельников застрелил обоих потерпевших.

Спор-то в чем? Нам интересно только одно: каков мотив?

В связи с этим присяжным был адресован туманный вопрос: а не совершили Гармашов и Глеков посягательство на Мельникова?

Вердикт присяжных: «посягательство на подсудимого совершили оба потерпевших». Кто бы сомневался, что вердикт в этой части тоже будет именно таким, поскольку версию событий они знали исключительно со слов подсудимого и его родственника.

С учетом обстоятельств дела присяжные признали Мельникова заслуживающим снисхождения.

20.2.12. Структура обвинительного приговора

Отдельные элементы приговора в отношении Мельникова чем-то структурно напоминают классическое решение, постановленное по результатам обычного рутинного производства.

Во-первых, события, имевшие место в гараже, изложены явно со слов Мельникова и Колмогорцева. Во-вторых, в приговоре приведены показания последнего в судебном заседании о том, что со слов Мельникова ему было известно об избиии последнего «парнями», которые требовали с него 100 000 руб., а также хотели, чтобы Д. К. Мельников переписал на них свои машины.

Ниже изложены показания других свидетелей:

— Сергиенко, которая рассказала, что «парни» стали нападать на Дениса, говорили ему об ответственности «за своих женщин»; нападавшие заявили, что поставили его (Мельникова) на «счетчик», он попал, у него отберут машины;

— Мельникова (супруга осужденного) сообщила, что Гармашов угрожал ей и ее мужу Мельникову за то, что она звонила в полицию.

Это все — информация, которую обязаны были воспринять, переварить и в совещательной комнате оценить присяжные заседатели. Мы же в приговоре читаем изложение того, что услышал и оценил его автор.

20.2.13. Цитата из закона

В приговоре приводится фактически цитата из закона, в соответствии с чч. 2 и 2.1 ст. 37 УК РФ — защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

20.2.14. Квалификация содеянного

Далее, без пояснений, следует резкий переход к новой мысли: «Учитывая, что Мельников прибегнул к защите от Гармашова и Глекова таким способом, применение которого явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, а именно — произвел выстрелы из ружья — один в Гармашова, два в Глекова».

Вопрос к автору приговора: а как именно должен был поступить Мельников, на которого, как установил суд, напали двое, один бьет его по голове, второй замахивается топором?

Автор приговора указал, что «Мельников осознал, что причиняет потерпевшим вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения посягательства с их стороны», а поэтому суд считает необходимым квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

В приговоре полностью отсутствуют какие-либо суждения автора об отвержении позиции стороны защиты о том, что Мельников не вышел за рамки необходимой обороны. Правда, ниже в приговоре находим оговорку: «вердиктом коллегии присяжных заседателей установлено, что посягательство на подсудимого совершили оба потерпевших».

Вопросы, касающиеся наличия (отсутствия) необходимой обороны, ее превышения, размеров этого превышения — суть категории чисто юридические, заседателей спрашивать об этом нельзя. Представляется, что автор приговора должен был бы все же четко написать: почему он отверг версию стороны защиты.

Еще ниже автор приговора долго убеждает читателя, что Мельников вменяем — прекрасно представлял, что идет на убийство, однако, в связи с признанием присяжными заседателями его заслуживающим снисхождения, обстоятельство, отягчающее наказание — совершение преступления с использованием оружия, — судом не учитывается.

20.2.15. «Не буди лихо, пока оно тихо!»

В связи с этим интересна уникальная позиция судебных инстанций по делу Петрова. Несмотря на то что в обвинительном вердикте стороной обвинения были выявлены противоречия, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ сочла за благо суждения, высказанные самим народом (о том, что «подсудимый не только стрелял по людям и не скрывал этого в суде»), не трогать. Поэтому было постановлено: приговор Верховного Суда РФ Республики Саха от 18 декабря 2020 г. и апелляционное определение от Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. отменить, а вот дело передать на новое рассмотрение в суд первой инстанции, но иным составом суда с момента, следующего за провозглашением вердикта присяжных заседателей¹.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2021 г. № 74-УДП21-7СП-А5 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 г.

20.2.16. Закономерный итог по делу Мельникова

В связи с истечением срока давности, установленного п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, Мельников подлежит освобождению от назначенного наказания.

20.2.17. Сроки истекли? Ответишь рублем!

С осужденного Мельникова в счет компенсации морального вреда взысканы денежные средства на сумму по 1 000 000 руб. в пользу матерей, других лиц 700 000 руб. и 500 000 руб. соответственно.

Не будем спорить, утрата сыновей для матерей — всегда трагедия. Вот только сыновья эти, игнорируя правила общежития, присвоили себе право поучать всех и каждого, за что при попустительстве системы правоохраны были сурово наказаны предикатным потерпевшим.

21. Суды в плену ложной версии

Судебные ошибки (в том числе вопиющие) известны правосудию любого государства. Очевидно, что за выявлением некоторых из таковых, к числу которых, безусловно, следует относить осуждение невинного, после отмены незаконного обвинительного приговора должен следовать «разбор полетов». В ряде стран проведение такого разбирательства, по крайней мере, возможно. Например, в Канаде в случае отмены обвинительного приговора создается комиссия, в которую входят: 1) действующие судьи соответствующих судебных инстанций; 2) бывшие судьи Верховного суда Канады; 3) представители юридической общественности. Цель работы — выявить реальную причину судебной ошибки.

Анализ выявленных высшими российскими инстанциями судебных ошибок, как правило, комплексного характера не носит, скажем больше: такой задачи перед ними по закону и не стоит. О некоторых судебных ошибках, правда совсем уж узко и только предельно предметно (порой вне контекста), можно найти информацию, например, в «Бюллетене Верховного Суда РФ», разного рода иных обзорах судебной практики.

В то же время без полного погружения в текст и контекст конкретного уголовного дела уяснить ситуацию, породившую ту или иную судебную ошибку, крайне сложно. Например, в 2011 г. Г., начальник отдела ГУЭБиПК МВД России, превысив свои должностные полномочия, провел ряд заведомо незаконных оперативно-разыскных мероприятий в отношении Е., П. и Л. (фактически провокации получения взяток), что повлекло за собой существенное нарушение прав и законных

интересов граждан. Преступная деятельность Г. в виде фальсификации конкретных доказательств спровоцировала череду незаконных следственных, прокурорских и судебных решений (постановления о заключении лиц под стражу, продлении срока содержания под стражей; обвинительные приговоры).

По приговору Смоленского областного суда от 23 ноября 2016 г. Г. был осужден по пп. «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ к пяти годам лишения свободы. В конечном итоге данный приговор был оставлен без изменения¹.

Дело в отношении Г., безусловно, представляет научно-практический интерес во многих отношениях, включая механизмы оперативно-разыскной деятельности, следственной, прокурорской и судебной практики. Вместе с тем в «Бюллетене Верховного Суда РФ» заинтересованный читатель может обнаружить только один аспект проблемы — квалификация противоправных действий Г. в отношении жертв провокаций, которых осужденный насильно пытался вовлечь в новые провокационные оперативно-разыскные мероприятия².

Получается, что всю единую по своей природе и весьма растянутую во времени длинную цепочку незаконных действий сначала «оперативника» Г., а затем следователей, прокуроров и судов можно проследить только в рамках комплексных научных изысканий. В связи с этим особый интерес представлял бы комплексный научный анализ института судебных ошибок.

С величайшим сожалением приходится констатировать, что последний раз на фундаментальном уровне это попытались сделать сотрудники Института государства и права АН СССР в далеком 1972 г. [2; 3]

Не будем отрицать очевидного: некоторые судебные ошибки с разным успехом могут оцениваться и за рамками уголовного процесса. Речь идет об их обсуждении на разного рода семинарах, а то и в рамках дисциплинарных производств, возбужденных в отношении конкретных авторов судебных ошибок, о чем мы также неоднократно писали [4].

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2017 г. № 36-АПУ17-10СС // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 г.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 марта 2017 г. № 69-ПРСС // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8. С. 37—39.

Научный анализ некоторых судебных ошибок нами был осуществлен в рамках публикаций в серии «Судебная деятельность: апелляция, кассация, надзор» [5; 6]. Исследование проблем, затронутых в названной серии, продолжается, что подтверждается соответствующими публикациями в научной литературе.

Попытаемся проследить генезис, закрепление, длительную консервацию судебных ошибок по конкретному делу, а затем длительный процесс их выявления и исправления.

22. Дело Исхакова: стремительная конструция обвинения и вялотекущая его деконструкция

22.1. Конструция

19 октября 1959 г. По приговору народного суда первого участка Миякинского района Башкирской АССР Исхаков осужден по УК РСФСР 1926 г. к лишению свободы: по ч. 1 ст. 73.1 (угрозы убийством, применением насилия по отношению к должностным лицам в целях прекращения их служебной деятельности) на шесть месяцев, по ч. 2 ст. 74 (хулиганские действия, заключающиеся в буйстве или бесчинстве, которые упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок) на два года, по ст. 19, пп. «а», «е» ч. 1 ст. 136 (покушение на убийство) на 15 лет с отбыванием первых шести лет в тюрьме и последующей ссылкой (ст. 36) за пределы Башкирской АССР на пять лет.

22.1.1. Версия обвинения

22 мая 1959 г. Исхаков, взяв во дворе дома И-рова топор, в целях убийства членов семьи Р. пробрался к ним в дом. Обнаружив спящими на нарах: Р. С., ее дочь Р. М. и подругу последней Р. А., Исхаков нанес каждой из них по два-три удара топором по голове.

22.1.2. Доказательства, положенные судом в основу приговора

1. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, у потерпевших обнаружены: у Р. С. — множественные проникающие ранения черепа; Р. М. — множественные рубленые раны головы, проникающая рубленая рана лобной пазухи; Р. А. — множественные проникающие раны черепа с частичным выпадением мозгового вещества. Потерпевшим своевременно оказана медицинская помощь, все они длительное время лечились в больнице. Как в такой ситуации не вспомнить народную мудрость: «что написано пером, не вырубишь топором»? Впрочем, к топору и заключению эксперта мы вернемся позже...

2. «Деревенская молодежь» видела Исакова у дома Р.

3. Найден топор, на нем следы крови одной из потерпевших.

4. Следы крови данной потерпевшей обнаружены и на одежде Исакова.

22.1.3. Мотив

Официально: Исаков — единственное лицо в деревне, которое испытывало неприязнь к семье Р.

22.1.4. Вывод

Исаков — злодей! Оправдания ему нет и быть не может!

22.1.5. Доказательства, на которые внимания суд не обратил

Потерпевшие, несмотря на «рубленые раны головы», в том числе с «выпадением вещества головного мозга», сразу после нападения на них активно перемещались по деревне, через 12 часов после этого съездили в райбольницу, где им оказали медицинскую помощь и отпустили домой.

22.1.6. Основные интриги

Согласно приговору, осужденный свою вину в содеянном не признал. Ключевые вопросы, которые остались без ответа (их три): 1) почему под подозрение попал Исаков; 2) почему односельчане его оговорили; 3) и главный — почему, несмотря на неоднократные удары топором по голове, все три жертвы преступления не только выжили, но и вели себя, в прямом смысле этого слова, активно?

22.2. Деконструкция: в круге первом

19 ноября 1959 г. суд второй инстанции исключил из осуждения Исакова ч. 1 ст. 73.1 УК РСФСР; убрал дополнительное наказание — ссылку, сократил срок отбытия в тюрьме до пяти лет.

1963 г. Свидетель А. (представитель «деревенской молодежи») обратился в районный отдел милиции с заявлением о том, что он и еще трое его друзей оговорили Исакова ввиду применения к ним насилия со стороны сотрудников милиции. Данное заявление система правоохраны сочла за благо просто не заметить: для нее виновный-то осужден, приговор в отношении него «засилен».

18 марта 1988 г. президиум Верховного Суда Башкирской АССР прекратил производство по делу Исакова в части его осуждения по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР в связи с отсутствием в действиях осужденного состава преступления, что автоматически должно было бы повлечь смягчение наказания на $\frac{1}{3}$ — до 10 лет лишения свободы, проблема только в том, что к этому моменту Исаков наказание отбыл.

29 ноября 1990 г. Прокурор отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел прокуратуры Башкирской АССР вынес постановление о возбуждении по делу Исакова производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств, данное постановление утверждено заместителем прокурора Башкирской АССР.

2013 г. Представитель «деревенской молодежи» С.Б. обратился с явкой с повинной, в которой рассказал, что преступление совершил не Исаков, а он. Однако потерпевших рубил не топором, а порезал им лица бритвой (вот оно, первое объяснение тому, почему потерпевшие отделались порезами кожи). Мотив — отказ Р. А. поддерживать с ним отношения.

24 июня 2013 г. Прокурор Миякинского района Республики Башкортостан (далее — РБ) возбудил производство по делу Исакова ввиду новых обстоятельств. Более того, для организации расследования дело в отношении Исакова было направлено в Алыпеевский межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета РФ РБ.

2015 г. При проведении дополнительной комплексной судебно-медицинской экспертизы установлено самое главное — рентген черепов потерпевших показал: переломов и трещин не обнаружено, все имевшиеся у них повреждения мягких тканей проникающими не являлись, какой-либо опасности для жизни не представляли. Данное заключение на научном уровне неопровержимо доказывало: покушения на убийство не было!

23 июля 2015 г. Прокурором РБ в президиум Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) направлено заключение об отмене приговора в отношении Исакова, возвращении уголовного дела прокурору на основании ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ).

21 сентября 2015 г. Указанное заключение этим же прокурором отозвано.

23 сентября 2015 г. Постановлением президиума Верховного Суда Российской Федерации производство по делу в отношении Исакова ввиду новых обстоятельств прекращено: нет заключения прокурора — нет и судебного разбирательства.

22 августа 2017 г. И. о. прокурора Миякинского района РБ постановил: производство дела, возбужденного 24 июня 2013 г., прекратить.

7 августа 2019 г. Президиум Верховного Суда РБ указанное постановление и. о. прокурора признал незаконным, на него возложена обязанность устранить допущенные нарушения.

26 августа 2019 г. Постановлением и. о. прокурора Миякинского района РБ производство дела, возбужденного 24 июня 2013 г., прекращено в третий раз.

22.3. Сбой в системе?

Согласно закону прокурор (орган административной власти) — основной фильтр, регулирующий поступление дел в суды, в том числе в порядке гл. 49 УПК РФ. Прокуроры СССР, Республики Башкортостан на протяжении 27 лет (1990—2017) вели производство по делу Исакова ввиду наличия комплекса новых и вновь открывшихся обстоятельств, восемь разных прокуроров давали заключение о необходимости отмены приговора, каждый раз данные документы отзывали.

22.4. Есть ли позитивные результаты работы прокуроров?

С одной стороны, по инициативе прокуратуры в установленном законом порядке собраны железные доказательства, во-первых, опровергающие факт покушения на убийство семьи Р., во-вторых, установлено лицо, причинившее вред всем трем потерпевшим.

С другой стороны, прокуратура последовательно бойкотировала передачу в суд заключения о необходимости пересмотра дела Исакова.

Думается, просвещенный читатель отлично понимает почему. Кому хочется признавать свои ошибки? Не случайно в народе говорят: «Следует подождать, пока шах помрет или ишак сдохнет». Как видим, судьба Исакова, да и некоторых иных участников процесса, для торжества правосудия все же сохранила!

В данной ситуации нас интересует только один вопрос: вправе ли суд рассмотреть дело ввиду новых и (или) вновь открывшихся обстоятельств без одобрения на то прокурора?

Доцент Т. М. Алексеева отстаивает недопустимость игнорирования судами заключения прокурора об отсутствии оснований для возобновления производства по делу по правилам гл. 49 УПК РФ [7]. Вышеприведенная судебная практика — наглядное свидетельство того, что с Т. М. Алексеевой как минимум в основной массе солидарны и судьи, рассуждающие: нет заключения прокурора — нет и производства в порядке гл. 49 УПК РФ.

22.5. Вызов системе!

16 декабря 2021 г. Конституционный Суд Российской Федерации, заслушав доклад судьи А. К. Арановского (работал в 2010—2022 гг.), своим постановлением поставил перед Президиумом Верховного Суда Российской Федерации вопрос о необходимости пересмотра судебных актов по делу Исакова¹.

¹ По делу о проверке конституционности статей 416—417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исакова:

22.6. Позиция Президиума Верховного Суда Российской Федерации

18 мая 2022 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил: производство по делу Исакова возобновить ввиду новых обстоятельств, передать его в судебную коллегия по уголовным делам Шестого КСОЮ².

18 июля 2022 г. Шестой КСОЮ оснований для вмешательства в приговор в отношении Исакова не выявил, тем самым предложив стороне защиты жаловаться «по второму кругу».

22.7. Круг второй

6 февраля 2023 г. Судья Верховного Суда Российской Федерации отказал в передаче кассационных жалоб защиты для их рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции³.

19 апреля 2023 г. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации С. В. Рудаков своим постановлением отменил постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации и наконец-то передал кассационную жалобу Исакова на рассмотрение в судебном заседании суда кассационной инстанции⁴.

25 мая 2023 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила все состоявшиеся по делу Исакова судебные постановления, уголовное преследование прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ за непричастностью к совершению преступления, за ним признано право на реабилитацию в порядке гл. 18 УПК РФ⁵.

постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. № 53-П // Электронный архив Конституционного Суда РФ за 2021 г.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 18 мая 2022 г. № 22-П22 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2022 г.

³ Постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 6 февраля 2023 г. № 49-УД22-43-К6 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2023 г.

⁴ Постановление заместителя Председателя Верховного Суда РФ Рудакова С. В. от 19 апреля 2023 г. об отмене постановления судьи и передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции № 49-УД23-11-К6 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2023 г.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 49-УД23-11-К6 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2023 г.

Таким образом, борьбе с конструкцией обвинения Исхаков (1937 года рождения) с момента возбуждения уголовного дела (22 мая 1959 г.) до принятия решения о его реабилитации (25 мая 2023 г.) посвятил 64 года своей жизни.

22.8. *Cherchez la femme*

Как известно, если в деле изначально что-то непонятно, то, как говорится, ищите женщину. С одной стороны, ничто не мешает нам довериться: во-первых, односельчанину С. Б., который в явке с повинной указал, что лица женщинам порезал только за то, что одна из них «не удостоила его своим вниманием»; во-вторых, версии реабилитированного, согласно которой незаконное свое преследование он объясняет только тем, что в свое время «отказал во внимании односельчанке», родственник которой, сотрудник милиции, за это сфальсифицировал в отношении него уголовное дело.

С другой стороны, с самого начала было очевидно, что покушения на убийство не было. Чтобы в этом убедиться, достаточно было перед постановлением обвинительного приговора взглянуть на потерпевших; тем не менее судья, мотивируя свое решение, ограничился цитированием заключения эксперта-медика.

Взглянуть на потерпевших (слава Богу, были все еще живы), провести повторную экспертизу догадались лишь в 2015 г., а до этого о степени опасности преступного посягательства на женщин можно было узнать исключительно из заключения эксперта. Воистину, «что написано пером, не вырубишь топором».

Как видим, судебный процесс-то наш — далеко не устный, а письменный (особенно во всех вышестоящих инстанциях), а согласно первичному заключению эксперта, Исхаков — злодей и никакого оправдания ему нет и быть не может. Однако такова в те годы была правовая идеология уголовного процесса [8].

Честная «советская» наука признавала: «Специфика оценки доказательств в вышестоящих судах заключается в том, что судьи не воспринимают непосредственно показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, ограничены в возможностях восприятия и исследования заключений эксперта и других средств доказывания» [3, с. 290].

22.9. *Закономерный итог*

Полная реабилитация, возмещение ущерба и компенсация морального вреда¹.

Основные научно-практические выводы.

1. Мы попытались доказать, что процессуальная ошибка, к числу которых мы относим некоторые неумышленные (случайные), по своему содержанию незаконные, необоснованные и несправедливые решения субъектов уголовного судопроизводства, их незаконные действия (бездействие), — суть правовая категория, в основе которой просматривается отсутствие необходимой квалификации у правоприменителей.

2. Процессуальные ошибки не следует смешивать с процессуальным произволом, а равно с усмотрением отдельных правоприменителей, которые, принимая то или иное решение, осуществляя конкретные действия (бездействие), искренне стремились к достижению социально значимых целей уголовного судопроизводства.

3. Выводы о наличии (отсутствии) процессуальных ошибок по конкретным делам следует делать, в первую очередь, на основании решений судебной контрольных инстанций. В то же время анализ выводов конкретных решений этих инстанций дает право утверждать, что их авторы «раскрыли на бумаге далеко не все известные им сюжетные линии», о возможном существовании таковых исследователи могут судить с учетом общего контекста производства по конкретному делу.

¹ Пенсионер взыскал 31,6 млн рублей за незаконное уголовное преследование более чем 60-летней давности. URL: <https://news.mail.ru/incident/57810491/?frommail=1> (дата обращения: 29.09.2023).

1. Колоколов Н. А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом — моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпции невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 120—132.

1. Kolokolov N. A. General principles of necessary defense. Part one: issues of theory, history and practice related to the application of the norms of Castle Doctrine (my home is my fortress), Stand your ground (no obligation to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (the attacker is a priori guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from a civil lawsuit), as well as the concept of Duty to retreat (obligation to run). Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 120—132, 2022. (In Russ.).

2. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва: [Б. и.], 1975. 297 с.

3. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва: [Б. и.], 1975. 298 с.

4. Колоколов Н. А. Уголовная ответственность судей на примерах из практики // Уголовный процесс. 2022. № 11. С. 80—85.

5. Колоколов Н. А., Скляренко М. В., Ярцев Р. В. Апелляция, кассация, надзор: применение УПК РФ / под ред. Н. А. Колоколова. Москва: Юрлитинформ, 2018. 464 с.

6. Колоколов Н. А. Судебная деятельность. Апелляция, кассация, надзор: анализ примеров из новейшей судебной практики / под ред. Н. А. Колоколова. Москва: Юрлитинформ, 2021. 344 с.

7. Алексеева Т. М. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: актуальные проблемы на примере конкретного дела // Уголовное судопроизводство. 2023. № 2. С. 33—37.

8. Скляренко М. В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья № 2. Идеология «советская»: полный отказ от института апелляции (1917—2001 гг.); идеология «постсоветская»: неспешное поэтапное восстановление апелляции (2001—2019 гг.) обусловили образование массивного пробела в практике выявления процессуальных ошибок, исправлять которые суды вынуждены в наши дни // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 40—45.

Колоколов Никита Александрович,

судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке;
заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова;
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета, председатель редакционного совета журнала «Уголовное судопроизводство», председатель редакционного совета журнала «Мировой судья»;
nikita_kolokolov@mail.ru

2. The effectiveness of justice and the problem to eliminate judicial errors. In two parts. Part 1. Ed. by V. N. Kudryavtsev. Moscow: [S. n.]; 1975: 297. (In Russ.).

3. The effectiveness of justice and the problem to eliminate judicial errors. In two parts. Part 2. Ed. by V. N. Kudryavtsev. Moscow: [S. n.]; 1975: 298. (In Russ.).

4. Kolokolov N. A. Criminal liability of judges using examples from practice. Criminal procedure, 80—85, 2022. (In Russ.).

5. Kolokolov N. A., Sklyarenko M. V., Yartsev R. V. Appeal, cassation, supervision: application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Ed. by N. A. Kolokolov. Moscow: Yurlitinform; 2018: 464. (In Russ.).

6. Kolokolov N. A. Judicial activity. Appeal, cassation, supervision: analysis of examples from the latest judicial practice. Ed. by N. A. Kolokolov. Moscow: Yurlitinform; 2021: 344. (In Russ.).

7. Alexeyeva T. M. Resumption of criminal proceedings due to new circumstances and newly detected ones: topical problems using the example of a specific case. Criminal proceedings, 33—37, 2023. (In Russ.).

8. Sklyarenko M. V. Deadline for appeal: from ideology to ideology. Article No. 2. "Soviet" ideology: complete rejection of the institution of appeal (1917—2001); "Post-Soviet" ideology: the unhurried, phased restoration of appeals (2001—2019) led to the formation of a massive gap in the practice to identify procedural errors to be corrected by courts nowadays. Criminal proceedings, 40—45, 2024. (In Russ.).

Kolokolov Nikita Alexandrovich,

judge of the Supreme Court of the Russian Federation, honorably retired;
head of the department of judicial and prosecutor-investigative activities of the Moscow University named after A. S. Griboyedov;
professor at the department of theory and history of state and law of the Moscow State Pedagogical University; chairman of the editorial board of the "Criminal Justice" journal, chairman of the editorial board of the "Justice of the Peace" journal;
nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 03.09.2024.

***

УДК 341.4

**ПРИНЦИП ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ
КАК ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹****Оксана Сергеевна Колосович**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. Раскрытие и расследование преступлений в Европейском союзе в условиях глобализации и отсутствия внутренних границ нередко осуществляется посредством международного сотрудничества. Развитая система правовой помощи, в том числе по обмену информацией, обусловлена особыми доверительными отношениями между государствами — членами Европейского союза¹ и другими государствами — участниками Шенгенского соглашения. Кардинальное влияние на современное состояние международного сотрудничества оказало создание Европейского союза и принятие его права государствами-членами. Правовые акты Европейского союза закрепили и успешно развили партнерские отношения между государствами-членами на основании принципа взаимного признания, широкое применение которого повлекло, в свою очередь, установление упрощенной процедуры сотрудничества, создание европейских правоохранительных органов.

Все это позволило сформировать действенный механизм, направленный на достижение совместных целей в борьбе с преступностью и обеспечение коллективной безопасности Европейского союза. Ведущая роль в этом механизме отведена постоянному расширению действия принципа взаимного признания и применению инновационных технологий в международном обмене данными.

Ключевые слова: международное сотрудничество по уголовным делам, принцип взаимного признания, обмен данными, Европейский союз, Европол, европейский ордер на арест

Для цитирования: Колосович О. С. Принцип взаимного признания как основа международного сотрудничества по уголовным делам государств — членов Европейского союза // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 87—92.

**PRINCIPLE OF MUTUAL ADMISSION AS A BASIS
FOR INTERNATIONAL COOPERATION
OF THE MEMBER STATES OF THE EUROPEAN UNION
IN CRIMINAL CASES INVESTIGATION****Oksana Sergeyevna Kolosovich**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

Abstract. In the context of globalization and the absence of internal borders, in the European Union the process to detect and investigate crimes is often realized by means of international cooperation. The developed system of legal assistance, including the exchange of information, is due to the special trusting relations among the member states of the European Union and other states — parties to the Schengen Agreement. Creation of the European Union and the adoption of its law by member states had a fundamental impact on the existing state of international cooperation. Legal acts of the European Union have consolidated and successfully developed partnerships among member states based on the principle of mutual admission, the widespread application of which, in turn, led to the establishment of a simplified procedure for cooperation and the creation of European law enforcement agencies.

These factors made it possible to form an effective mechanism aimed at achieving joint goals in the fight against crime and ensuring the collective security of the European Union. The leading role in this mechanism

© Колосович О. С., 2024

¹ Интерес автора к законодательству названных стран обусловлен их географической близостью к России, существовавшими до недавнего времени тесными связями с нашим государством, неизбежностью этого взаимодействия в будущем, детальной проработанностью положений европейского законодательства о взаимодействии правоохранительных органов этих государств по уголовным делам.

belongs to the constant expansion of the principle of mutual admission and the use of innovative technologies in international data exchange.

Keywords: international cooperation in criminal matters, the principle of mutual admission, data exchange, European Union, Europol, European arrest warrant

For citation: Kolosovich O. S. Principle of mutual admission as a basis for international cooperation of the member states of the European Union in criminal cases investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 87—92, 2024. (In Russ.).

Современное правовое регулирование международного сотрудничества в государствах — членах Европейского союза (далее — ЕС) обусловлено созданием ЕС и возникновением собственной правовой системы (решение Европейского Суда по правам человека, дело 6-64¹). Развитию правового регулирования в рассматриваемой сфере способствовали различные факторы: к примеру, отсутствие процедуры ратификации со стороны государств-членов официальных документов ЕС, вступающих в силу по общему правилу на двадцатый день после опубликования в Официальном журнале Европейского союза.

В Договоре о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. государствам-членам было предложено сотрудничество на более глубоком и продвинутом уровне (гл. 4 Положения о продвинутом сотрудничестве²), в основе которого — идея обеспечения коллективной безопасности, передачи части суверенитета органам ЕС; формирование единых подходов и общей терминологии в уголовном праве и расследовании; создание быстрой и эффективной процедуры сотрудничества.

Развитию особого режима международного сотрудничества государств-членов способствовало создание Европола, Европейской прокуратуры, Евроюста, Европейского бюро по борьбе с мошенничеством и других европейских правоохранительных органов.

В итоге в государствах — членах ЕС сформировалось правовое регулирование двух типов международного сотрудничества по уголовным делам — продвинутое (упрощенное) сотрудничество (сотрудничество с государствами-членами)

и сотрудничество в обычном режиме (с государствами, не входящими в ЕС, — с третьими странами³).

Развитие правового регулирования международного сотрудничества между государствами-членами стало возможно в связи с реализацией принципа взаимного признания.

Представляется уместным упомянуть, что ст. 63 Кишиневской конвенции о правовой помощи 2002 г. содержит положения о создании и деятельности только совместных следственно-оперативных групп. Вместе с тем в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) принцип взаимного признания непосредственно отразился в положениях о признании приговора суда иностранного государства при рассмотрении вопроса о передаче гражданина РФ (ст. 472), а также приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем (ст. 473.1). Действие принципа взаимности также можно усмотреть в признании юридической силы доказательств, полученных на территории иностранного государства (ст. 455 УПК РФ), и материалов, представленных компетентным органом иностранного государства для возбуждения и расследования уголовного дела (ч. 2 ст. 459 УПК РФ).

В то же время продвинутый тип сотрудничества государств-членов получил свое последовательное закрепление в различных документах ЕС.

Так, для исключения длительности и сложности процедуры экстрадиции с 2004 г. между государствами-членами начало действовать Рамочное решение, заменившее ранее заключенные международные договоры о выдаче, в частности Европейскую конвенцию о выдаче 1957 г.

¹ Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano — Italy. Case 6-64. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006&qid=1719656861414> (дата обращения: 12.02.2024).

² Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Маастрихте в 07.02.1992) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Термин «третьи страны» применяется в Рамочном решении № 2002/584/ПВД Совета Европейского Союза «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2024). Далее — Рамочное решение.

Таким образом, в настоящее время экстрадиция лица по запросу третьего государства осуществляется на основании положений Европейской конвенции о выдаче 1957 г. (иного действующего международного договора или принципа взаимности), в свою очередь, передача лица государству-члену — на основании Рамочного решения. Указанный документ, исключая лишние формальности, установил условия и процедуру взаимной передачи лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, а также передачи доказательств и имущества между государствами-членами на основании европейского ордера на арест (далее — EAW).

Отметим, что европейский законодатель достаточно детально, по сравнению с положениями о выдаче УПК РФ, подошел к регламентации процедуры направления и исполнения EAW. Кроме того, в отличие от УПК РФ, гл. 1 Рамочного решения посвящена общим принципам передачи лица, а в ст. 1 данной главы изложено определение «европейского ордера на арест».

Учитывая, что в России основанием отказа в выдаче установлено наличие у лица гражданства РФ (п. 1 ч. 1 ст. 464 УПК РФ), обращает на себя внимание отсутствие для страны-исполнителя подобного запрета на поступивший EAW (ст. 6 Рамочного решения). Для указанных лиц установлена дополнительная гарантия в виде обеспечения отбывания ими наказания в государстве, гражданином которого они являются (ст. 5 Рамочного решения).

Несмотря на то что в случае задержания разыскиваемого лица объем предоставленных прав в целом соответствует общим положениям отечественного уголовного судопроизводства, содержащимся в гл. 2 УПК РФ, европейский законодатель посчитал необходимым посвятить специальную статью правам разыскиваемого лица (ст. 11 Рамочного решения).

Высокая степень доверительных отношений позволила европейскому законодателю установить различные способы взаимодействия и разрешения трудностей в направлении или исполнении EAW.

В частности, на основании ст. 9 Рамочного решения, если известно местонахождение лица, EAW может быть направлен напрямую исполняющему судебному органу. В случае неизвестности местонахождения лица соответствующий информационный запрос может быть направлен в Интерпол или в Шенгенскую информационную систему (Schengen Information System). Информационный запрос, направленный в Шенгенскую информационную систему, приравнивается к EAW.

В статье 10 Рамочного решения предусмотрена возможность направления EAW «любыми надежными способами», позволяющими получить его письменный текст и обеспечить подлинность документа, уделено внимание вопросам обеспечения информационной безопасности, а в случае появления трудностей направления или исполнения EAW регламентировано обращение в «контактные пункты Европейской информационной сети в области правосудия» или напрямую к исполнителю.

В УПК РФ, напротив, коротко указывается о предоставлении материалов в Генеральную прокуратуру Российской Федерации «для решения вопроса о направлении в соответствующий компетентный орган иностранного государства запроса о выдаче лица, находящегося на территории данного государства» (ч. 3 ст. 460).

Ярким примером действия принципа взаимного признания следует назвать возможность государств-членов заблаговременно (авансом) давать согласие второй стороне на преследование, осуждение или содержание лица под стражей за любое другое преступление, совершенное до передачи лица, или его последующую передачу третьей стороне (§ 1 ст. 27 и § 1 ст. 28 Рамочного решения). Указанный принцип также проявляется в отсутствии проверки на предмет двойной преступности по широкому перечню деяний (§ 2 ст. 2 Рамочного решения).

Как и в ч. 1 ст. 461 УПК РФ, § 2 ст. 27 Рамочного решения содержит правило конкретности. Однако здесь заслуживает внимания наличие специальных положений в случае согласия задержанного на передачу по поступившему EAW. Речь идет о праве задержанного согласиться на передачу, заявлять отказ о применении правил конкретности (§ 1 ст. 13 Рамочного решения), а также о сокращенном сроке исполнения EAW (в течение 10 дней с момента задержания против обычных 60 дней) (§ 2, 3 ст. 17 Рамочного решения).

Несмотря на изложенные примеры действия принципа взаимного признания, в наибольшей степени рассматриваемый принцип проявляет себя в сфере обмена данными.

Законодательство ЕС об обмене данными формировалось постепенно, начиная с 1981 г., и надо отметить, что правовому регулированию этого вопроса уделялось существенное внимание¹. Основные положения обмена данными в со-

¹ Например: Конвенция Совета Европы от 28 января 1981 г. о защите физических лиц в связи с автоматиче-

временном виде были заложены Прюмским договором 2005 г., заключенным между несколькими европейскими государствами (Бельгией, Германией, Испанией, Францией, Люксембургом, Нидерландами и Австрией), в дальнейшем зафиксированные в Решении 2008/615/JHA.

В основе его развития в официальных европейских документах, помимо принципа взаимного признания, т. е. высокого уровня доверия между государствами-членами, был заложен принцип доступности — расширение перечня и объема данных, которыми можно обмениваться, своевременность и эффективность обмена, обеспечение защиты персональных данных, поиск инновационных и недорогих способов их передачи, обработки и хранения¹. Анализ положений указанных документов

ской обработкой персональных данных; Шенгенское соглашение 1985 г.; Гагская программа укрепления свободы, безопасности и правосудия в Европейском Союзе 2004 г.; Прюмский договор 2005 г.; Решение Европейского Совета 2008/615/JHA от 23 июня 2008 года об активизации трансграничного сотрудничества, особенно в борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью (далее — Решение 2008/615/JHA); Регламент ЕС 2019/817 Европейского парламента и Совета от 20 мая 2019 г. об установлении рамок взаимодействия между информационными системами ЕС в области границ и виз и внесении изменений в Регламенты (ЕС) № 767/2008, (ЕС) 2016/399, (ЕС) 2017/2226, (ЕС) 2018/1240, (ЕС) 2018/1726 и (ЕС) 2018/1861 Европейского парламента и Совета и Решения Совета 2004/512/ЕС и 2008/633/JHA; Регламент (ЕС) 2022/991 Европейского парламента и Совета от 8 июня 2022 г., вносящий изменения в Регламент (ЕС) 2016/794, касающийся сотрудничества Европола с частными лицами, обработки персональных данных Европолом в поддержку уголовных расследований и роли Европола в исследованиях и инновациях (далее — Регламент 2022/991); Регламент (ЕУ) 2024/982 Европейского парламента и Совета от 13 марта 2024 г. об автоматическом поиске и обмене данными для сотрудничества полиции и внесении изменений в Решения Совета 2008/615/JHA и 2008/616/JHA и Регламенты (ЕУ) 2018/1726, (ЕУ) № 2019/817 и (ЕУ) 2019/818 Европейского парламента и Совета (Регламент Prüm II) (далее — Регламент 2024/982).

¹ См., например: Рамочное решение Совета Европы 2008/978 / JHA от 18 декабря 2008 г. о европейском ордере на получение доказательств с целью получения предметов, документов и данных для использования в разбирательствах по уголовным делам (утратил силу). П. (25). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

позволяет говорить о перспективе обеспечения полного режима действия принципа взаимного признания и в итоге — вытеснения процедуры взаимной помощи.

Интеграцию европейских положений об обмене данными в национальное законодательство государств-членов представляется наиболее удобным рассмотреть на примере Германии, признанной мировой общественностью «локомотивом ЕС».

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ в книге восьмой содержатся положения о защите, использовании и обработке данных, в том числе положения о их пересылке для оказания международной правовой помощи по уголовным делам (§ 487), автоматизированной процедуре передачи данных (§ 488)².

В настоящий момент для компетентных органов указанных государств создан Европейский поисковый портал (European search portal) с открытым доступом к информационным системам, функционально совместимым и постоянно пополняемым профилями ДНК, дактилоскопическими данными, данными транспортных средств, изображений лиц, о судимости, финансовой информации, пересечении границ, полицейских записей и иной оперативно значимой информацией (например, Schengen Information System, European Criminal Records Information System, Information System for Third-Country Nationals, European Vehicle and Driving Licence Information System).

Постоянный доступ к базам данных обеспечивается каждым государством-членом на основании национального законодательства. Между государствами-членами осуществляется двухстороннее подключение и разрешен автоматический доступ к справочным базам данных профилей ДНК, дактилоскопических данных, определенных регистрационных данных транспортного средства. По преступлениям, наказуемым тюремным заключением максимальным сроком не менее одного года, в соответствии с законодательством запрашивающего государства-члена, разрешен автоматический доступ к национальным полицейским картотекам и базам данных изображений лиц.

Через Европейский поисковый портал запрос данных автоматического поиска может быть запущен одновременно к базам данных Агентства Европейского союза по сотрудничеству право-

---

content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008F0978&qid=1719232326780 (дата обращения: 02.05.2024).

² Strafprozeßordnung. URL: <https://dejure.org/gesetz/StPO> (дата обращения: 01.02.2024).

охранительных органов (Европол), государств-членов и к Общему хранилищу идентификационных данных (Common Identity Repository).

Автоматический поиск в национальных полицейских картотеках государств-членов возможен посредством запроса к Европейской системе картотеки данных полиции (European Police Record Index System) также через Европейский поисковый портал.

В отдельных случаях возможен обмен данными без направления запроса (например, проведение европейского мероприятия). Участие государства-члена в автоматизированном обмене данными возможно только в случае предоставления им открытого доступа к его национальной базе.

В настоящее время обсуждается вопрос о технической возможности объединения баз данных ЕС и США.

Данные, полученные Европоллом от государства-члена, могут быть переданы третьей стране или международной организации только с разрешения предоставившего их государства (ст. 60 Регламента 2024/982).

Координационная деятельность и разработка инновационных подходов в обмене данными между компетентными органами государств-членов, а также между государствами-членами и Европоллом отведена последнему (п. 3 преамбулы Регламента 2022/991).

Действие принципа взаимного признания можно проследить применительно к деятельности Европола.

Следует отметить, что Европол был создан «для поддержки и усиления действий компетентных органов государств-членов и их взаимного сотрудничества в предотвращении и борьбе с серьезными преступлениями, затрагивающими два или более государств-членов, терроризмом и другими формами преступности, которые затрагивают общие интересы, охватываемые политикой Союза» (п. 1 преамбулы Регламента 2022/991). Обладая соответствующими техническими возможностями для анализа и обмена большими данными, Европол «выполняет функции центра экспертизы и обмена информацией для всех полицейских сил в Евросоюзе» [1, с. 9].

Деятельность агентства, помимо обмена данными, включает в себя оказание экспертной и технической поддержки компетентным органам государств-членов, стратегический анализ и оценку угроз — посредством сбора, хранения, обработки и оценки данных — для оказания помощи ЕС в борьбе с серьезными преступлениями

и терроризмом; оказание содействия в проводимых операциях и расследованиях (в том числе совместных следственных групп); координацию усилий национальных правоохранительных органов государств-членов в борьбе с преступностью; инициирование проведения государством-членом расследования преступления, касающегося безопасности ЕС; сотрудничество с различными подразделениями и органами, например с подразделениями финансовой разведки (Financial Intelligence Units), Европейской прокуратурой (European Public Prosecutor's Office), Евроюстом (Eurojust), Европейским бюро по борьбе с мошенничеством (European Anti-Fraud Office), Агентством Европейского союза по кибербезопасности (The European Cybersecurity Union), с компетентными органами третьих стран, международными организациями; взаимодействие с частными сторонами и лицами.

К сожалению, на наш взгляд, в вопросе применения информационных технологий положения УПК РФ по своей проработанности сильно уступают вышеизложенному. В ходе интервью респонденты указали на данный факт как на недостаток УПК РФ (93 %) ¹. УПК РФ не содержит процедуру обмена данными в области международного сотрудничества и обеспечения прав лиц, чьи права передачей данных ограничиваются. В то же время только за один год посредством обмена данными по линии Интерпола была осуществлена проверка 56,4 млн объектов, включающих физических лиц, автомобили, документы ².

Данные собираются Европоллом как непосредственно у государств-членов, международных организаций, третьих государств, частных сторон и лиц, так и из открытых интернет-источников.

Европол не вправе проводить самостоятельные расследования или следственные действия, применять принудительные меры, однако его сотрудники вправе получать информацию о расследовании, проводимом национальными правоохранительными органами государств-членов, принимать участие в работе совместных следственных групп, в производстве следственных действий.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

¹ Автором с января 2023 по июль 2024 г. опрошено 229 следователей и руководителей следственных органов.

² Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год. С. 18. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 12.08.2024).

1. Между государствами — членами ЕС в основе правового регулирования международного сотрудничества действует принцип взаимного признания.

2. На основе принципа взаимного признания между государствами — членами ЕС создан быстрый и действенный механизм международного сотрудничества, обеспечивающий гибкую систему взаимной помощи, сформирован единый подход к проведению расследования, обмену данными, имеющими значение для раскрытия и расследования преступлений, установлены минимальные основания для отказа в оказании правовой помощи, образованы и функционируют правоохранительные органы ЕС.

3. Развитие международного сотрудничества между государствами-членами по уголовным делам осуществлялось посредством правового ре-

гулирования поиска и применения инновационных технологий в целях совершенствования европейской информационной системы обмена данными. Благодаря этому была создана единая среда, обеспечивающая коллективную безопасность государств-членов.

4. Вместе с тем в развитие правового регулирования международного сотрудничества между государствами — членами ЕС заложена максимальная реализация принципа взаимного признания, влекущая замену процедуры взаимной помощи.

5. Представляется, что отсутствие в УПК РФ процедуры обмена данными в области международного сотрудничества влияет не только на эффективность оказываемой помощи, но и на обеспечение прав и законных интересов субъекта данных.

---

1. Потемкина О. Ю. Новый мандат Европола: между безопасностью и свободами граждан // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 7—14.

---

1. Potemkina O. Yu. New mandate of Europol: between security and freedoms of citizens. Scientific-analytical bulletin of the Institute of IE RAS, 7—14, 2021. (In Russ.).

Колосович Оксана Сергеевна,
докторант научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
1019810198@mail.ru

Kolosovich Oksana Sergeevna,
postdoctoral student at the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Volgograd, Russia,
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 11.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 11.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.13

**О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
ОСОБОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Людмила Владимировна Попова*, Гульнара Хасановна Шаутаева****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* lygmila.2015@yandex.ru

** shautaeva@list.ru

Аннотация. В течение нескольких последних лет в России происходит дискуссия, в которой задействованы властные структуры, ученые-процессуалисты и практические работники правоохранительной и судебной систем, о способах решения проблемы защиты прав предпринимателей, чей бизнес поднимает на новый уровень экономическую безопасность страны. В статье авторы показывают, как на законодательном уровне совершенствуется механизм регулирования уголовно-процессуальных отношений с лицами из числа бизнес-сообщества, вовлеченными в уголовное судопроизводство, особенно на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации требует объединения норм по принципу субъектной дифференциации, что позволяет говорить о новой отдельной главе данного кодекса, посвященной особому производству в отношении субъектов, совершивших противоправные действия в сфере предпринимательства. Необходимо детализировать деятельность правоприменителя и права привлеченного к процессу лица, описать особенности производства следственных действий, показать специальную технологию доказывания. Следует подробно изложить процедуру применения каждой меры пресечения, раскрыть принципы и порядок прекращения уголовных дел и другие особенности, в том числе при судебном разбирательстве этих дел.

Ключевые слова: преступления в сфере предпринимательской деятельности, субъекты экономической деятельности, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, глава Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, меры пресечения, следственные действия, доказывание

Для цитирования: Попова Л. В., Шаутаева Г. Х. О целесообразности особого уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 93—100.

**ON THE ISSUE RELATED TO FEASIBILITY
OF SPECIAL CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES
ON THE CRIMES IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL
AND OTHER ECONOMIC ACTIVITIES****Lyudmila Vladimirovna Popova*, Gulnara Khasanovna Shautayeva****

Vologograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* lygmila.2015@yandex.ru

** shautaeva@list.ru

Abstract. Over the past few years in Russia the discussion has been taking place involving authorities, procedure scientists and practitioners in the law enforcement and judicial systems. This discussion deals with the ways to solve the problem of protecting the rights of the entrepreneurs whose business raises the country's economic security to a new level. In the given article the authors say about the mechanism for regulating criminal procedural relations with individuals from the business community involved in the criminal proceedings is being improved at the legislative level especially at the stages of initiating a criminal case and preliminary investigation.

Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation require the unification of norms based on the principle of subject differentiation which allows us to talk about a new separate chapter of this code devoted to the special proceedings in relation to the entities that have committed illegal acts in the sphere of entrepreneurship. It is necessary to detail the activities of the law enforcer and the rights of the person involved in the process, describe the features of the investigative actions as well as show a special technology of proof. It is necessary to set out in detail the procedure for applying each preventive measure, disclose the principles and procedure for terminating criminal cases and other features including during the trial of these cases.

Keywords: crimes in the sphere of entrepreneurial activity, economic entities, criminal proceedings, preliminary investigation, chapter of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, preventive measures, investigative actions, proof

For citation: Popova L. V., Shautayeva G. Kh. On the issue related to feasibility of special criminal proceedings in cases on the crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 93—100, 2024. (In Russ.).

На протяжении последних 15 лет в научных кругах и среди практических работников ведется дискуссия о путях защиты интересов предпринимательской деятельности на фоне обеспечения экономической безопасности России. В связи с проведением специальной военной операции значимость соблюдения в этой сфере баланса публичных и частных интересов возрастает. По данным МВД РФ, в 2023 г. в стране в сфере экономической деятельности совершено 33 552 преступления, что на 11,0 % меньше, чем зарегистрировано в 2022 г. В суд направлены уголовные дела в отношении 10 613 лиц, совершивших 19 415 таких преступлений, вместе с тем дела о 4 832 преступлениях этой направленности прекращены по различным основаниям¹. Много или мало совершено таких преступлений, без полных статистических данных сказать сложно, одно ясно: в предпринимательской среде преступления случаются, и это определенный пласт криминологической характеристики преступности в целом. Только за I квартал 2024 г. уже выявлено 10 365 преступлений экономической направленности.

На уровне высшего руководства страны постоянно обсуждается вопрос о соблюдении прав предпринимателей, вовлеченных в уголовное судопроизводство, находящихся в статусе субъектов как стороны обвинения, так и стороны защиты, особенности этих участников уголовного судопроизводства. Президент России В. В. Путин ежегодно, участвуя во встречах с предпринимательским сообществом, поднимает проблему защиты прав различных категорий бизнесменов при расследовании уголовных дел экономической направленности. На заседании коллегии Генпрокуратуры

26 марта 2024 г. В. В. Путин высказался, что к защите прав предпринимателей предъявляются повышенные требования. Важна здоровая, эффективно работающая экономика, сегодня это имеет особое значение².

Масштаб влияния бизнеса на рост ВВП страны и решение проблем занятости населения достаточно велик, значительная часть производственных мощностей сконцентрирована у частных предпринимателей, в том числе в руках малого и среднего бизнеса. Благоприятный деловой климат в современных условиях разрыва отношений с частью традиционных партнеров напрямую связан с экономической безопасностью России. И подорвать эту безопасность огульным уголовно-процессуальным давлением на бизнес было бы, мягко говоря, не «по-государственному».

Не будем отрицать, что в российском уголовном судопроизводстве существует неравенство возможностей сторон обвинения и защиты в собирании доказательств на стадии предварительного расследования, особенно когда обвиняемый содержится под стражей. Если этот обвиняемый имеет свой бизнес, выходящий из-под его контроля, да еще и несправедливо обвинен, но не может привести должных аргументов своей невиновности, находясь в неволе. У власти возникает необходимость предоставления гарантий неприкосновенности законного бизнеса и оптимизации процесса доказывания по делам предпринимательской направленности.

В связи с этим на законодательном уровне происходит определенное регулирование отдельных элементов правоприменительного усмотрения норм Уголовно-процессуального кодекса Россий-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 09.05.2022).

² Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры 26 марта 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.05.2024).

ской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Так, за последние годы введены новые и усовершенствованы действующие механизмы обеспечения гарантий защиты субъектов предпринимательства. Законодателем закреплено понятие преступлений, совершенных предпринимателями в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и членами управления коммерческой организации, осуществляющей предпринимательскую или иную экономическую деятельность (пп. 27.1 и 27.2 ст. 5 УПК РФ). Одновременно в УПК РФ нивелирована формулировка «преступления в сфере предпринимательской деятельности» в понятие «в связи с осуществлением предпринимательской деятельности» различного вида предпринимателями (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ).

Установлено, что поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях могут служить только материалы, направленные налоговыми органами (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ), соответственно, изменен порядок рассмотрения сообщения о таком преступлении (чч. 7—9 ст. 144 УПК РФ) и отказа в возбуждении уголовного дела (ч. 1.2 ст. 148 УПК РФ). Разработаны положения об уголовном преследовании лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Внесены дополнения в ст. 28.1 УПК РФ, касающиеся порядка прекращения уголовных дел в связи с возмещением ущерба по экономическим преступлениям; о недопустимости доказательств, полученных о факте предоставления специальной декларации (пп. 2.2 и 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ); некоторые изменения в порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам в сфере экономики (ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ).

Серьезные дополнения внесены в раздел «Меры процессуального принуждения». В частности, об обязательном порядке рассмотрения возможности избрания предпринимателю меры пресечения, которая позволит осуществление предпринимательской деятельности (ч. 2 ст. 99 УПК РФ). Исключена возможность заключения под стражу предпринимателя, когда его личность не установлена (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). Закон требует обоснования для возбуждения ходатайства об избрании меры пресечения предпринимателю, если, по мнению следователя, тот совершил преступление не в связи с предпринимательской деятельностью (ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ). Усложнен процесс продления срока содержания под стражей лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью (ч. 2.1 ст. 109 УПК РФ).

Изменения касаются и производства следственных действий. Так, не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности коммерческих организаций (ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ). Обозначены особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации по предпринимательским составам преступлений (ст. 164.1 УПК РФ). Приняты другие изменения и дополнения.

Разумно вспомнить и разъяснения высшего судебного органа России, касающиеся толкования как самого понятия предпринимательской деятельности, предпринимателей и иных лиц, осуществляющих такую деятельность, так и отдельных норм уголовно-процессуального закона, касающихся производства по этой категории уголовных дел¹.

Квалифицированная помощь бизнесу, в соответствии с дополнениями в УПК РФ, должна быть направлена на сохранение рабочих мест, пресечение захвата предприятий и в целом на продолжение нормального функционирования экономи-

---

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 // Российская газета. 2016. 24 нояб.; О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 г. № 33 // Там же. 2017. 3 окт.; О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 7 // Там же. 2020. 26 июня; О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направленного на усиление процессуальных гарантий субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 20 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/407049938/> (дата обращения: 10.05.2024).

ческих отношений для решения государственных задач. Но либерализация в сфере уголовного процесса защиты субъектов предпринимательской деятельности, на наш взгляд, не должна означать потерю средств осуществления защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Гарантии предпринимателям не должны посягать на принцип законности. В связи с этим встает вопрос: есть ли необходимость выделять предпринимателей в отдельную группу граждан, особо охраняемых законом?

Думается, что внесение большого количества изменений и дополнений в уголовно-процессуальное производство по экономическим преступлениям существенно влияет на результаты расследования этих дел, и такое производство требует особого уровня концентрации уголовно-процессуальной деятельности и соответствующих процедур, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая решением вопросов, рассматриваемых судом одновременно с постановлением приговора или при вынесении постановления о прекращении уголовного дела.

Исследователями данной темы в диссертационных работах делается вывод о необходимости корректировки уголовного судопроизводства для повышения эффективности защиты прав субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, вносятся предложения о производстве по делам этой категории [1].

Вот мнение профессора П. Г. Сычева: «Пленум Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 исследует отдельный, особый вид преступлений. Здесь следует говорить о видовой дифференциации. Она допускает расположение процессуальных норм в разных главах и разделах УПК РФ. С введением законодательного определения всех возможных статусов предпринимателей следует вести речь о производстве по делам в отношении индивидуальных предпринимателей или членов органов управления коммерческой организации. А это уже субъектная дифференциация, и она требует отдельной главы УПК РФ, отдельной компиляции прав субъекта дифференциации, а также комплекса ограничительных мер в отношении органа, ведущего производство по делу» [2, с. 145].

Отдельная глава УПК РФ, назовем ее ориентировочно так: «Производство по уголовным делам в отношении предпринимателей и иных лиц в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности» (далее — Глава), где будет сконцентрировано особое производство по делам об экономических преступле-

ниях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, должна начаться с определения критерия особого участника производства по делу и категории этих преступлений (пп. 27.1 и 27.2 ст. 5 УПК РФ), только в более расширенном и ясном обычному правоприменителю варианте. Например, раскрыть, что означают в рамках данной главы понятия «*в ходе осуществления самостоятельной, на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли*» и «*в ходе осуществления коммерческой организацией иной экономической деятельности*». Закрепить отличительный фактор предпринимателя и лица, осуществляющего хозяйственную деятельность, посредством делегирования полномочий граждан в части принятия решений об использовании имущества на основании доверенности. Поднять вопрос о статусе руководителя некоммерческой организации, если в ее уставе, наряду с основным видом деятельности, предусмотрено и решение задач предпринимательского характера для обеспечения внутреннего финансового поддержания основной деятельности.

В Главе должны быть детализированы деятельность правоприменителя и права лица, привлекаемого к судопроизводству на стадии возбуждения таких уголовных дел, в частности определение круга лиц, правомочных подавать заявление о привлечении к уголовной ответственности субъекта предпринимательского преступления. Категорически определена возможность или невозможность процесса формирования уголовной ответственности при вступившем в законную силу гражданско-правовом решении суда между двумя хозяйствующими субъектами. Уточнен порядок привлечения юридических лиц в качестве гражданских ответчиков. При производстве расследования в форме дознания четко указано, возможно ли по данным делам проведение дознания в сокращенной форме, а также пути преодоления непроцессуального вмешательства в деятельность органа дознания по этой категории дел.

Описана общая характеристика особенностей производства следственных действий. Обозначено решение возникающих проблем на этапах предъявления обвинения спецсубъекту, ознакомления с материалами уголовного дела. Проиллюстрированы особенности технологии доказывания по экономическим составам преступлений, например использование материалов служебного расследования подразделений безопасности коммерческих организаций как обвинительное доказательство в виде иных документов; различных

видов адвокатских производств как источник информации, позволяющий определить алгоритм проверки версии стороны защиты привлекаемого по делу предпринимателя. Вместе с тем, полагаем, следует определить стандарт использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании по делам в сфере экономики, например в виде компьютерных следов на фоне цифровизации общественных отношений в стране.

Выделение в единую систему распределенных по УПК РФ норм об особенностях использования в доказывании предметов и документов, в том числе электронных носителей информации, позволит эффективнее обеспечить защиту законной предпринимательской деятельности. Корректирование процедур, с одной стороны, даст возможность предотвратить утрату доказательств по делу, с другой — обеспечит продолжение экономической деятельности. Здесь дополнительно необходимо предусмотреть порядок, когда копирование изъятых документов во избежание утечки информации не допускается.

Наиболее подробно следует изложить в этой Главе процедуру применения к лицам, осуществляющим предпринимательскую или экономическую деятельность, каждой меры пресечения, связанной с вмешательством в конституционные права личности, при четком понимании правоприменителем этой деятельности. Возможность продолжения ведения законной деятельности при избрании домашнего ареста, запрета определенных действий (общаться с определенными лицами, участвовать в определенных мероприятиях, связанных с ведением бизнеса, и т. п.). При избрании залога дифференцировать его размер в зависимости от характера и объема предпринимательской деятельности (малый или средний бизнес, лицо, передавшее имущество залога, и т. п.). Показать правовую позицию в плане возможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу при вменении в обвинение бизнесмену дополнительного состава преступления, связанного с основным, в настоящее время не указанным в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, например ст. 210 УК РФ.

Интересны в этом контексте формулировки судьи Брянского областного суда при рассмотрении дела по апелляционной жалобе адвоката-защитника на постановление судьи Советского районного суда г. Брянска, которым обвиняемому в совершении незаконной банковской деятельности (преступление в сфере предпринимательства) и организации преступного сообщества в связи с этой банковской

деятельностью Т. продлен срок содержания под стражей (апелляционное постановление № 22-1485/2023 от 20 сентября 2023 г.). Суть жалобы адвоката заключается в том, что суд первой инстанции поверхностно подошел к рассмотрению вопроса о продлении срока заключения под стражей его подзащитного. Обвинение по ч. 1 ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) основано на предположениях. В связи с пребыванием под стражей деятельность ООО, где Т. является учредителем и менеджером, дестабилизирована, что может привести к прекращению деятельности либо банкротству и потере рабочих мест для остальных работников. Ссылается на ч. 2 ст. 99 УПК РФ, предусматривающую в обязательном порядке рассмотрение возможности избрания такой меры пресечения, которая позволит осуществление предпринимательской деятельности и управление принадлежащим имуществом обвиняемому в целях этой деятельности. Просит избрать меру пресечения в виде домашнего ареста, поскольку Т. арендовал для этого дом, либо внести залог в сумме 3 млн руб.

Суд в удовлетворении жалобы отказал, сославшись на следующее. *В суде апелляционной инстанции вопросы, касающиеся виновности либо невиновности лица, правильности квалификации, а также допустимости, достоверности и достаточности доказательств по делу не разрешаются. Избрание меры пресечения в виде домашнего ареста повлечет существенное снижение эффективности меры контроля за обвиняемым, а договор аренды жилого дома не является безусловным основанием для изменения меры пресечения. Предложенная сумма в 3 млн руб. в счет залога не является достаточной, и залог в предложенном размере не обеспечивает цели, предусмотренной ст. 106 УПК РФ. При этом стороной защиты подсудимого не представлено доказательств, подтверждающих наличие у них либо у залогодателя возможности предоставить залог в указанной сумме. Принимается во внимание, что Т. обвиняется в том числе в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, что в силу положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ не препятствует избранию меры пресечения в виде заключения под стражу¹.* Как видим, идет набор дежурных формулировок, которые по-

¹ Апелляционное постановление № 1-46/2023 22-1485/2023 от 20 сентября 2023 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5TkZcAOzMwme/> (дата обращения: 09.05.2024).

зволюют в любом деле практически без мотива отказать в избрании более мягкой или изменении меры пресечения лицу, совершившему преступление в сфере предпринимательской деятельности. Но главное тут наличие дополнительного обвинения по ст. 210 УК РФ.

Эффективности предварительного расследования дел должны способствовать поправки, имеющие практическую значимость в условиях реальных угроз, возникающих в стране, в частности поддерживать те экономические преобразования, которые будут способствовать увеличению мощи России. Законодателю, думается, необходимо провести более четкую грань между осуществлением действительно законной предпринимательской деятельности и цеховым производством, хотя и связанным с некими законами экономики, но, по существу, выстроенном на злоупотреблении правом свободного предпринимательства. В этом разграничении необходимо предусмотреть процессуальный механизм прокурорского надзора, особенно при избрании меры пресечения такому лицу, вовлеченному в досудебное производство, о котором мы упоминали при обосновании необходимости внесения дополнения в ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ [3]. Иными словами, проявить точность и определенность в обеспечении особых правил производства по делу в данном направлении.

Должны быть раскрыты принципы и процедуры прекращения уголовных дел о преступлениях в рассматриваемой нами сфере, особенно по налоговым нарушениям; показаны позиции, позволяющие уверенно утверждать, что интересы потерпевших и государства полностью обеспечены, а продолжение преступной деятельности субъектом реально сведено к минимуму. Например, обязательно или нет учитывать мнение потерпевшего в определенных случаях при принятии решения о прекращении производства по делу; возможность возмещения ущерба не только привлекаемым лицом, но и иными гражданами или организациями, причем процессуально очертить круг таких субъектов, определяя их права и обязанности; обоснованность прекращения уголовного дела (преследования) без судебного решения; допустимость повторного прекращения дел экономической направленности по тем же основаниям; участие прокурора в процессе прекращения дела и др.

Видится, что в Главе необходимо показать права Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и его аппарата в регионах страны в вопросах процессуальной защиты вовлеченных в сферу уголовного судопро-

изводства предпринимателей, в том числе в медиационной процедуре. Уточнить правовой режим встреч обвиняемого-предпринимателя с нотариусом при применении мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу в целях обеспечения конфиденциальности общения и пресечения случаев злоупотребления правом, например совершения нотариальных действий в отношении имущества, на которое может быть наложен арест.

Наконец, в Главе должны быть отражены особенности судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях в данной сфере, при этом использованы лучшие наработки и рекомендации Верховного Суда РФ. Например, положение, в котором были бы детально изложены процессуальные стандарты при проверке обоснованности сведений о совершенном преступлении не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения.

Не все обозначенные позиции наличествуют в уголовно-процессуальном законе и не все процедуры до конца продуманы и доведены до совершенства. В законодательстве существуют определенные пробелы в регулировании деятельности лиц, осуществляющих досудебное производство по предпринимательским составам преступлений. Трудности в правоприменительной практике возникают с оценкой возможности распространения специальных правил, предусмотренных УПК РФ, на лиц, занимающихся предпринимательством. А главное — нормы находятся в хаотичном, разрозненном состоянии, не систематизированы в единое руководство к действию.

Создание главы, касающейся предпринимателей, было бы достаточно полезно как для молодых специалистов-следователей, так и иных участников обеих сторон процесса, у которых нет определенных ответов на вопросы уголовно-процессуального характера, имеющие значение для защиты правомерного бизнеса. Процессуальное преимущество (льготу) мы не рассматриваем как некую привилегию отдельной личности, это определенное исключение из общего правила, которое касается каждого лица, занимающегося предпринимательством, независимо от оборота его бизнеса.

Вышесказанное приводит к мысли о необходимости все-таки сгруппировать в отдельной главе УПК РФ процессуальные вопросы, касающиеся производства по уголовным делам о преступлениях в экономической сфере, и особенно предпри-

нимательской деятельности, по признаку субъектной дифференциации. Разделение уголовного процесса в части подхода к производству по уголовным делам в отношении предпринимателей, совершивших преступления в сфере экономи-

ки, будет воплощением в реальной процессуальной практике идеи особой формы реагирования на правонарушения, имеющие место в бизнес-сообществе, создаст систему, при которой не будет искажаться смысл закона.

1. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 245 с.; Панфилов П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 247 с.; Попова Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 278 с.; Ураков Д. И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 34 с.

2. Сычев П. Г. Производство по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: политика Doing Business продолжается // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26 мая 2023 г.). Ч. 2. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 143—150.

3. Шаутаева Г. Х., Попова Л. В. К вопросу о либерализации порядка применения мер пресечения к предпринимателям // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 263—275.

Попова Людмила Владимировна,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
lygmila.2015@yandex.ru

1. Avdeyeva Ye. V. Organization of protection of rights of business entities while investigating crimes. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2022: 245. (In Russ.); Panfilov P. O. Features of proceedings in criminal cases on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2019: 247. (In Russ.); Popova L. V. Features of criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases on economic crimes committed in the sphere of entrepreneurial activity. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2019: 278. (In Russ.); Urakov D. I. Criminal prosecution of criminal cases related to fraud in the sphere of economic activity. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2017: 34. (In Russ.).

2. Sychev P. G. Proceedings on cases of crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities: the Doing Business policy continues. In: State scientific and technical policy in the sphere of forensic support of law enforcement activities: collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference. 26 May 2023, Moscow. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 143—150. (In Russ.).

3. Shautayeva G. Kh., Popova L. V. On the issue related to liberalizing procedure for applying preventive measures to entrepreneurs. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Interior of Russia, 263—275, 2023. (In Russ.).

Popova Lyudmila Vladimirovna,
deputy head of the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
lygmila.2015@yandex.ru

Шаутаева Гульнара Хасановна,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
shautaeva@list.ru

Shautayeva Gulnara Khasanovna,
head of the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
shautaeva@list.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 11.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 11.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.985

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
В ХОДЕ «КОНФЛИКТНОГО СЛЕДСТВИЯ»
КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ТАКТИКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ****Евгений Иванович Замылин**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

Аннотация. Отсутствие конфликтной ситуации в ходе расследования — это, скорее, исключение из правил. Фигуранты по делу, независимо от процессуального положения, будучи вовлеченными в процесс расследования, довольно часто не только утаивают искомую информацию, но и умышленно ее искажают. Важным фактором здесь является преодоление противодействия посредством применения психологического воздействия в целях побуждения участника уголовного процесса вести себя так, как необходимо для следствия. Психологическое воздействие не диктует конкретное действие, не вымогает показания того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, лишь опосредованно приводит участника к выбору определенной линии поведения. «Следственные хитрости», выступая в качестве компонента индивидуального следственного мастерства, решая проблему установления истины по делу, не могут повлиять на позицию лица, не обладающего искомой информацией, поскольку не содержат в себе обмана и насилия; они являются предпосылкой решения задач, стоящих перед органами расследования.

Ключевые слова: следователь, конфликт, конфликтная ситуация, теория бесконфликтного следствия, психологическое воздействие, следственные хитрости, информация по делу

Для цитирования: Замылин Е. И. Психологическое воздействие в ходе «конфликтного следствия» как необходимая составляющая тактики следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 101—111.

**PSYCHOLOGICAL INFLUENCE IN THE PROCESS
OF THE "CONFLICT INVESTIGATION"
AS A NECESSARY COMPONENT
OF THE INVESTIGATOR'S TACTICS****Yevgeny Ivanovich Zamylin**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

Abstract. The absence of a conflict situation in the process of an investigation is rather an exception to the rule. The defendants of a case, regardless of their procedural position, being involved in the process of investigation, not only conceal the information sought quite often, but also deliberately misrepresent it. An important factor here is overcoming the opposition with the help of the use of psychological influence in order to make a participant of the criminal process behave in a way that is necessary for the investigation. Psychological influence does not dictate a particular action, does not extort testimony of one content or another, but, interfering in internal mental processes, just indirectly leads the participant to choose a certain line of conduct.

The so-called "investigative tricks", as a component of an individual investigative skill, solve the problem of establishing the truth in the case and they cannot influence the position of a person who does not have the information to be sought since they do not contain deception and violence; they are a prerequisite to deal with the problems facing the investigative bodies.

Keywords: an investigator, a conflict, a conflict situation, a theory of conflict-free investigation, psychological influence, investigative tricks, information on the case

For citation: Zamylin Ye. I. Psychological influence in the process of the "conflict investigation" as a necessary component of the investigator's tactics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 101—111, 2024. (In Russ.).

Самая главная формула успеха — знание, как обращаться с людьми.

Теодор Рузвельт

Конфликт присущ всем сферам деятельности человека, пребывающего в обществе, и представляет собой столкновение сторон, их интересов, ценностных ориентиров, взглядов, мнений и, как следствие, противостояние, приводящее к прениям, порой к серьезным разногласиям, жесткой конкурентной борьбе. В основе любого конфликта лежит ситуация, обусловленная острым противоречием между интересами взаимодействующих индивидов, которое не позволяет решить проблему, стоящую перед каждым из них, без взаимных уступок, компромисса или, в противном случае, сдачи одной из сторон своих позиций.

Особенно наглядно конфликтная ситуация проявляется на стадии досудебного производства по делу, когда участники уголовно-процессуальных отношений (независимо от процессуального статуса) преследуют несовместимые цели и / или способы их достижения. Исходя из своих интересов (иногда превратно понятых), фигуранты, вовлеченные в процесс расследования, активно препятствуют выяснению обстоятельств по делу, в числе прочего не только утаивают искомую информацию, будучи ее обладателями, но и умышленно искажают, вводя следствие в заблуждение. Как следствие, напряженность отношений между взаимодействующими сторонами (следователем и недобросовестным участником уголовного судопроизводства) мешает решению проблемы установления истины в процессе раскрытия и расследования уголовно наказуемого деяния.

Как ни странно, в юридической литературе имеет место и так называемая теория бесконфликтного следствия, где конфликтная ситуация в ходе расследования как таковая отрицается. Ряд ученых-правоведов, придерживаясь линии неприятия конфликтного следствия, аргументируют свои доводы в основном ссылками на этические, моральные стороны предварительного расследования [1], не считая обязательным вникать в происхождение и сущность конфликта, оставляя в стороне его объективный характер, природу и происхождение.

Так, в частности, И. Ф. Пантелеев и А. Ф. Савкин, признавая в целом случаи недобросовестного поведения отдельных участвующих в уголовном процессе лиц, отстаивают мнение, что представление, например, допроса как борьбы, конфликта неизбежно порождает обвинительный уклон в рас-

следовании по делу, проникновение в уголовный процесс несвойственных ему методов [2]. Есть и более «осторожный» подход к данной проблеме, представители которого полагают, что «получившая... широкое распространение „теория конфликтов“ на предварительном следствии не имеет достаточных оснований» [3, с. 193], и их же позиция спустя четверть века: «Не существует общей, глобальной конфликтности между следователем и подследственными лицами... Не всякое противодействие следствию является конфликтом, позиционной борьбой... Длительные конфликты, борьба могут возникнуть только в практике малоквалифицированных следователей, не владеющих тактикой преодоления противодействия следствию» [4, с. 143—144].

Позволим себе не согласиться с предложенной концепцией. Надо признать, что конфликты неизбежны для любого вида человеческой деятельности, особенно в правоприменительной практике; отсутствие их в ходе расследования по делу — это, скорее, исключение из правил. Аксиома в том, что любому индивиду — возьмем за основу лицо, совершившее преступление — на момент вовлечения в уголовное судопроизводство свойственно, как правило, оправдание своей противоправной деятельности, преуменьшение (а то и отрицание) вины в инкриминируемом ему уголовно наказуемом деянии. Даже в результате сотрудничества со следствием, деятельного раскаяния данная категория лиц в большинстве своем надеется на снисхождение, стремится избежать или смягчить наказание, соответствующее тяжести совершенного проступка.

Отрицание конфликта в уголовном судопроизводстве, по мнению профессора О. В. Полстова-лова, тождественно отрицанию состязательности в процессе как таковой [5]. Идея «бесконфликтного следствия» ставит под сомнение не только существование конфликтной ситуации, но и необходимость разработки тактико-психологических средств ее преодоления, а соответственно, вместо активизации борьбы с преступными проявлениями она способствует снижению качества расследования преступлений, «разоружает следствие». Должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, в итоге может превратиться в нечто вроде «протоколиста», делопроизводителя, фиксирующего то, что ему сообщает противная сторона, а та получит возможность для реализации умысла по противодействию расследованию [6].

Подобная позиция приводит к отрицанию не только необходимости выявления и устранения причин антагонизма между участниками уголовно-процессуальных отношений (в основном представителями стороны обвинения и стороны защиты), но и деятельности следователя по нейтрализации и предупреждению противодействия в той или иной форме со стороны как недобросовестного участника уголовного процесса, так и иных заинтересованных в исходе дела лиц. Правоприменение в области уголовного судопроизводства — это борьба, в ходе которой от следователя требуются соответствующий уровень подготовки и навыки работы в неблагоприятных ситуациях. Разумеется, борьбу, соперничество, конфликт нельзя рассматривать как «войну» с определенной категорией лиц. Смысловая нагрузка означенных терминов применительно к расследованию в известной степени имеет условное, переносное значение. В уголовном процессе идет борьба «не с обвиняемым как личностью, а с отдельными проявлениями деформированного сознания и низменных побуждений, за лучшее в этой личности. Здесь следователь по существу участвует в той борьбе, которая происходит во внутреннем мире человека» [7].

В частности, при допросе в условиях острой конфликтной ситуации (имеем в виду предоставление заведомо недостоверной информации или отказ от дачи показаний) со стороны следователя чрезвычайно важно умение прогнозировать, предвидеть поведение того или иного недобросовестного участника уголовного судопроизводства, проследить («читать») ход его мыслей. Важным фактором здесь является преодоление противодействия посредством применения различных, допустимых с точки зрения закона и профессиональной этики приемов и методов психологической борьбы. Сама же психологическая борьба в ходе взаимодействия сторон в обязательном порядке предполагает соответствующее воздействие, суть которого заключается в том, что следователь, активно влияя на психику недобросовестного участника расследования, на эмоциональную, интеллектуальную, волевыми сферами, убеждает того отказаться от занятой им позиции противодействия выяснению обстоятельств по делу.

Психологическое воздействие как определенная совокупность приемов и методов, по мнению ряда специалистов в области психологии и криминалистической тактики, «...заключается в побуждении объекта ...организовывать свое поведение в нужном для правоохранительных органов

направлении» [8, с. 109], «...применяется с целью изменения психического состояния личности, хода психических процессов, с целью контроля над мышлением и изменения волевых отношений личности к фактам, попавшим в орбиту следствия» [9, с. 82].

Приемы правомерного психологического воздействия, их логическая аргументация со стороны следователя должны быть рассчитаны на конструктивное мышление фигуранта, препятствующего установлению истины по делу, мотивируя его на анализ хода расследования. Влияя на мотивационную сферу, должностное лицо побуждает индивида к принятию внутренне осмысленного решения, помогает ему избежать заблуждений. Вместе с тем важно, чтобы объект воздействия не дистанцировался, а был «настроен» на критическое восприятие приводимых доводов; само «увещание» со стороны следователя должно базироваться на положениях закона и доказательствах, имеющихся в материалах уголовного дела.

Надо признать, что побудительные мотивы к сотрудничеству со следствием исходят не только от следователя, но и от адвоката как представителя стороны защиты (пусть и опосредованно). В ходе взаимодействия с подзащитным толкование действующего законодательства применительно к процессуальному статусу защищаемого им лица, разъяснение тому процессуальной значимости предъявляемых доказательств не остаются вне сферы внимания подследственного. Последний в данном случае, как правило, прислушивается к мнению специалиста в области юриспруденции, защищающего его права в ходе расследования по делу, а значит, доводы защитника по тому или иному вопросу будут восприняты как более убедительные, нежели те, что исходят от следователя. Именно в подобной ситуации, в зависимости от позиции, занимаемой защитником, четко прослеживается позитивное или негативное психологическое влияние на лицо, имеющее намерение препятствовать расследованию.

Однако в юридической литературе существует и иное суждение, где психологическое воздействие рассматривается не иначе как аморальное и противоправное, как психическое насилие, в силу того что оно якобы лишает участника следственного действия возможности выбора собственной линии поведения, а соответственно, требуется его исключение из числа методов, применяемых в ходе расследования [10].

Вряд ли данную точку зрения можно признать бесспорной, по своей сути она не имеет под собой практической (прикладной) основы. Даже в ходе общения в повседневной деятельности, а тем более при проведении того или иного следственного действия, психологическое воздействие на лицо, вовлеченное в процесс расследования, является неоспоримым фактом: в одном случае оно происходит в определенной степени непроизвольно, например как результат ознакомительной беседы, неформального общения, предшествующего проведению следственного действия, в другом — носит со стороны следователя целенаправленный характер, преследуя цель получения достоверных показаний. Возьмем за основу хотя бы тот же вызов фигуранта по делу к следователю, убеждение его в необходимости сотрудничества со следствием, предъявление избыточных доказательств, предупреждение об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показания и ряд других, которые в числе прочих нашли отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Разве в целом это не оказывает психологического воздействия, соответствующего влиянию, пусть и факультативно?

Каждому из нас, имеющему опыт следственной работы, знакома ситуация, когда в отношении подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего со следствием, по возможности избирается мера пресечения, не ограничивающая его свободу, что выступает чем-то вроде, если можно так выразиться, своеобразного «бонуса», а оказывающего активное противодействие расследованию — заключение под стражу. Напрашивается и такой элементарный вопрос: разве применение той или иной меры пресечения из перечня изложенных в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), которые законодатель определяет в качестве «мер процессуального принуждения» (*повторюсь: именно «мер принуждения»*), не способно оказать соответствующего психологического воздействия с позиции требований законодателя на то или иное лицо в зависимости от его процессуального статуса?

Думаю, нет необходимости доказывать обратное: человек постоянно взаимодействует со своим окружением, следователь, в свою очередь, с лицами, вовлеченными в процесс расследования, он связан с ними, воздействует на них как субъект и испытывает с их стороны воздействие, выступая в роли объекта; в данном случае налицо взаимное (перекрестное) воздействие. В итоге надо при-

знать, что воздействие как система действий, имеющих целью повлиять на конкретного участника социума, является одним из основных инструментов конструктивного (или деструктивного) взаимодействия. Задача любого воздействия на личность — изменение ее поведения в благоприятную сторону для субъекта, от которого оно исходит.

Еще 100 лет назад психолог А. Е. Брусиловский писал, что допрос не происходит в безвоздушном пространстве, он является результатом волевой деятельности определенного лица [11]. Поэтому само воздействие, по справедливому замечанию В. В. Наумовой и Н. И. Порубова, можно представить как определенную систему, включающую в себя ряд элементов:

- а) действующий индивид;
- б) объект действия;
- в) средства или орудия действия;
- г) метод действия или способ использования средств;
- д) действия индивида, на которого действуют, или результат действия [12].

Профессор А. Р. Ратинов, анализируя роль следователя в различных ситуациях, высказывает мысль о том, что грань между психическим насилием и психологическим воздействием определяется наличием свободы выбора. При насилии лицо, вовлеченное в процесс расследования, существенно ограничено или вовсе лишено возможности выбора для себя линии поведения. В отличие от насилия правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретное действие, не требует показаний того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию участника уголовного процесса, сознательное отношение к своему поведению и лишь опосредованно приводит его к выбору определенной линии поведения [13].

Правоприменительная деятельность сопряжена с большими трудностями, поскольку познание обстоятельств осуществляется ретроспективно, как правило, при весьма интенсивном противодействии заинтересованных в исходе по делу лиц. В нашем случае психологические методы призваны его (противодействие) блокировать, нейтрализовать посредством влияния на смысловую сферу того или иного индивида, вовлеченного в процесс расследования. В целом же правомерность того или иного способа воздействия зависит от правомерности его средств. В криминалистике и судебной психологии, как верно подмечено профессором Р. С. Белкиным, сформулированы условия

(критерии) допустимости приема, средства воздействия, которые необходимы для признания его правомерным. Это законность, которую следует понимать как соответствие или непротиворечие средства, приема воздействия букве и духу закона; избирательность, т. е. направленность воздействия лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным; нравственность, где средства психологического воздействия должны соответствовать принципам морали, принятым в обществе, быть нравственными [14].

Само по себе психологическое воздействие как способ преодоления противодействия расследованию предопределено воздействием на «защитный центр», создаваемый сознанием недобросовестного участника уголовного процесса при реальной угрозе его жизненному или материальному благополучию. Поэтому трудно не согласиться с тем, что этот центр контролирует складывающуюся вокруг субъекта ситуацию и управляет организацией его защиты, в большей степени психологической. Следователь же посредством применения разнообразных тактических приемов должен соответствующим образом воздействовать на контролирующую часть защитного центра сознания фигуранта, устраняя и нейтрализуя побуждающие к противодействию мотивы. Это ведет к тому, что управляющая часть защитного центра снимает препятствия вокруг сведений, следствием чего является высвобождение истинной информации, получение которой — конечная цель воздействия на субъект противодействия, скрывающего информацию об имевшем место уголовно наказуемом деянии или дающего о нем ложные показания [15].

Для того чтобы преодолеть противоправные установки недобросовестного участника уголовного судопроизводства и решить проблему получения от него достоверной информации по делу, следователь вправе и даже обязан в процессе расследования оказывать соответствующее психологическое воздействие. В конфликтной ситуации участник следственного действия, выдавая ложь за истину, переживает своеобразный внутренний конфликт: в его сознании происходит борьба различных чувств и мотивов, выражающаяся в решении мыслительной задачи — какие показания для него наиболее благоприятны (безопасны) и выгодны? Так, недобросовестный допрашиваемый опасается быть уличенным во лжи, а соответственно, и наступления в результате этого нежелательных для него последствий. Именно в этот момент — момент внутренней психологической борьбы — должностное лицо, в производстве

которого находится уголовное дело, не может (скажем больше — не имеет права) проявлять безразличие: он должен своими активными действиями побуждать участника следственного действия к выбору той линии поведения на допросе, которая наиболее выгодна для выяснения обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния. В этом и заключается сущность тактики допроса, умелое применение разработок которой лишает недобросовестного участника уголовного судопроизводства возможности умолчать о важных обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу, или исказить искомую информацию.

Наиболее сильное психологическое воздействие, вполне естественно, оказывает предъявление совокупности неоспоримых изобличающих (во лжи, в совершении преступления) доказательств. В случае их недостаточности следователь должен использовать свои тактико-психологические преимущества, применяя в числе прочего так называемые следственные хитрости, сущность которых сводится к воздействию на недобросовестного допрашиваемого посредством маневрирования информацией, имеющейся в распоряжении следствия, особенно там, где она имеет существенные пробелы.

Вопрос о правомерности, а следовательно, и допустимости применения в ходе производства по делу «следственных хитростей» вызвал оживленную дискуссию в научном мире, которая продолжается до настоящего времени. Основу для полемики предопределили А. Р. Ратинов [16] и В. Г. Красуский [17], которые еще в 1960-х гг. подняли вопрос о необходимости и целесообразности применения на допросе «следственных хитростей» как одного из способов разрешения конфликтной ситуации и установления истины по делу, обосновывая свои доводы конкретными примерами из следственной практики.

Приверженцы «теории бесконфликтного следствия» выступили с категорическим неприятием возможности использования «следственных хитростей» в практической деятельности следователя, утверждая, что их применение противоречит принципам уголовного судопроизводства, ущемляет права и интересы личности [18]. И уже с позиции современности саму суть «следственной хитрости» довольно часто пытаются представить как несоответствующую тому «идеалу», под которым понимается правосудие обществом, стремящимся к построению государства на принципах демократии [19]. Некоторые авторы (к примеру, К. В. Пронин) деятельность следователя в этом

направлении сравнивают с действиями наперсточника. В целях устранения противоречивых суждений он призывает называть вещи своими именами, а именно: с точки зрения семантики, по его мнению, «целенаправленное формирование ошибочных представлений» и «сознательное введение в заблуждение» (или, проще говоря, обман) имеют якобы одинаковую смысловую нагрузку [20, с. 10].

Заслуживает внимания и иная, ярко выраженная противоположная точка зрения, высказанная, в частности, К. А. Корсаковым. Исследуя критерии допустимости лжи в уголовном судопроизводстве как феномена, автор допускает применение «определенных видов лжи», обосновывая свою позицию тем, что «в основе множества криминалистических, тактических приемов лежит ложь — искажение информации, ее утаивание, подмена понятий, недоговорка и тому подобное» [21, с. 45].

Как следствие, совершенно справедливо замечание профессора Л. М. Карнеевой, что здесь «...две крайности: либо к „хитростям“ относят самые обычные тактические приемы, никогда так не именовавшиеся, либо ставят знак равенства между „хитростями“ и „обманом“» [22, с. 56]. По сути дела, такие понятия, как «хитрость» и «обман» в их лексическом значении отражают различные явления действительности: если хитрость — это изобретательность, мастерство, искусность в чем-либо [23], то одним из значений обмана является именно ложь [24]. Поэтому и «следственная хитрость» в смысле «изобретательности, мастерства, искусности» лица, в производстве которого находится уголовное дело, не может быть тождественна следованию к цели выяснения обстоятельств по делу обманными путями.

С годами складывается такое впечатление, что приверженцы так называемой теории бесконфликтного следствия пребывают в некоем иллюзорном мире, оторваны от действительности и видят окружающее их из кресла в рабочем кабинете. У нас нет намерения кого-либо обидеть, но подобные инсинуации более присущи ученым-теоретикам, которые, как представляется, не работали ни в следственных, ни оперативных подразделениях и пришли в науку со студенческой скамьи, а о специфике раскрытия и расследования уголовно наказуемых деяний получают информацию из периодической прессы, фильмов, литературы детективного жанра.

Несомненно, при допросе, независимо от сложившейся ситуации, со стороны следователя недопустимы обман, ложь, фальсификация, игра на низ-

менных наклонностях лица, вовлеченного в уголовный процесс, провокации, психическое и физическое насилие над личностью и т. п. Их использование не только противоречит критериям следственной этики, но и нежелательно из тактических соображений: деятельность следователя в этом направлении чревата непоправимыми ошибками, утратой взаимопонимания и доверия со стороны фигуранта по делу. Использование же в качестве побудительных мотивов низменных наклонностей участника следственного действия, независимо от его процессуального статуса (пристрастие к алкоголю, наркотикам, ненависть к лицу другой национальности), а также применение угроз, шантажа и иных незаконных действий, которые запрещены под угрозой уголовного преследования (ст. 302 УК РФ), порой приводит к положительному результату, но и не исключает оговора заведомо невиновных лиц, а кроме того, и самоговора.

Необходимо отметить, что следователю нет нужды прибегать к указанным формам реализации тактических приемов, так как в его распоряжении имеется неограниченный запас таких средств, как прямой отказ в сообщении данных, которые хотят выведать заинтересованные лица, умолчание, реплики и заявления, допускающие многозначное толкование, создание ситуаций, скрывающих действительное положение дела, разнообразные вопросы, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого [25].

Следует отметить, что и отдельные представители ученого мира ближнего зарубежья также придерживаются изложенной позиции. В частности, профессор А. С. Гамбарян, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, пишет: «...обман нужно отличать от умолчания о фактах. В УПК РА не предусмотрена какая-либо норма, согласно которой следователь обязан осведомлять обвиняемого о всех полученных по уголовному делу фактических данных. В целом нужно согласиться с тем подходом, согласно которому несообщение обвиняемому о фактических данных является тактическим приемом... Уголовный процесс — это конкуренция частных и публичных разнородных интересов, сфера противоположностей, в которой требования от следователя сообщать обвиняемому обо всех известных ему сведениях по уголовному делу ставит под угрозу дееспособность уголовного правосудия» [26, с. 15]. Примерно такая же постановка вопроса встречается и у криминалистов, представляющих научную школу Республики Беларусь [27].

Это же свойственно и законодательству России. Следователь вправе варьировать информацией, которая имеется в его распоряжении, в том числе посредством отказа в ее предоставлении и умолчания о наличии тех или иных сведений по делу, которые в результате преждевременного разглашения могут неблагоприятно сказаться на результатах расследования или поставить под угрозу жизнь и здоровье отдельных добросовестных участников уголовного процесса и / или их близких. Одновременно, как уже сказано выше, закон запрещает получение доказательств по делу посредством обмана; умолчание следует признать таковым лишь в том случае, если следователь, взяв за основу правовую неосведомленность, не разъясняет лицу, вовлеченному в процесс расследования, его основные права как участника уголовного процесса соответственно его статусу (например, право пользоваться услугами защитника, права при назначении и производстве судебных экспертиз и пр.), что может в целом негативно сказаться на законных интересах соответствующих фигурантов по делу, ограничивая их правовую дееспособность. Таким образом, должна быть исключена пассивная деятельность должностного лица в данном ключе, которая в нарушение не только уголовного и уголовно-процессуального закона, но и норм морали и нравственности, построена на правовой неосведомленности того или иного участника уголовного процесса. В данном случае умолчание, как тактический прием в следственной деятельности, предопределено конкретными условиями его применения или недопустимости.

«Следственная хитрость» не может быть типизирована; она сохраняет свою эффективность, пока ее суть остается непонятной для фигуранта по делу, противодействующего расследованию. Если ее суть будет понятна, она сразу же станет попросту бесполезной для проводимого следственного действия. В каждом конкретном случае следователь сам вправе решать, как необходимо сконструировать «следственную хитрость», чтобы добиться с ее помощью определенного ожидаемого результата, способствующего получению доказательств, на основе которых можно будет вынести справедливое процессуальное решение [28].

Приведу пример из следственной практики, когда раскрытие преступления и привлечение виновных лиц к ответственности было построено в основном на доказательствах, полученных и процессуально оформленных в результате применения так называемой следственной хитрости. *По подозрению в совершении ряда краж была задержана*

группа лиц, ранее неоднократно судимых за корыстные преступления. Первые допросы положительного результата не дали, те отрицали свою причастность к совершенным преступлениям; похищенные автозапчасти с угнанных автомашин обнаружены не были. Через некоторое время работникам уголовного розыска, осуществлявшим оперативное сопровождение по делу, поступила информация о возможном месте нахождения похищенного (в одном из боксов гаражного кооператива), но в каком конкретно, оставалось невыясненным. В процессе подготовки к очередному допросу следователем и оперативными работниками была разработана программа действий по реализации «следственной хитрости». Так, допрос подозреваемого Г. после заполнения анкетных данных был прерван телефонным звонком. Из телефонного разговора следователя Г. понял, что в одном из гаражей было обнаружено большое количество запчастей к автомобилям, какие именно запчасти и где находится этот гараж — было не понять. Окончив разговор, следователь, не акцентируя внимания допрашиваемого на услышанном им, как бы осмысливая полученную по телефону информацию, произнес лишь реплику довольно отвлеченного характера примерно следующего содержания: «Надеюсь, сегодняшняя наша встреча будет более плодотворной, чем предыдущая»; мимика на лице следователя соответствовала произнесенной реплике. Подозреваемый, находясь под впечатлением от услышанного разговора, почитал, что обнаружены именно те автозапчасти, которые похищены им и соучастниками его преступной деятельности. Получив одобрение посредством утвердительного кивка от защитника, дал признательные показания и указал места хранения похищенного.

Пример ситуации, когда «следственная хитрость» находит свое применение в форме эмоционального эксперимента, отражает действия должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, по установлению истины в рамках требования закона и норм нравственности. Разработанная комбинация по реализации сведений, полученных негласным путем, была рассчитана не на абстрактное лицо, не имеющее отношение к уголовно наказуемому деянию, а на конкретного фигуранта, являющегося обладателем искомой информации по делу, который имел самое непосредственное отношение к преступлению, совершенному им в составе организованной группы. Поэтому считаем уместным привести

мнение В. С. Красикова: если проведенное следственное действие в данном контексте привело к положительному результату, можно признать высокий интеллектуальный уровень следователя и его профессионализм, так как невиновный (или лицо, не являющееся носителем искомой информации по делу) на эти «манипуляции» должностного лица не отреагирует [29].

При всей неоднозначности отношения ученых-правоведов к «следственным хитростям», при всех плюсах и минусах в ходе их применения следует

признать, что они, решая проблему установления истины по делу, не могут повлиять на позицию лица, не обладающего искомой информацией, так как не содержат в себе обмана и насилия. Будучи, как считаем, правомерными и нравственно допустимыми, «следственные хитрости» выступают в качестве компонента индивидуального следственного мастерства, которое является необходимой предпосылкой решения задач, стоящих перед правоохранительными органами в целом.

1. См.: Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. Москва: Юрид. лит., 1980. С. 12—13; Строгович М. С. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 71; Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. Москва: Бек, 1996. С. 108.

2. Пантелеев И. Ф., Савкин А. Ф. Тактика допроса // Криминалистика: учебник / под ред.: И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. Москва: Юрид. лит., 1993. С. 379—403.

3. Антомян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. Москва: Юристъ, 1996. 335 с.

4. Антомян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: монография. Москва: РГ-Пресс, 2022. 400 с.

5. Полстовалов О. В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 56 с.

6. См.: Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1976. С. 215; Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979. С. 21; Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2008. С. 84—86; Белкин Р. С. О концепции «бесконфликтного следствия» // Избранные труды. Москва: Норма, 2008. С. 469; и др.

7. Ратинов А. Р. Психология допроса подозреваемого и обвиняемого. Оборонительная позиция правонарушителя // Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. Москва: Юрлитинформ, 2001. С. 232—259.

8. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2019. 208 с.

1. Refer to: Lyubichev S. G. Ethical foundations of investigative tactics. Moscow: Legal Literature; 1980: 12—13. (In Russ.); Strogovich M. S. Confession of guilt by the accused as judicial evidence. Soviet state and law, 71, 1982. (In Russ.); Larin A. M. Criminalistics and paracriminalistics. Moscow: Beck; 1996:108. (In Russ.).

2. Panteleyev I. F., Savkin A. F. Tactics of interrogation. Criminalistics/ Textbook. Ed. by I. F. Panteleyev, N. A. Selivanov. Moscow: Legal Literature; 1993: 379—403. (In Russ.).

3. Antonyan Y. M., Yenikeev M. I., Eminov V. Ye. Psychology of a criminal and investigation of crimes. Moscow: Yurist; 1996: 335. (In Russ.).

4. Antonyan Y. M., Yenikeev M. I., Eminov V. Ye. Psychology of crime and punishment. Monograph. Moscow: RG-Press; 2022: 400. (In Russ.).

5. Polstovalov O. V. Procedural, moral and psychological problems of criminalistic tactics at the present stage. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov; 2009: 56. (In Russ.).

6. Refer to: Bykhovsky I. Ye. Procedural and tactical issues of the system of investigative actions. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1976: 215. (In Russ.); Dulov A. V. Tactical operations in the investigation of offences. Minsk: Publishing house BSU; 1979: 21. (In Russ.); Chufarovsky Yu. V. Legal psychology. Textbook. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Prospect; 2008: 84—86. (In Russ.); Belkin R. S. On the concept of "conflict-free investigation". Selected works. Moscow: Norma; 2008: 469. (In Russ.); et al.

7. Ratinov A. R. Psychology of interrogation of a suspect and accused. Defensive position of the offender. In: Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. Moscow: YurLitinform; 2001: 232—259. (In Russ.).

8. Chufarovsky Yu. V. Psychology of detective-search and investigative activity. Textbook. Moscow: Prospect; 2019: 208. (In Russ.).

9. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 302 с.

10. См.: Строгович М. С. Судебная этика, ее предмет и сущность // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 91; Пантелеев И. Ф. Ошибочные рекомендации в теории уголовного процесса и криминалистики // Социалистическая законность. 1974. № 7. С. 54; Третьяков В. И. Участие защитника на предварительном следствии и в судебном производстве (процессуальные и тактические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 12; и др.

11. Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза, ее предмет, методика и пределы. Харьков: Юрид. изд-во Украины, 1929. 107 с.

12. Наумова В. В., Порубов Н. И. Этико-психологическое воздействие при вербальном общении // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2011. № 1 (29). С. 117—121.

13. См.: Ратинов А. Р. О психическом воздействии в следственной тактике // Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. Москва: Юрлитинформ, 2001. С. 195—206; Васкэ Е. В. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе — к определению понятий // Российский психологический журнал. 2010. Т 7, № 1. С. 32; Степаненко Д. А. Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости // Российский следователь: научно-практическое и информационное издание. Москва: Юрист, 2014. С. 55; и др.

14. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. Москва: Юристъ, 1997. 480 с.

15. Кучеров А. В. Дача ложных показаний и отказ от дачи показаний в аспекте противодействия расследованию воинских преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. Москва: ЮИ МВД России, 1997. С. 140—142.

16. Ратинов А. Р. О допустимости и правомерности некоторых тактических приемов // Следственная практика: метод. пособие [для прокурорско-следственных работников]. Москва: Юрид. лит., 1964. Вып. 65. С. 106—115.

17. Красуский В. Г. О некоторых психологических приемах расследования // Следственная

9. Porubov N. I., Porubov A. N. Interrogation: procedural and criminalistic aspects. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2013: 302. (In Russ.).

10. Refer to: Strogovich M. S. Judicial ethics, its subject and essence. Soviet state and law, 91, 1971. (In Russ.); Panteleyev I. F. Erroneous recommendations in the theory of criminal procedure and criminology. Socialist legality, 54, 1974. (In Russ.); Tretyakov V. I. Participation of the defence counsel at the preliminary investigation and in judicial proceedings (procedural and tactical aspects). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 1998: 12. (In Russ.); et al.

11. Brusilovsky A. Ye. Forensic psychological examination, its subject, methodology and limits. Kharkov: Legal publishing house of Ukraine; 1929: 107. (In Russ.).

12. Naumova V. V., Porubov N. I. Ethical and psychological impact in verbal communication. Issues in criminology and forensic examination, 117—121, 2011. (In Russ.).

13. Refer to: Ratinov A. R. On mental influence in investigative tactics. Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. Moscow: Yurlitinform; 2001: 195—206. (In Russ.); Vaske Ye. V. Mental and psychological impact in the criminal process — to the definition of notions. Russian psychological journal, 32, 2010. (In Russ.); Stepanenko D. A. Psychological influence in criminal proceedings: notion and criteria of admissibility. Russian investigator: scientific, practical and informational edition. Moscow: Yurist; 2014: 55. (In Russ.); et al.

14. Belkin R. S. The course of criminalistics. Textbook. In 3 vols. Vol. 3. Criminalistic means, techniques and recommendations. Moscow: Yurist; 1997: 480. (In Russ.).

15. Kucherov A. V. Giving false testimony and refusal to testify in the aspect of counteraction to the investigation of military crimes. In: Organized counteraction to the detection and investigation of crimes and measures to neutralize it. Materials of scientific and practical conference. Moscow: Law Institute of the Ministry of Interior of Russia; 1997: 140—142. (In Russ.).

16. Ratinov A. R. On admissibility and legality of some tactical techniques. Investigative practice. Methodical guide book [for prosecutorial and investigative workers]. Moscow: Legal Literature; 1964: 106—115. (In Russ.).

17. Krasusky V. G. On some psychological techniques of investigation. Investigative practice. Methodical guide book [for prosecutorial and investigative workers]. Moscow: Legal Literature, 1964: 98—105. (In Russ.).

практика: метод. пособие [для прокурорско-следственных работников]. Москва: Юрид. лит., 1964. Вып. 65. С. 98—105.

18. См.: Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики: учеб. пособие. Москва: Юрид. лит., 1980. С. 15; Пантелеев И. Ф. Криминалистика и теория судебных доказательств // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. Москва, 1983. С. 31; Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. Москва: Наука, 1984. С. 133; и др.

19. Горшков Д. В. Познание и обоснование — две стороны применения тактико-криминалистических средств // Юность. Наука. Культура: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2017. С. 171—176.

20. Пронин К. В. Тактика допроса в суде: процессуальные и криминалистические аспекты: учеб. пособие. Москва: Юстицинформ, 2006. 160 с.

21. Корсаков К. А. Допустимость лжи в уголовном судопроизводстве // Нравственные начала в уголовном процессе. К 177-й годовщине со дня рождения А. Ф. Кони: материалы Всерос. круглого стола (Санкт-Петербург, 13 февраля 2021 г.). Санкт-Петербург: Сев.-Зап. филиал Рос. гос. ун-та правосудия, 2021. С. 43—48.

22. Карнеева Л. М. Судебная этика и тактика допроса // Этика предварительного следствия: тр. ВСШ МВД СССР. Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1976. Вып. 15. С. 49—62.

23. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С—Я / отв. ред. А. П. Евгеньева. Москва: Рус. яз., 1984. 789 с.

24. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. К—О / отв. ред. А. П. Евгеньева. Москва: Рус. яз., 1984. 736 с.

25. Ратинов А. Р., Адамов Ю. П. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний): монография. Москва: ВИПИПИРМПП, 1976. 135 с.

26. Гамбарян А. С. Молчание следователя: тактика или обман // Судебная власть и уголовный процесс: науч.-практ. журн. 2020. № 2. С. 13—30.

27. Соловей Е. В. Использование обмана и провокации при допросе: взгляды теоретиков и практические рекомендации // Вестник Брестского университета. Сер. 2, История. Экономика. Право. 2013. № 2. С. 167—172.

28. Подольный Н. А. Нравственные аспекты применения следственной хитрости в ходе предварительного расследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки: науч. журн. 2019. № 2 (50). С. 54—61.

18. Refer to: Lyubichev S. G. Ethical foundations of investigative tactics. Textbook. Moscow: Legal Literature; 1980: 15. (In Russ.); Panteleyev I. F. Criminalistics and the theory of forensic evidence. In: Scientific information on the issues related to combating crime. Moscow; 1983: 31. (In Russ.); Strogovich M. S. The right of the accused to defense and presumption of innocence. Moscow: Nauka; 1984: 133. (In Russ.); et al.

19. Gorshkov D. V. Cognition and interpretation as two sides of the application of tactical and forensic means. In: Youth. Science. Culture. Materials of the IV All-Russian scientific-practical conference. Saransk: YurEksPraktik; 2017: 171—176. (In Russ.).

20. Pronin K. V. Interrogation tactics in court: procedural and forensic aspects. Guide book. Moscow: Yustitsinform; 2006: 160. (In Russ.).

21. Korsakov K. A. Admissibility of lie in the criminal proceedings. In: Moral principles in the criminal proceedings. Devoted to the 177th anniversary of the birth of A. F. Koni. Materials of the All-Russian round table. 13 February 2021, Saint Petersburg. Saint Petersburg: North-Western branch of RGUP; 2021: 43—48. (In Russ.).

22. Karneyeva L. M. Judicial ethics and interrogation tactics. In: Ethics of preliminary investigation. Works of the investigators' training college of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR. Volgograd: Publishing center of the investigators' training college of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1976: 49—62. (In Russ.).

23. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 4. S — Z. Ed. by A. P. Yevgeniyeva. Moscow: Russian language; 1984: 789. (In Russ.).

24. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 2. K — O. Ed. by A. P. Yevgeniyeva. Moscow: Russian language; 1984: 736. (In Russ.).

25. Ratinov A. R., Adamov Yu. P. Perjury (origin, prevention, and exposure of false testimony). Monograph. Moscow: VIPIPIRMPP; 1976: 135. (In Russ.).

26. Gambaryan A. S. Investigator's silence: tactics or deception. Judicial authority and criminal procedure: scientific and practical journal, 13—30, 2020. (In Russ.).

27. Solovey Ye. V. Use of deception and provocation during interrogation: theoreticians' views and practical recommendations. Vestnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law, 167—172, 2013. (In Russ.).

28. Podolny N. A. Moral aspects of the use of investigative tricks during preliminary investigation. News of the higher educational institutions. The Volga region. Social sciences: scientific journal, 54—61, 2019. (In Russ.).

29. Красиков В. С. Криминалистический контекст понятий «обман» и «ложь» в деятельности правоохранительных органов: проблема отрицания // Журнал Белорусского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 1. С. 73—79.

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

29. Krasikov V. S. Criminalistic context of the concepts of "deception" and "lie" in the activities of law enforcement agencies: the problem of denial. Journal of the Belarusian State University. Law, 73—79, 2022. (In Russ.).

Zamylin Yevgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.985.7:343.34

**СИСТЕМА И ЗАДАЧИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ**

Сергей Александрович Янин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых теоретических аспектов криминалистического обеспечения расследования преступлений в отношении культурного наследия народов Российской Федерации. Автором аргументирована актуальность предлагаемой темы в контексте текущей геополитической обстановки в мире, ситуации с размыванием европейских этносов ввиду глобалистских тенденций в современной парадигме развития западных государств. Отмечена роль культуры в целом и культурного наследия народов России в частности в сохранении традиционного уклада российского общества. Указаны причины ненадлежащего качества расследования преступлений в отношении культурного наследия. На основе анализа научных источников сгруппированы взгляды отечественных ученых-криминалистов на содержание понятия криминалистического обеспечения расследования преступлений, представлена авторская позиция относительно дефиниции данной научной категории. Обосновано отнесение криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений к категории деятельности, во многом носящей управленческий характер. На основании этого определена его цель. Выявлена взаимосвязь цели и задач криминалистического обеспечения, при этом задачи органично увязаны с системой рассматриваемой криминалистической категории. Представлены элементы такой системы, очерчены задачи, образующие наполнение каждого из них. Сделан вывод о значении последовательного и полного решения задач криминалистического обеспечения расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России.

Ключевые слова: культурные ценности, криминалистическое обеспечение, преступление, расследование

Для цитирования: Янин С. А. Система и задачи криминалистического обеспечения расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 112—118.

**SYSTEM AND TASKS OF CRIMINALISTIC SUPPORT
FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES
RELATED TO THE CULTURAL HERITAGE
OF THE PEOPLES OF RUSSIA**

Sergey Alexandrovich Yanin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, s.yanin1@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study of some theoretical aspects of criminalistic support for the investigation of crimes related to the cultural heritage of the peoples of the Russian Federation. The author: substantiates the topical aspect of the proposed issue in the context of existing geopolitical position in the world, the situation with the destruction of European ethnic groups due to globalist trends in the modern paradigm of development of Western states; notes the role of culture in general and the cultural heritage of the peoples of Russia in particular to preserve the traditional way of Russian society; indicates the reasons for the inadequate quality of investigation of crimes related to the cultural heritage; classifies the views of domestic criminalist scientists related to the content of the concept of criminalistic support for the investigation of crimes on the basis of the analysis of scientific sources; presents the author's position related to the definition of this scientific category; substantiates placing criminalistic support for the detection and investigation of crimes to the category of activities largely of administrative / managerial nature; defines its purpose on this basis; notes cooperation of the purpose and tasks of

forensic support organically linking the tasks with the system of the criminalistic category under consideration; presents the elements of such system; defines tasks that form the content of each of the elements; makes a conclusion on the importance of consistent and complete solution of tasks of criminalistic support for the investigation of crimes related to cultural heritage of the peoples of Russia.

Keywords: cultural values, criminalistic support, crime, investigation

For citation: Yanin S. A. System and tasks of criminalistic support for the investigation of crimes related to the cultural heritage of the peoples of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 112—118, 2024. (In Russ.).

В современной геополитической реальности культурный суверенитет государств имеет особое значение. В условиях глобализма, агрессивного навязывания странам, в частности Европы, мультикультурализма, размывания этносов и замещения их другими только культура позволит не допустить уничтожения стран изнутри. Это четко поняли традиционные общества, поэтому защита культурного наследия в последние годы возведена в ранг национальных приоритетов, например в Российской Федерации, стране с тысячелетней историей государственности и богатейшей культурой населяющих ее народов.

Необходимость охраны культурного наследия для будущих поколений закреплена и в Конституции Российской Федерации, и в Стратегии ее национальной безопасности¹. Это обусловлено значимостью достоверной исторической информации, которая во многом определяет вектор развития страны и позволяет избежать повторения допущенных ранее геополитических и иных просчетов государственного строительства. Массовая фальсификация истории, являющаяся в настоящее время трендом на Западе, заставила по-новому взглянуть на необходимость охраны исторической памяти, чтобы не допустить аналогичных тенденций в России.

Такая память овеществляется в культурном наследии народов нашей страны — языке, традициях, обычаях; особняком стоит материальное наследие — памятники архитектуры, археологии, природные, иные; культурные ценности — предметы декоративно-прикладного искусства, рукописи, печатные книги, документы, картины, иконы и многое другое.

Все перечисленное выше из-за чьих-то сиюминутных интересов часто подвергается преступному воздействию — повреждению и уничтожению, хи-

щению, незаконному вывозу за границу. Преступления в отношении культурного наследия обусловлены высокой стоимостью культурных ценностей (антиквариата, метеоритов, ископаемых останков флоры и фауны, архивов и т. п.), а также земельных участков под объектами культурного наследия — памятниками и историческими зданиями, расположенными, как правило, в центральной части города. Вместе с тем, несмотря на различные экономические кризисы, а во многом и благодаря им, ценность указанных объектов стабильно увеличивается год от года.

Специфика совершения и сокрытия преступлений рассматриваемой категории детерминирует и особенности их расследования, качество которого, к сожалению, не всегда находится на должном уровне. Причин этому много, и одна из них — недоработки научного и методического обеспечения.

Несмотря на небольшое количество совершаемых преступлений в отношении культурного наследия (в сравнении с иными) значимость и качество их раскрытия, расследования и предупреждения имеют особое значение для культуры России. Однако в настоящий момент налицо явный недостаток научных разработок в области расследования таких преступлений, в частности криминалистического его обеспечения. Последнее представляет собой необходимое условие успешности расследования. Соответственно, его неисследованность отрицательно сказывается на результативности борьбы с преступлениями в отношении культурного наследия, не позволяя в полной мере использовать научный потенциал криминалистики в разработке форм и методов расследования, технических средств для работы со следами и иными доказательствами по делу.

Следовательно, целью настоящей статьи является попытка формулирования некоторых теоретических аспектов криминалистического обеспечения расследования данных преступлений, в частности его системы и задач.

Рассматриваемый термин по отношению к деятельности правоохранительных органов по рас-

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

следованию преступлений прочно вошел в научный оборот отечественных ученых-криминалистов уже достаточно давно. Однако, несмотря на то что прошло более 40 лет полемики и дискуссий на его счет, концепция криминалистического обеспечения так и не сформировалась, о чем свидетельствует большое количество точек зрения исследователей на понятие, содержание, систему и задачи этого термина.

Так, М. М. Намазбекова, проанализировав научные источники, раскрывает понятие криминалистического обеспечения следующим образом:

«1. По содержанию — деление позиций ученых в понятии криминалистического обеспечения как „системы“ (С. Р. Акимов, Р. С. Белкин, П. Ю. Иванов, В. Г. Коломацкий, А. М. Кустов, В. Ю. Сокол, А. В. Шмонин, Е. В. Щеглова и др.) и как „деятельности“ (А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, А. С. Шаталов, А. Я. Эрекаев).

2. По признаку, в котором основной акцент сделан на формировании готовности правоохранительных органов к использованию криминалистических методов и средств и созданию условий для ее реализации (А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, В. Ю. Сокол, А. С. Шаталов и др.).

3. По средствам достижения целей. Об использовании в своем определении приемов и рекомендаций говорит Э. К. Горячев, понятия В. Г. Коломацкого и Р. С. Белкина содержат указания на рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения.

4. По цели, для достижения которой необходимо криминалистическое обеспечение. Этими целями являются раскрытие, расследование, предупреждение, выявление преступлений (они, в частности, указаны С. Р. Акимовым, Р. С. Белкиным, В. Г. Коломацким, В. П. Лавровым, Э. К. Горячевым и др.), а А. М. Кустов к ним относит еще эффективность выполнения функциональных обязанностей правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

5. По предметным разделам криминалистики. Первоначально внимание большинства ученых было обращено:

— к технико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений (Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, В. А. Волынский, В. Г. Гузиков, П. Т. Скорченко, А. С. Шаталов и др.);

— тактико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений (В. Ю. Сокол, Э. К. Горячев);

— методико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования отдельных ви-

дов преступлений (С. Р. Акимов, Р. Г. Аксенов, П. Ю. Иванов, Е. В. Щеглова, А. Я. Эрекаев и др.)» [1, с. 125—126].

Представляет интерес и более поздний анализ содержания дефиниции криминалистического обеспечения, приведенный А. А. Виноградовым в его диссертационном исследовании по результатам изучения свыше 80 научных трудов, посвященных рассматриваемой криминалистической категории.

Так, одни авторы криминалистическое обеспечение представляли как систему, состоящую из технико-криминалистического, тактико-криминалистического, методико-криминалистического обеспечения; другие — отождествляли его с частной методикой расследования преступлений; третьи — выделяли как элемент обеспечения производства следственных действий и отдельных аспектов расследования; четвертые — распространяли на выявление, раскрытие и предупреждение преступлений, оперативно-разыскную деятельность, судебное следствие и административную деятельность; в некоторых работах содержанию анализируемой категории был даже придан особый смысл, не связанный с деятельностью правоохранительных органов [2].

Представляется, что приведенные точки зрения исследователей-криминалистов на понятие и содержание криминалистического обеспечения имеют право на существование. У каждой из них есть свои бесспорные и дискуссионные аспекты, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений различных видов.

В связи с этим мы представили свое видение криминалистического обеспечения применительно к расследованию преступлений в отношении культурного наследия народов Российской Федерации исходя из понятия науки криминалистики, ее предмета, цели и задач, содержания термина «обеспечить».

Криминалистика, как известно, является наукой о раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Предмет ее, как определил профессор Р. С. Белкин, образуют закономерности двух видов деятельности — криминальной и следственной: «механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках; собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [3, с. 65].

Обеспечить, согласно толковому словарю русского языка, значит «снабдить чем-нибудь в нужном количестве; сделать возможным, действительным, реально выполнимым» [4, с. 427]. Соединяя содержание предмета криминалистики и наполнение термина «обеспечение», получаем в результате снабжение субъекта, который занимается раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, знаниями о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках; собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений (подробнее см.: [5, с. 122—129]).

Криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, как нам представляется, является по сути своей деятельностью, причем деятельностью во многом управленческой. Данный тезис обусловлен тем, что криминалистические средства и методы необходимо, во-первых, разработать; во-вторых, апробировать; в-третьих, внедрить в деятельность правоохранительных органов; в-четвертых, обучать их применению сотрудников данных органов; в-пятых, анализировать результаты их применения и корректировать в необходимых случаях с учетом развития науки, техники, криминальной практики; в-шестых, в случае усовершенствования таких средств и методов запускать вышеописанный цикл заново. Подобная деятельность не может осуществляться бесконтрольно и бессистемно энтузиастами-одиночками. Это прерогатива больших коллективов различных подразделений правоохранительных органов. Последние же являются сложными системами, функционирующими по определенным правилам в рамках управленческого цикла, без которого их деятельность попросту невозможна. Вместе с тем «основой и исходным элементом любого управленческого процесса, — как справедливо отмечают О. К. Слинкова и Р. А. Скачков, — служит определение и постановка целей» [6, с. 65].

Цель науки криминалистики — установить и познать перечисленные нами закономерности, предложив на этой основе правоохранительным органам инструментарий (рекомендации по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию следов, приданию им статуса доказательств и использованию в процессе доказывания; кроме перечисленного, специфические средства криминалистической техники, адаптирование уже имеющихся средств из сфер других наук под потребности криминалистики) для борьбы с преступностью.

Целью криминалистического обеспечения является, на наш взгляд, трансформация разработанных учеными-криминалистами научных положений и рекомендаций, технических средств в реальные эффективные действия правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Целеполагание в данном случае предусматривает обязательную постановку задач — тех этапов, которые необходимо пройти, проблем, требующих последовательного решения для достижения заявленной цели.

В свою очередь задачи ввиду многогранности деятельности, охватываемой содержанием криминалистического обеспечения, многоаспектны и обусловлены его системой. Последняя, как считает профессор А. Ф. Волынский, с содержательной точки зрения состоит: из теоретических основ; правового обеспечения; организационного обеспечения; научно-технического и научно-методического обеспечения; учебно-методического обеспечения; материально-технического обеспечения [7].

Мы поддерживаем мнение А. Ф. Волынского по структуре рассматриваемой криминалистической категории, поскольку она органично объединяет в себе все необходимые предпосылки для должного функционирования специализированных органов, организаций и учреждений, деятельность которых направлена на обеспечение правоохранительных органов «продуктом» науки криминалистики — рекомендациями и средствами для успешной борьбы с преступностью.

В то же время, рассуждая о криминалистическом обеспечении как о связке теории и практики, «деятельностном» выражении науки криминалистики и опираясь на ее структуру, можно выделить технико-криминалистическое, тактико-криминалистическое и методико-криминалистическое обеспечение для конкретизации содержания разрабатываемых и внедряемых в деятельность правоохранительных органов для борьбы с преступностью рекомендаций по методам и средствам такой деятельности. Они охватывают, как правило, не все разделы криминалистики, а лишь некоторые из них (например, рекомендации по тактике производства следственных действий — криминалистическую тактику; частные криминалистические методики — соответственно, методику расследования преступлений; и т. д.).

Далее рассмотрим наполнение конкретными задачами структурных элементов криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в отношении культурного наследия народов России. Решение совокупности

таких задач и позволит достичь цели названной деятельности — успешной борьбы с преступными посягательствами.

Так, теоретические основы предусматривают необходимость решения целого блока задач, связанных с теоретическим обоснованием криминалистического обеспечения расследования преступлений рассматриваемого вида:

— во-первых, криминалистический анализ преступлений в отношении культурного наследия, тенденции их развития;

— во-вторых, определение реальных потребностей правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступлениями данного вида, в получении либо совершенствовании используемых ими криминалистических средств, форм и методов;

— в-третьих, выявление достижений технического прогресса в сфере криминалистики и иных наук, которые могут быть использованы в деятельности по борьбе с преступлениями рассматриваемого вида, анализ, прогнозирование, оценка эффективности такой работы;

— в-четвертых, ознакомление с зарубежным опытом криминалистического обеспечения борьбы с преступлениями данной категории, экстраполяция его в отечественную криминалистическую практику, выявление применяемых передовых форм и методов борьбы, трансформация их для возможного использования в современных российских реалиях;

— в-пятых, изучение состояния правового регулирования научных разработок, посвященных раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в отношении культурного наследия народов России, сопутствующих организационных аспектов такой деятельности; порядка внедрения и использования их в практической деятельности правоохранительных органов.

Задачей правового обеспечения является легитимизация применения разрабатываемых криминалистикой приемов, методов и средств в деятельности по борьбе с преступлениями рассматриваемого вида. Как правило, в данном случае имеются в виду не тактические приемы производства следственных действий (по причине регламентации последних уголовно-процессуальным законодательством тактика их производства ограничивается рамками, очерченными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ). Речь идет о новых экспертных методиках исследования различных объектов, новых видах судебных экспертиз либо разрабатываемых технико-криминалистических и иных технических средств, которые можно ис-

пользовать для повышения эффективности работы со следами либо дополнительной фиксации процессуальных действий.

Задачи организационного обеспечения. «Организация как вид деятельности людей, — отмечают Н. В. Родионова и О. Г. Туровец, — направлена на объединение людских, материальных, финансовых и других ресурсов таким образом, чтобы их совместная деятельность обеспечивала решение задач, стоящих перед организацией» [8, с. 7] как структурным образованием, объединяющим определенное количество людей для достижения какой-либо цели. Таким образом, задача организационного обеспечения — налаживание должным образом работы всей системы криминалистического обеспечения: сбор воедино всех ее элементов и обеспечение их успешного функционирования.

Задачей научно-технического обеспечения служит разработка и внедрение в криминалистическую практику технических средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов; вспомогательных технических средств (освещение, фиксация); методик и рекомендаций по их применению; тактических рекомендаций по собиранию и исследованию доказательств.

Задачей научно-методического обеспечения является разработка и внедрение в деятельность органов расследования методик, т. е. научно обоснованных рекомендаций о наиболее эффективных приемах и методах: раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в отношении культурного наследия; собирания и исследования следов преступлений; накопления и использования значимой для расследования информации в массивах криминалистических учетов.

Задачей учебно-методического обеспечения напрямую, на первый взгляд как бы и не связанной непосредственно с борьбой с преступлениями в рассматриваемой сфере, является криминалистическая подготовка сотрудников правоохранительных органов, вовлеченных в такую деятельность (следователей, оперативников, участковых уполномоченных), в образовательных организациях в рамках высшего и дополнительного профессионального образования. Однако должный уровень профессиональной подготовки — залог успешных действий таких лиц в раскрытии и расследовании преступлений в отношении культурного наследия ввиду специфики правового регулирования сферы использования и сохранения культурного наследия, оборота культурных ценностей.

Задачей материально-технического обеспечения всей вышеперечисленной деятельности является материальный, финансовый и технический «фундамент», без наличия которого и разработка, и внедрение, и непосредственное использование достижений криминалистики в данной области не представляется возможным.

Таким образом, мы попытались охватить все задачи, подразумевающие надлежащее криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в отношении

культурного наследия народов России. В то же время каждая из перечисленных групп задач требует своего научного осмысления, что станет возможным благодаря дальнейшей научной разработке рассматриваемой темы. Последовательное же их решение будет способствовать эффективной борьбе с преступлениями данной категории, что, в свою очередь, является частью государственной задачи сохранения культурного наследия будущим поколениям.

1. Намазбекова М. М. К вопросу о содержании криминалистического обеспечения расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 125—126.

2. Виноградов А. А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 300 с.

3. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Москва: Закон и право, 2001. 837 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

5. Янин С. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 122—129.

6. Слинкова О. К., Скачков Р. А. Анализ научных подходов к определению сущности целеполагания и его роль в процессе управления // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 3 (59). С. 65—71.

7. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2013. 943 с.

8. Родионова Н. В., Туровец О. Г. Теория менеджмента: теория организации: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Воронеж: Науч. кн., 2020. 178 с.

1. Namazbekova M. M. To the issue of the content of criminalistic support for the investigation of crimes. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125—126, 2012. (In Russ.).

2. Vinogradov A. A. Criminalistic support for the investigation of car thefts. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 300. (In Russ.).

3. Belkin R. S. Course of criminalistics. Moscow: Law and Legality; 2001: 837. (In Russ.).

4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. The explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov. 4th ed. Moscow: ITI Tekhnologii; 2006: 944. (In Russ.).

5. Yanin S. A. Criminalistic support for the investigation of crimes related to the cultural heritage of the peoples of Russia. Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia, 122—129, 2022. (In Russ.).

6. Slinkova O. K., Skachkov R. A. Analysis of scientific approaches to determining the essence of goal setting and its role in the administrative / managerial process. Journal of the Ural state university of economics, 65—71, 2015. (In Russ.).

7. Criminalistics. Textbook for university students. Ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Unity-Dana: Law and Legality; 2013: 943. (In Russ.).

8. Rodionova N. V., Turovets O. G. Theory of management: organization theory. Textbook. 2nd ed. Voronezh: Science Book Publishing House; 2020: 178. (In Russ.).

Янин Сергей Александрович,
профессор кафедры
организации следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
s.yanin1@yandex.ru

Yanin Sergey Alexandrovich,
professor at the department
of organization of investigative work
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
s.yanin1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.9

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
(ЧАСТЬ 2)**

Николай Дмитриевич Захаров

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ratinho@bk.ru

Аннотация. Статья состоит из двух частей. В первой части автором определена актуальность настоящего исследования, характеризующаяся стремительно растущим влиянием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на различные процессы жизнедеятельности в современном обществе. Рассмотрены основные возможности данной сети как инструмента управления сознанием масс, ее влияние на внутриполитические процессы, идеологическую, экономическую, социальную, культурную доктрину Российской Федерации.

Во второй части статьи освещены актуальные вопросы противодействия распространению запрещенной информации в сети Интернет, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта, комплекс мер, принимаемых государством в целях ограничения доступа к ресурсам, ее размещающим, а также некоторые аспекты обхода блокировок доступа к противоправному контенту. Отдельное внимание уделено функционированию государственных информационных систем, их содержанию, назначению, функциям. В результате проведенного анализа действующей нормативной правовой базы, регулирующей отношения в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации, автором предложены меры по ее совершенствованию в части законодательного, организационного и технического регулирования процессов, происходящих в социальных сетях.

Ключевые слова: Интернет, преступность, информационные технологии, правовое регулирование, социальная сеть, мессенджер, государственная информационная система, искусственный интеллект

Для цитирования: Захаров Н. Д. Правовые основы регулирования отношений в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия преступности (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 119—127.

**LEGAL BASIS TO REGULATE RELATIONS
IN INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS
IN THE RUSSIAN FEDERATION
AS A FORM TO COUNTERACT CRIME
(PART 2)**

Nickolay Dmitrievich Zakharov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, ratinho@bk.ru

Abstract. There are two parts in the article.

The first part demonstrates the topical nature of this research as a result of the rapidly expanding influence of the information and telecommunication network "Internet" on various life processes in modern society. He analyzes the main possibilities of this network as a tool to control the consciousness of millions of people, its influence on domestic political processes, the ideological, economic, social and cultural doctrine of the Russian Federation.

In the second part the author considers topical issues to counteract the dissemination of prohibited information on the Internet, including using artificial intelligence technologies, a set of measures taken by the state to restrict access to resources hosting it, as well as issues to circumvent access blocks to illegal content.

Special attention is paid to the functioning of state information systems, their content, purpose, and functions. As a result of the made analysis of the acting regulatory legal base governing relations in information and telecommunications networks in the Russian Federation, the author proposes measures to improve it in terms of legislative, organizational and technical regulation of processes taking place in social networks.

Keywords: Internet, crime, information technology, legal regulation, social network, messenger, state information system, artificial intelligence

For citation: Zakharov N. D. Legal basis to regulate relations in information and telecommunication networks in the Russian Federation as a form to counteract crime (part 2). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 119—127, 2024. (In Russ.).

В связи с современными тенденциями к повсеместному использованию социальных сетей российскими гражданами и неразрывно связанной с этим криминализацией государство устанавливает ограничения на распространение информации определенной категории, вводя при этом понятие «социальная сеть», что, по нашему мнению, становится важнейшим шагом на пути правового регулирования информационной сферы. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ¹, получивший название закон «о самоконтроле», закрепляет дефиницию социальной сети, главный критерий которой — доступ к ней в течение суток более 500 000 пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации, а также определяет порядок ведения реестра социальных сетей. С 1 февраля 2021 г. на владельцев социальных сетей возложена обязанность самостоятельно осуществлять их мониторинг в целях выявления запрещенной информации. Кроме того, соответствующая информация может инициативно направляться в администрацию социальных сетей гражданами путем заполнения формы обращения. Преимуществом комментируемого закона, по нашему мнению, является устанавливаемый порядок работы с такими ресурсами. Владелец социальной сети обязан незамедлительно принять меры по ограничению доступа к запрещенной информации, а в случае если он не может оценить степень соответствия информации запрещенной, ему надлежит в течение суток с момента выявления такой информации направить ее в Роскомнадзор², до принятия решения которым ограничить доступ к ней.

С 1 сентября 2023 г. вступили в силу изменения в Кодекс Российской Федерации об админист-

ративных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ³, согласно которым социальные сети стали нести ответственность за неисполнение требований закона «о самоконтроле» (Роскомнадзор составил в отношении владельцев социальных сетей 14 протоколов об административных правонарушениях⁴).

В дополнение отметим, что, помимо указанных мер по выявлению запрещенной информации в сети Интернет, Роскомнадзором обеспечивается функционирование информационной системы мониторинга интернет-ресурсов (далее — ИС МИР), которая предназначена для отслеживания публикаций, содержащих запрещенную информацию, их классификации по характеру (нейтральное, негативное или позитивное мнение автора) и поиска перефразирований, а также репостов. В 2023 г. Роскомнадзор инициировал интеграцию ИС МИР и таких автоматизированных систем, как «Чистый интернет» и «Окулус» — системы выявления признаков нарушений законодательства Российской Федерации в сети Интернет с использованием технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). Как следует из технического задания, ИС «Окулус» создан:

— для автоматизации распознавания признаков запрещенной информации в изображениях и видеоматериалах (текст, символика, «водяные знаки», сцены, сочетания предметов, композиция образов, лица, статика и динамика движений и т. п.);

— автоматизации и повышения эффективности процессов выявления признаков нарушений законодательства РФ в изображениях и видеоматериалах, размещенных в сети Интернет;

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

² Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

³ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 31 июля 2023 г. № 401-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ См.: Площадкам назначены штрафы: Pinterest, Twitch, Google и Telegram — 900 тыс. руб., Likee — 800 тыс. руб., TikTok — 750 тыс. руб. Иностранные социальные сети не исполняют закон «о самоконтроле». URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74786.htm> (дата обращения: 17.01.2024).

— оптимизации расходов на выявление признаков нарушений законодательства РФ в изображениях и видеоматериалах, размещенных в сети Интернет¹.

Представитель Роскомнадзора, который выступал заказчиком по проекту, пояснил, что «система распознает изображения и символы, противоправные сцены и действия, анализирует текст в фото- и видеоматериалах. „Окулус“ автоматически обнаруживает такие правонарушения, как экстремистская тематика, призывы к массовым незаконным мероприятиям, суициду, пронаркотический контент, пропаганда ЛГБТ»².

Логичным продолжением использования технологий ИИ при выявлении запрещенной информации в сети Интернет явилось решение о ведении реестра запрещенной информации с применением ИИ на базе вышеуказанных автоматизированных систем, что следует из паспорта программы цифровой трансформации Роскомнадзора³.

Указанные меры позволяют достичь оперативного реагирования на запрещенный контент в социальных сетях и его блокировки в кратчайшее время. Вместе с тем не определен порядок взаимодействия и обмена информацией с МВД России, в обязанности которого входит борьба с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ). Данное обстоятельство оказывает негативное влияние на процесс получения оперативно значимой информации сотрудниками и требует, по нашему мнению, дополнительного нормативного закрепления.

Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ⁴ создан Единый реестр доменных

имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее — Реестр), куда по решению правомочного органа включаются:

— доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено;

— сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Создание, формирование и ведение Реестра осуществляется Роскомнадзором в порядке, установленном Правительством Российской Федерации⁵ (далее — Правила формирования Единого реестра и Правила принятия решения о запрещении распространения информации из Единого реестра).

Формирование Реестра на ограничение доступа к сайтам в сети Интернет по инициативе МВД Рос-

---

Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ См.: О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (вместе с Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», Правилами принятия уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти решений в отношении отдельных видов информации и материалов, распространяемых посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», распространение которых в Российской Федерации запрещено): постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 (ред. от 19.01.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

---

¹ ЕИС Закупки № 32211569591. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/notice223/documents.html?noticeInfoId=14293515> (дата обращения: 06.04.2024).

² Роскомнадзор запустил систему автоматического поиска запрещенного контента «Окулус». URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/13/962682-roskomnadzor-zapustil-sistemu-poiska-okulus> (дата обращения: 06.04.2024).

³ См.: Паспорт ведомственной программы цифровой трансформации на 2024 и плановый период 2025-2026. URL: https://rkn.gov.ru/docs/PASPORT_VPCT_2024-2026_protokol_ot_01.03.2024__8pr_27032024.pdf?ysclid=lutjug2fve567093949 (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-

сии может осуществляться в упрощенном (внесудебном) порядке на основании решения уполномоченного органа в случае, если на них распространяется информация:

— о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, а также о способах и местах культивирования наркосодержащих растений¹;

— способах, методах самодельного изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств, незаконного изготовления или переделки оружия, основных частей огнестрельного оружия²;

¹ См.: Об утверждении критериев оценки информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, необходимой для принятия Министерством внутренних дел Российской Федерации решений, являющихся основаниями для включения доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: приказ МВД России от 3 марта 2023 г. № 114 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

² См.: Об утверждении Критериев оценки информации о способах, методах самодельного изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств, незаконного изготовления или переделки оружия, основных частей огнестрельного оружия, а равно незаконного изготовления боеприпасов, за исключением информации о способах, методах самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, необходимой для принятия Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов в единую

— защищаемых лиц³.

Инициаторами ограничения доступа к сайтам в сети Интернет могут выступать и другие федеральные органы исполнительной власти, в частности Роскомнадзор, в отношении информации о способах, методах обеспечения доступа к информационным ресурсам и (или) информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации. Остановимся на данном основании для ограничения к доступу к сайтам в сети Интернет подробнее.

Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ⁴ установлены ограничения на использование информационных ресурсов (сайтов, программ), обеспечивающих доступ к заблокированным сайтам, который ограничен на территории Российской Федерации. Основной целью закона является закрытие доступа гражданам России к сайтам, внесенным в реестр Роскомнадзора как запрещенные. Их использование возможно с помощью обхода блокировок посредством VPN и анонимайзеров. Принятым в ноябре 2023 г. постановлением Правительства Российской Федерации Роскомнадзор получил право самостоятельно принимать решение о блокировке подобных ресурсов⁵. Так,

автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено: приказ МВД России № 443, ФСБ России № 277, Росгвардии № 220 от 23 июня 2023 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

³ В соответствии с федеральными законами «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ и «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ См.: О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101: постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2023 № 1905 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

с 1 марта 2024 г. Роскомнадзор приступил к внесудебному ограничению доступа к информации в сети, которая рекламирует или популяризирует средства обхода блокировок доступа к противоправному контенту. С 1 по 31 марта 2024 г. Роскомнадзор направил 628 уведомлений владельцам сайтов с требованием удалить подобный контент. С 546 интернет-страниц владельцы ресурсов удалили запрещенные материалы. За неисполнение требований ведомства и неудаление материалов по указанной тематике заблокировано 82 страницы. Как пояснили в ведомстве, в основном запрещенную информацию размещали на страницах в социальных сетях, а также специализированных ресурсах, направленных на популяризацию использования VPN для обхода блокировок¹.

Некоторые авторы [1] отмечают, что данные ограничения не в полной мере соответствуют таким принципам информационной политики России, обозначенным в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.², как обеспечение прав граждан на доступ к информации и свобода выбора средств получения знаний при работе с информацией. При анализе приведенной позиции полагаем, что в принимаемых государством мерах речь прежде всего идет о запрете предоставлять возможность использования VPN и анонимайзеров для получения доступа к заблокированным информационным ресурсам, содержащим в себе информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, что не может нарушать принципов названной стратегии. В то же время ответственность «простых» интернет-пользователей за обход блокировок запрещенных сайтов данным законом не предусмотрена. Ее несут владельцы анонимайзеров и операторы поисковых систем, т. е. те, кто обеспечивает доступ к запрещенным ресурсам и выдает в результатах поиска в том числе программное обеспечение, позволяющее заходить на них.

¹ Роскомнадзор заблокировал 82 страницы за рекламе средств обхода блокировок URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1294639-roskomnadzor-blokirovka-vpn?ysclid=luqs7iwumk559715622> (дата обращения: 04.04.2024).

² См.: О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2024).

Кроме того, согласно п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ доступ к сайтам в сети Интернет может быть ограничен на основании решения суда о признании информации, содержащейся на интернет-ресурсе, запрещенной к распространению на территории России или экстремистской в соответствии с положениями ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ³. В связи с этим отметим, что в силу ст. 265.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ с заявлением о признании распространяемой в сети Интернет информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, в суд вправе обратиться не только прокуроры, но и иные лица. Таковыми могут стать и те граждане, которые оказывают содействие, в том числе конфиденциальное на контрактной основе, оперативным подразделениям. Однако с учетом сложившейся правоприменительной практики, специфики осуществления не только прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью (далее — ОРД), но и необходимости обеспечения принципа конспирации в этой деятельности, целесообразно именно обращение прокурора в суд. Его основой могут послужить, например, материалы дел оперативного учета или иная информация, полученная оперативным путем.

Следует также подчеркнуть, что «веб-зеркала» интернет-сайтов, содержащих экстремистские материалы⁴, вносятся в Реестр на основании официальных писем МВД России, ФСБ России и прокуратуры со сведениями о распространении на страницах сайтов в сети Интернет материалов, ранее признанных в судебном порядке экстремистскими. После этого доменное имя и (или) указатель страницы сайта, содержащего такую информацию, включаются в Реестр, запускается процесс ограничения доступа к интернет-ресурсу на территории Российской Федерации. Данная процедура регламентирована Правилами формирования Единого реестра и Правилами принятия решения о запрещении распространения информации из Единого реестра.

³ См.: О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Федеральный список экстремистских материалов размещен на официальном сайте Минюста России (<http://minjust.ru/extremist-materials>).

Отметим, что, несмотря на превалирующую роль МВД России в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИТТ, которая подтверждается статистическими показателями зарегистрированных преступлений, органы внутренних дел не обладают полномочиями по установлению владельцев противоправных ресурсов в рамках мероприятий, не связанных с осуществлением ОРД либо проведением процессуальной проверки.

Действующий алгоритм блокировки запрещенной к распространению информации в сети Интернет считаем слишком сложным, ибо его скорость значительно ниже скорости создания интернет-ресурса с противоправным контентом. Сегодня нужен более универсальный правовой, организационный и технический механизм реагирования, что может быть достигнуто за счет принятия норм опережающего правового регулирования, позволяющих блокировать ресурсы раньше, чем закончится процесс формально определенного порядка действий государственных органов. В связи с этим наличие нормативного правового акта, содержащего единый подход к взаимодействию рассматриваемых субъектов, универсального цифрового решения, обеспечивающего единый электронный документооборот, порядок формирования и ведения единой информационной базы, в которой аккумулировались бы сведения соответствующей тематики всех заинтересованных ведомств, повлияло бы на эффективность противодействия новейшим сетевым угрозам.

Следующий, не менее актуальный вопрос, возникающий при рассмотрении аспектов противодействия преступности в сфере информационных технологий, — контроль за количеством создаваемых ежедневно страниц в социальных сетях, с использованием которых в том числе совершаются преступления. Он может быть достигнут посредством внесения изменений в нормативную базу, регламентирующую порядок регистрации пользователей в социальных сетях. Так, меры технического характера, позволяющие регистрировать страницы лишь при идентификации (удостоверении) личности, например путем подтверждения страницы через государственный справочно-информационный сервис «Госуслуги»¹ (далее — Госуслуги), существенно сократят количество безгранично регистрируемых страниц, что как минимум снизит объем информации, обрабатываемой

владельцами социальных сетей по запросам правоохранительных органов. Безусловно, мы осознаем, что предлагаемые нами новеллы носят дискуссионный характер по следующим причинам. Регистрация пользователей в социальных сетях посредством идентификации (удостоверения) личности через Госуслуги может содержать в себе риски утечки персональных данных граждан в распоряжение как коммерческих организаций, так и злоумышленников. Становятся возможными случаи «подбора» либо «пробива» анкетных данных по аналогии с сервисом «Сбербанк-онлайн», использование которого позволяет при запросе на перевод денежных средств по номеру телефона узнать имя, отчество и первую букву фамилии гражданина, являющегося владельцем абонентского номера. Однако Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 319-ФЗ² установлены правовые основы деятельности в области связи на территории Российской Федерации, определены полномочия органов государственной власти в области связи, а также права и обязанности лиц, участвующих в указанной деятельности или пользующихся услугами связи. Согласно комментируемому документу услуги связи по передаче данных и предоставлению доступа к сети Интернет для доступа к отечественным социально значимым информационным ресурсам будут оказываться абонентам-гражданам без взимания платы. К таким ресурсам относятся Госуслуги и социальная сеть «ВКонтакте»³. Их причисление к социально значимым свидетельствует о позиции законодателя, заключающейся в понимании корреляционных связей между официальными сайтами госорганов, порталов государственных и муниципальных услуг и наиболее распространенной социальной сетью в России «ВКонтакте».

Так, по информации ООО «ВКонтакте», в 2021 г. количество активных пользователей социальной сети из России в месяц составило 73 млн человек,

² О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»: федер. закон от 2 июля 2021 г. № 319-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

³ См.: Перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов, при доступе к которым услуги связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» оказываются абоненту — гражданину Российской Федерации без взимания платы // Официальный сайт Роскомнадзора. URL: <https://rkn.gov.ru/communication/registerSocResources/?ysclid=ifc68u6w8p728369033> (дата обращения: 17.01.2024).

¹ Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 17.01.2024).

а по итогам 2022 г. аудитория превысила 100 млн *активных* пользователей в месяц, став лидером среди социальных сетей и мессенджеров по среднему времени посещения пользователями в стране, лидирующей платформой по количеству публикаций и авторов. Охват аудитории рунета составил 85 %¹. Для сравнения, в 2023 г. уже средняя дневная аудитория сервисов VK выросла на 13 % по отношению к 2022 г. и составила 76 млн пользователей².

Помимо вышеуказанных данных, наш тезис о некоторой агрегации российских социальных сетей с государственными информационными ресурсами также косвенно подтверждается опубликованной на официальном сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации информацией, согласно которой пользователи «ВКонтакте» и «VK Мессенджера» имеют возможность получать оповещения от Госуслуг, письма от органов власти о назначенных выплатах и пенсиях, ходе исполнительного производства или назначенных штрафах³.

В продолжение темы нельзя не отметить важнейшее, на наш взгляд, решение законодателя в сфере цифровизации общества и противодействия преступности. Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ⁴ на базе Федеральной налоговой службы и имеющихся многочисленных разрозненных государственных информационных систем создан Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации (далее — ЕФИР). Его объектами стали как граждане России, так и иностранные граждане и лица без гражданства. Часть положений закона вступила в силу в 2022—2024 гг., а некоторые вступят в 2025—2026 гг. Основным замыслом создания регистра является сбор, об-

работка, хранение, получение и использование сведений о населении, получаемых из различных источников — федеральных органов, указанных в ст. 10 анализируемого закона: МВД России, Минобороны России, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования, Федеральной налоговой службы, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства морского и речного транспорта, Федеральной службы по труду и занятости, Пенсионного фонда, Социального фонда России, Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Таким образом, можно говорить о создании цифрового профиля человека, содержащего сведения о юридически значимых сторонах его жизни.

Названный закон, впрочем как и многие другие, связанные со сбором персональных данных граждан и (или) установлением обязанностей для пользователей услуг связи и сети Интернет, вызвал непрекращающуюся дискуссию о целесообразности хранения столь значительного массива информации в одной системе и рисках утечки персональных данных. Представляется, что вопросы информационной безопасности должны решаться в этом контексте соответствующими специалистами, а использование ЕФИР правоохранительными органами в процессе противодействия преступности существенно ускорит получение необходимых сведений и, самое главное, увеличит их объем и информативность.

Аналогичную дискуссию вызвало принятие Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ⁵, утвердившего порядок использования Единой биометрической системы (ГИС ЕБС) — биометрических данных (изображения лица человека и голоса) для идентификации личности в сфере оказания некоторых государственных и муниципальных услуг, банковской отрасли, нотариате.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что отдельных нормативных правовых актов, регламентирующих борьбу с престу-

¹ ВКонтакте: Новости для прессы. URL: <https://vk.com/press/products-2022> (дата обращения: 20.03.2023).

² ВКонтакте: Пресс-релиз. URL: https://corp.vkcdn.ru/media/2024/03/21/rus_press_release_fy_2023.pdf (дата обращения: 06.04.2024).

³ См.: Уведомления Госуслуг и оплата штрафов ГИБДД теперь доступны ВКонтакте: информация Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18 января 2023 г. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/42384/> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: федер. закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

плениями в сети Интернет, не имеется, но подобные вопросы затрагиваются и на федеральном, и на ведомственном уровнях. Понимание руководством страны того, что современные достижения на рынке ИТТ неминуемо влекут за собой появление новых рисков и угроз, привело к созданию специализированного подразделения в структуре МВД России — Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России), подразделения которого также правомочны осуществлять ОРД в полном объеме¹.

В завершение хотелось бы сделать акцент на некоторых решениях МВД России в части противодействия преступности в сфере ИТТ. В 2021 г. МВД России принимало непосредственное участие в реализации важнейших ИТ-проектов, в том числе в рамках Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021—2023 гг.² Осуществлялся комплекс мероприятий по формированию эффективной системы подготовки кадров, специализирующихся на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием ИТТ (на 2021—2022 гг.)³.

Проанализировав специфику правовых норм, регулирующих отношения в сети Интернет, подчеркнем, что, будучи принятыми в постоянном развитии информационных технологий и технологий их использования в противоправных целях, они являются фрагментарными (точечными) и в этом смысле лишены системности.

¹ См.: О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2022 г. № 688 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024); Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 // Там же; Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 // Там же.

² См.: Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021—2023 годы: распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065 (ред. от 08.09.2021) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

³ Утвержден Министром внутренних дел Российской Федерации 30 апреля 2021 г. за № 1/4948.

Представляется, что выработанный сегодня в Российской Федерации подход к определению субъектов правоотношений в сети Интернет, видов образующихся правоотношений, пределов государственного контроля и надзора за деятельностью таких субъектов, границ вмешательства государства в рассматриваемую сферу не является универсальным и комплексным. Анализ действующего законодательства в изучаемой сфере показал, что регулирование общественных отношений определяется исходя из точечных изменений. С учетом рассмотрения федеральных законов, подзаконных актов и положительных результатов их применения считаем возможным подчеркнуть, что принимаемые государством решения позволяют оперативно реагировать на возникающие угрозы и конкретным правоотношениям, и безопасности государства в целом, но не способны выстроить правовую политику государства в рассматриваемой сфере, основанную прежде всего на мерах опережающего правового регулирования. В данном случае стоит говорить скорее о трансформации применяемых норм, чем об их системности. Вместе с тем важность эволюции самих информационных технологий и их использование в мировом пространстве в целях влияния на глобальные политические, социально-экономические и иные процессы не вызывают сомнений. В таком контексте мы разделяем мнение Р. Ф. Азизова, отмечающего возможность перехода количественных изменений (*в законодательство*) в качественные: «Значительное число специальных норм, посвященных блокировке интернет-ресурсов по критерию отдельных видов информации, рано или поздно может быть систематизировано и унифицировано или даже кодифицировано» [2].

В продолжение затронутой темы скажем, что на необходимость унификации (кодификации) правовых норм в сфере регулирования отношений в сети Интернет указывают представители многих отраслей знания [3—7]. Однако неоспорим тот факт, что в условиях нынешних политических реалий — в период проведения специальной военной операции — отчетливо проявили себя внешние для России угрозы, в частности деятельность специальных служб стран недружественного западного блока, которая приобретает системный деструктивный характер. В связи с этим российский сегмент сети Интернет должен быть устойчив к различным «гибридным атакам», что диктует необходимость государственного контроля за критической инфраструктурой и медийными процессами, происходящими здесь в режиме реального времени.

Таким образом, нормотворческий вектор Российской Федерации, направленный на адаптацию отечественного законодательства к современным вызовам и угрозам цифровой преступности, несомненно, приносит положительные плоды, но не в полной мере использует имеющиеся законодательные и технические возможности, рассмотренные в настоящем исследовании. Решение этой проблемы позволит наиболее эффективно

вести борьбу с правонарушениями и преступлениями, совершаемыми в сети Интернет, и осуществлять противодействие управлению сознанием общественных масс, ведению информационной войны, которая фактически является одним из компонентов «гибридной войны» против России, что создает вполне реальные предпосылки для дестабилизации российского общества.

1. Пивоваров В. А. Основные тенденции в развитии политико-правового регулирования интернет-пространства России в 2018 г. // *Власть*. 2019. Т. 27, № 2. С. 83—87.

2. Азизов Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 331 с.

3. Даниленков А. В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // *Lex Russica (Русский закон)*. 2017. № 7 (128). С. 154—165.

4. Танимов О. В., Кудашкин Я. В. Перспективы правового регулирования отношений в сети Интернет // *Информационное право*. 2010. № 4. С. 16—20.

5. Петрищева Е. Н., Лемайкина С. В. Правовые аспекты государственного регулирования // *Юрист-Правоведь*. 2017. № 3 (82). С. 177—183.

6. Пивоваров В. А. Особенности влияния интернет-сообществ на формирование политической повестки дня в современной России (на примере мессенджера Telegram) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»*. 2019. Т. 19, № 1. С. 113—116.

7. Ваховский А. М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 3—11.

Захаров Николай Дмитриевич,

начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
ratinho@bk.ru

1. Pivovarov V. A. Main trends in the development of political and legal regulation of the Internet space of Russia in 2018. *Authorities*, 83—87, 2019. (In Russ.).

2. Azizov R. F. Legal regulation on the Internet: comparative and historical and legal research. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2016: 331. (In Russ.).

3. Danilenkov A. V. The state sovereignty of the Russian Federation in the information and telecommunication network "Internet". *Lex Russica (Russian Law)*, 154—165, 2017. (In Russ?).

4. Tanimov O. V., Kudashkin Ya. V. Prospects of legal regulation of relations on the Internet. *Information law*, 16—20, 2010. (In Russ.).

5. Petrishcheva Ye. N., Lemaikina S. V. Legal aspects of state regulation. *Jurist-Pravoved*, 177—183, 2017. (In Russ.).

6. Pivovarov V. A. Specifics of the influence of Internet communities to form the political agenda in modern Russia (the Telegram messenger as an example). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 113—116, 2019. (In Russ.).

7. Vakhovsky A. M. Political and legal issues of Internet regulation: world experience and Russian practice. *Izvestiya of the Tula State University. Humanities*, 3—11, 2016. (In Russ.).

Zakharov Nikolay Dmitrievich,

head of the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
ratinho@bk.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 14.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.102

**ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ ПРАВО
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Виктор Иванович Шаров

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, v-i-sharov@rambler.ru

Аннотация. В статье обосновывается оперативно-разыскное право как самостоятельная отрасль науки. Подчеркивается, что она отвечает всем критериям самостоятельности правовой отрасли — наличие своего предмета (т. е. совокупности специфических правоотношений) и метода правового регулирования. Видится неверной точка зрения, что оперативно-разыскная деятельность и есть оперативно-разыскное право. Делается вывод, что оперативно-разыскную деятельность и оперативно-разыскное право можно представить как соотношение деятельности или общественной практики и ее правового регулирования. В такой интерпретации оперативно-разыскная деятельность — это собственно деятельность оперативного работника и рекомендации по ее более эффективной реализации, а право — это нормативно-правовое регламентирование данной деятельности.

Основной вывод статьи касается структуры оперативно-разыскной деятельности и состоит в том, что оперативно-разыскное право должно занять самостоятельное место в правовой системе общества.

Ключевые слова: оперативно-разыскное право, оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел, отрасль права

Для цитирования: Шаров В. И. Оперативно-разыскное право и оперативно-разыскная деятельность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 128—134.

DETECTIVE LAW AND DETECTIVE ACTIVITY

Victor Ivanovich Sharov

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, v-i-sharov@rambler.ru

Abstract. The article introduces detective law as an independent scientific area, which is considered to fulfil all the necessary in this case requirements such as the existence of its own subject (i. e. a combination of specific legal relations) and a method of legal regulation. The viewpoint is criticized that detective activity and detective law are the same notions. The authors conclude that detective activity and detective law can be viewed as the relationship between the activity or social practices and their legal regulation. Therefore, detective activity might be interpreted as the actual activity of the detective (officer) and the recommendations in its effective implementation whereas the law can be defined as legislative regulation of this activity.

The main conclusion of the article is connected with the structure of detective activity and states that detective law must take its independent place in the legal system of society.

Keywords: detective law, detective activity, internal affairs bodies, legal area

For citation: Sharov V. I. Detective law and detective activity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 128—134, 2024. (In Russ.).

В последнее время появляются работы, обосновывающие необходимость формирования новой правовой отрасли — оперативно-разыскного права. Говорится о наличии специфических, свойственных данной отрасли общественных отношений, формирующих ее предмет, о специфическом, характерном только ей методе правового регулирования. Данные правовые положения формируются в теории оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). Вполне понятно, что они придают ОРД правовой характер и обосновывают ее отношение к юридическим наукам.

Традиционно все, что относится к правовой составляющей, ученые рассматривают под заголовками «правовое регулирование ОРД», «правовая основа ОРД». Поясним, что «под правовой основой ОРД рассматривается совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, на которых базируется ОРД» [1, с. 40]. Иначе говоря, это не собственно ОРД, а та ее часть, которая содержит правовые нормы, регламентирующие данную сферу деятельности, поскольку именно совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, на которых строится ОРД, составляет ее правовую основу. Собственно, именно такая структура цитированного учебника, где в отдельной главе 2 рассматриваются как раз правовые основы ОРД.

В контексте правового регулирования ОРД публикуются статьи и учебные пособия. Во многих диссертациях, посвященных выявлению и раскрытию отдельных видов преступлений, параграфы или их части посвящаются особенностям правового регулирования ОРД. Это понятно и правильно: есть Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (закон «Об ОРД»), в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (УПК РФ) отдельные положения имеют прямое отношение к оперативной работе, присутствует ряд нормативных правовых актов, более подробно регулирующих отдельные составляющие и ОРД в целом. Все это требует подробного анализа.

Но вот с совершенствованием правовых норм, регламентирующих ОРД, существуют определенные проблемы. Немного отступая от заявленной темы статьи, хочется поделиться впечатлением от попыток исследования правовых основ ОРД применительно к выявлению и раскрытию отдельных видов преступлений. Наш опыт изучения таких диссертаций показывает, что по большей части они поверхностны и содержат неактуальный для

рассматриваемой темы материал. Причина этого вполне объективна — трудно найти специфику правового регулирования ОРД, например при противодействии преступлениям в сфере строительства, хищениям в сфере финансирования государственных программ или других. Примеров можно привести сколько угодно. Разделы получаются невнятными, не отличающимися новизной, потому что этой специфики просто нет. Право, за редким исключением, не регулирует особенности ОРД для противодействия отдельным видам преступлений, а разделы в диссертациях всего лишь дань каким-то устоявшимся традициям. Просто перечислять международный, конституционный, законодательный уровни и уровень нормативных правовых актов при противодействии преступлениям в сфере того же сельского хозяйства совершенно неправильно, поскольку эти положения носят общий характер, а изложение этих известных положений не имеет никакого смысла.

Конечно, если есть специфика, отраженная в нормативных правовых актах (например, при противодействии организованной преступности), то да, нужно выявить особенности ОРД, проанализировать те нормы, которые корректируют деятельность правоохранительных органов в рассматриваемом случае, усовершенствовать их — все это можно вынести в предмет своего исследования. Но если этой специфики нет, то излагать прописные истины вряд ли целесообразно.

Однако, несмотря на некоторое поверхностное понимание правового регулирования ОРД во многих исследованиях, сегодня мы видим немалое количество работ, посвященных этой проблеме. В частности, активно развиваются теоретические основы ОРД в контексте ее цели, задач, регулирования оперативно-разыскных мероприятий, кодификации оперативно-разыскного законодательства и т. д. Остаются актуальнейшими вопросы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, рассматриваемые во взаимодействии с уголовным процессом. Очевидно, что всему этому материалу становится тесно в существующих рамках, и объем накопленного стремится к объединению в структуру оперативно-разыскного права. Иными словами, развитие законодательства приводит к необходимости формирования следующей самостоятельной отрасли права.

Наличие оперативно-разыскного права как самостоятельной отрасли убедительно доказал Ю. Я. Вольдман еще в 1981 г., как писал С. С. Галахов. «Его последователи, к сожалению, скорее

по незнанию, а не по злему умыслу забывали упомянуть о нем как о первом сформулировавшем данное суждение» [2, с. 242]. Отдадим дань автору, впервые констатировавшему наличие новой отрасли права. Однако с тех пор прошло достаточно времени, а идея все еще выглядит не до конца сформированной.

Итак, новая отрасль права не может появиться без объективных на то причин. «Выделение самостоятельных элементов системы права — отраслей и институтов — не случайно. Оно обусловлено спецификой отношений в различных сферах общественной жизни. Правильно построенная система права должна соответствовать реальному, фактически существующему разделению общественных отношений на те или иные обособленные группы» [3, с. 16]. Иначе говоря, одного желания ученых недостаточно, должны присутствовать объективные условия.

Известны и критерии такого выделения. Для самостоятельности правовой отрасли должны сформироваться определенные предпосылки, среди которых важно отметить наличие специфической области общественных отношений, востребованность, настоятельную необходимость и актуальность для общества и наличие государственного интереса в ОРД, присутствие достаточно развитого законодательства. Немалую роль играет и существование самостоятельной науки — теории оперативно-разыскной деятельности, откуда берет начало оперативно-разыскное право.

Сформулированы критерии самостоятельности правовой отрасли — наличие своего предмета (т. е. совокупности специфических правоотношений) и метода правового регулирования [4].

Социальная обусловленность оперативно-разыскного права не вызывает сомнений, а его формирование не изменяет сложившуюся систему права. Так, информационное право шло по пути не только включения в свой состав специфических норм, активно разрабатываемых в последнее время, но и поглощения многих норм из других отраслей права (например, части права интеллектуальной собственности на объекты информационной природы, правоотношения в области информации с ограниченным доступом, массовой информации и т. д.) [5, с. 13]. Тем не менее социальная востребованность победила, и эта отрасль права на данный момент считается сформированной, есть одноименные учебные курсы и научная дисциплина.

В нашем случае все проще. Нормы оперативно-разыскного законодательства никакой иной

отрасли права ранее не принадлежали, законодательство формируется без перетягивания отдельных правовых институтов из других правовых отраслей. Социальный заказ, конечно, не так ярко выражен, как для права информационного, поскольку уже круг субъектов правоотношений. Но это понятно, поскольку ОРД появляется по поводу совершенного преступления и актуальной становится для более узкого круга субъектов, к этому преступлению в той или иной мере причастных. Хотя, например, защита прав и свобод гражданина в ОРД вызывает более широкий интерес в обществе. Однако специалистам необходимость правового регулирования ОРД очевидна и не вызывает сомнений. Труднее добиться признания у теоретиков, занимающихся систематизацией права, но они прислушиваются к отраслевикам. То есть если активно пропагандировать, объяснять необходимость и четко сформулировать особенности предмета и метода оперативно-разыскного права, то признание научной общественности, несомненно, будет.

Вместе с тем возникает вопрос: где же в системе ОРД находится оперативно-разыскное право, выделится ли оно из состава этой науки? Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку нужно определиться, представляет ли собой ОРД в целом часть права или же следует говорить о правовом регулировании ОРД как иной сферы деятельности — например, как строительство и правовое регулирование строительства, как институт брака и семейное право и т. д.

Обратим внимание на некоторые мнения, встречающиеся в литературе. Нам представляется неверной точка зрения, что ОРД и есть оперативно-разыскное право. Этот вывод можно сделать из высказывания Е. В. Кузнецова о «...возможности выделения оперативно-разыскной деятельности в качестве отдельной отрасли права» [6, с. 26].

Такое смешение ОРД и оперативно-разыскного права можно встретить и в учебной литературе. В учебном пособии В. Ю. Алферова, А. И. Гришина, Н. И. Ильина «Правовые основы оперативно-разыскной деятельности» [7] рассматриваются не только собственно положения нормативных правовых актов, но и традиционные для ОРД разделы «Оперативно-разыскная информация и ее роль в борьбе с преступностью», «Оперативно-разыскной процесс и его формы», «Разыскная работа», которые представляют собой разделы теории ОРД. Полагаем, что данные разделы не могут претендовать и на соответствующие институты оперативно-разыскного права. Хотя, конечно, структура пособия во многом совпадает с законом

«Об ОРД», содержит главы о понятии ОРД, ее субъектах, оперативно-разыскных мероприятиях, контроле и надзоре за ОРД. Тем не менее, если полагать, что структура учебного пособия есть авторское видение составляющих правовых основ ОРД, то она, скорее, представляет изложение основных положений и составляющих теории ОРД. Таким образом, и здесь правовые основы ОРД отождествлены с собственно оперативно-разыскной деятельностью.

Справедливости ради отметим, что большей частью все же правовые основы излагаются как совокупность правовых актов в сфере ОРД, а их анализ проводится в соответствии со структурой закона. Так, профессором В. М. Аتماжитовым и коллективом авторов было сформулировано понятие правовой основы ОРД, под которой они понимают «систему правовых норм, содержащихся в законах и подзаконных нормативных правовых актах, создающих правовые предпосылки (условия) для осуществления специальных организационных мер и оперативно-розыскных действий либо непосредственно регламентирующих применение таких мер и действий» [8, с. 19]. В эту систему правовых норм они включают, как и другие ученые, все нормы и предписания, в той или иной степени регламентирующие ОРД, включая законы, подзаконные акты, в том числе ведомственные, и международные нормативные правовые акты. Причем последние в большей степени описывают сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с преступностью, чем собственно ОРД.

Обратим внимание, что структура законодательства той или иной области еще не структура права. Максимально приближены они в кодифицированных законодательствах. В случае же с ОРД речь идет даже не о структуре законодательства, а лишь о перечислении законодательных норм, регламентирующих данную сферу деятельности, детализация которых проводится в соответствии со структурой закона. И конечно же, это не относится к структуре оперативно-разыскного права, которая представляется еще не разработанной.

Вернемся к соотношению оперативно-разыскной деятельности и права. Сфера ОРД осуществляется оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 закона «Об ОРД»). Особая ее эффективность в борьбе с преступностью (как в свое время

написал М. А. Шматов, «человечество пока еще не выработало, и вряд ли когда-нибудь выработает, более адекватные и эффективные методы борьбы с преступностью, чем ОРД») вызывает необходимость ее строгого регламентирования со стороны права. Отрасль права представляет собой совокупность норм права, направленных на регулирование качественно однородной группы общественных отношений. Совокупность правовых норм определяет, конечно, характер деятельности, но лишь в принципиальных для общества положениях, и при этом не может характеризовать эту деятельность в полном объеме.

Как пишет Ю. Ф. Кваша, ОРД «...опирается на правовую основу, т. е. включающую законы, ведомственные и иные правовые акты, имеет одним из основных своих принципов принцип законности, согласно которому должно обеспечиваться верховенство закона при регулировании деятельности правоохранительных органов» [9].

В такой интерпретации понятно, что есть ОРД как немалая составляющая правоохранительной деятельности или как часть общественной практики, и есть законодательство, регламентирующее общественные отношения в данной сфере. Это обычная ситуация — практически все сколь-нибудь значимые сферы человеческой деятельности, в которых могут возникать противоречия между субъектами, регламентированы соответствующими законами. При развитой системе законодательства они приобретают черты правовой отрасли.

Нам представляется, что неправильно считать синонимичными ОРД и оперативно-разыскное право (напрашивается аналогия с информатикой и информационным правом), правовой характер ОРД (в отличие от информатики в предыдущем сравнении) не должен вводить в заблуждение. Общественные отношения, в которые вступают субъекты при исполнении своих прав и обязанностей в области ОРД, и нормы права, их регулирующие, — это разные понятия.

Соотношение ОРД и оперативно-разыскного права, по всей видимости, можно представить как соотношение собственно деятельности или общественной практики и ее правового регулирования. Легко можно найти аналогию — в таком же взаимном соотношении (на наш взгляд, даже более тесном) находятся криминалистика и уголовно-процессуальное право. Если право задает основу, хотя и довольно детальную, предварительного расследования и судебного разбирательства, то криминалистика вырабатывает рекомендации

по более эффективной деятельности следователя, вооружает его соответствующими средствами и методами деятельности. В такой интерпретации ОРД — собственно деятельность оперативного работника и рекомендации по ее более эффективной реализации (оперативно-разыскная тактика, методика документирования и т. д.), а право — нормативно-правовое регламентирование этой деятельности. Все вместе и есть ОРД в сегодняшнем понимании.

Конечно, есть вопросы правового регулирования ОРД, относящиеся к другим отраслям права. Самые актуальные из них — это использование результатов ОРД в доказывании. Предполагаем, что при совершенствовании правовых рычагов воздействия на ОРД, использовании типично оперативных средств, включая негласные, в содержании уголовного процесса таких вопросов, регулируемых процессуальным правом, будет еще больше.

Без сомнения, это нормы уголовного процесса, однако они напрямую относятся и к ОРД. Каким образом разделить эту «пересекающуюся» область? Особенно сейчас, когда ОРД находится в состоянии развития своей правовой доктрины, о чем свидетельствуют многочисленные публикации с предложениями о разработке нового закона «Об ОРД», а также кодификации оперативно-разыскного законодательства. Вокруг всего этого возникли дискуссии, но они не приближают решения проблем, поскольку позиции различных членов научного сообщества не сходятся.

Возьмем в качестве примера судебную экспертизу. Без сомнения, это довольно развитая система деятельности, направленная на использование специальных знаний в сфере судебного производства. Сегодня это и сфера практической деятельности, и научное знание с довольно подробно разработанной общей теорией судебной экспертизы.

Судебная экспертиза отрегулирована в уголовно-процессуальном праве и представляет собой самостоятельный правовой институт, ей посвящена глава 27 УПК РФ. Институт сформировавшийся, поскольку берет свое начало еще с Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., именно там было зафиксировано, каким образом специальные знания сведущих лиц могут быть использованы для целей судебного следствия. Кроме этого, правовую базу развивает и специальный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹.

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая

Вместе с тем в общей теории судебной экспертизы также есть раздел, в котором говорится о ее правовых основах. По поводу этого возникли разногласия между научными школами, а именно: входит ли правовое регулирование судебной экспертизы в ее теорию или это содержание регулирования соответствующих отраслей процессуального права, где судебная экспертиза применяется.

С одной стороны, Т. В. Аверьянова в своей монографии обосновала положение, согласно которому общая теория судебной экспертизы не должна содержать вопросы права. Позицию Т. В. Аверьяновой легко понять, поскольку она опирается на тезис, что все, составляющее правовое регулирование судебной экспертизы, является институтом уголовного процесса. «Судебная экспертиза связана с процессуальным правом по характеру соподчиненности, исходя из того, что это право определяет положения по законодательному регулированию судебной экспертизы» [10, с. 65—66].

Ведущее значение уголовно-процессуального права для судебной экспертизы не вызывает каких-либо возражений. Уголовно-процессуальное право развивает правовой институт судебной экспертизы, совершенствует его в соответствии с существующей парадигмой и, собственно, не противоречит включению его в свою сферу.

Вместе с тем, если посмотреть сегодняшние учебники по судебной экспертизе [11], то все они содержат немало материала, связанного с правовой формой судебной экспертизы, ее назначением, правами и обязанностями субъектов, видами судебных экспертиз и т. д. Конечно, структура учебного курса не совпадает со структурой теории, которую мы сейчас обсуждаем. Но степень общности все же большая.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основном научная общественность исходит из того, правовые вопросы должны составлять содержание теории судебной экспертизы. Правовая природа этой науки не обсуждается, хотя в последнее время Е. Р. Россинская и подвергла сомнению этот, казалось бы, устоявшийся тезис.

На самом деле есть все основания делать такие выводы. Судебная экспертиза занимается правовыми вопросами, служит решению правовых задач — значит, она и есть правовая наука. Но нам представляется, что в этих рассуждениях произошла подмена содержания науки формой (областью)

2001 г. № 73-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2024).

ее применения. Иными словами, ее характер определяется не содержанием (физические, химические, компьютерные исследования), а чем-то иным, сферой применения: работает в правовой сфере, направлена на защиту граждан и борьбу с преступностью (в рамках уголовного процесса) — следовательно, носит правовой характер.

Как видим, приемлемого для всех ответа нет. Судебная экспертиза как деятельность лица, обладающего специальными знаниями, выступает институтом процессуального права, полностью интегрирована в уголовно-процессуальный кодекс.

Такого не скажешь об ОРД, которая в настоящее время автономна и объединила в себе как собственно деятельность, так и ее правовое регулирование. Поэтому вопросы соотношения ОРД и ее правового регулирования могут двигаться по еще более сложной траектории.

Произойдет ли более полное размежевание оперативно-разыскной деятельности и права по аналогии с криминалистикой и уголовно-процессуальным правом — неясно. Прогнозы дело неблагоприятное. В таком состоянии ОРД существовала уже достаточно долго, и выделе-

ние правовой составляющей не последовало. Кроме того, ОРД и криминалистика с уголовно-процессуальным правом создавались по-разному, криминалистика появилась, как и ОРД, из практической необходимости правоохранительных органов, уголовно-процессуальное право предшествовало криминалистике, в ОРД же наоборот: потребность в оперативно-разыском праве появляется уже в развитой и сформированной сфере деятельности, т. е. существенно позже. Кроме того, ОРД как наука создавалась внутри криминалистики и выделилась из нее в процессе дифференциации наук. Корни общие, а процесс становления и исторического развития разный. Однако дифференциация этих наук по характеру, методам и субъекту деятельности далеко не полная. Общие корни, да и общая цель борьбы с преступностью во многом объединяют данные науки.

Тем не менее, отвечая на вопрос о структуре ОРД, по всей видимости, следует ответить скорее да, чем нет, т. е. оперативно-разыскому праву следует выделиться из ОРД и занять самостоятельное место в правовой системе общества.

---

1. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Инфра-М, 2006. 832 с.

2. Галахов С. С. Направления совершенствования законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности // Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28—29 апреля 2022 г.). Ч. 1 / под ред. Г. В. Щербаклова, Г. С. Шкабина. Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022. С. 242.

3. Бошно С. В. Система права и система законодательства // Право и современные государства. 2013. № 5. С. 15—35.

4. Давыдов С. И., Пинчук А. П. О критериях выделения самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3. С. 9—18.

5. Шаров В. И. Информационное право: учеб. пособие. Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2007. 102 с.

6. Кузнецов Е. В. Методы правового регулирования оперативно-розыскного права: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 3. С. 26—37.

---

1. Detective activity. Textbook. Ed. by K. K. Gorjainov, V. S. Ovchinskiy, G. K. Sinilov 2nd ed. Moscow: Infra-M; 2006: 832. (In Russ.).

2. Galakhov S. S. Ways to improve detective legislation. In: Criminal law and detective activity: legislative, scientific and practical issues. Materials compilation of VIII international scientific practical conference, April 28th—29th 2022, Moscow, Russia. Vol. I. Ed. by G. V. Shcherbakov, G. S. Shkabin. Moscow: FSI RI FPS of Russia; 2022: 242. (In Russ.).

3. Boshno S. V. System of law and system of legislation. Law and contemporary states, 15—35, 2013. (In Russ.).

4. Davydov S. I., Pinchuk A. P. On the problem of criteria to classify a separate branch of detective law. Works of Management Academy of the MIA of Russia, 9—18, 2020. (In Russ.).

5. Sharov V. I. Information Technology law. Textbook. Nizhny Novgorod: Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior Russia; 2007: 102. (In Russ.).

6. Kuznetsov Ye. V. Methods of legal regulation of detective law: theoretical and practical issues. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 26—37, 2011. (In Russ.).

7. Alferov V. Yu., Grishin A. I., Ilyin N. I. Legal basis for detective activity. Textbook. Saratov:

7. Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. Саратов: Сарат. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 296 с.

8. Правовые основы организации оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / А. В. Парфенов, В. М. Аتماжитов, Ю. А. Лапунова, Р. Р. Ханнанов. Москва: Акад. управления МВД России, 2021. 103 с.

9. Кваша Ю. Ф. Законодательные основы оперативно-розыскной деятельности: лекции. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-8-9-osnovy-ord/11.htm> (дата обращения: 12.10.2022).

10. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2023, 480 с.

11. Галяшина Е. И., Зинин А. М., Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.

Saratov social-economical institute — branch of the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov; 2016: 296. (In Russ.).

8. Parfenov A. V., Atmazhitov V. M., Lapunova Yu. A., Khannanov R. R. Legal basis for detective activity organization. A course of lectures. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia; 2021: 103. (In Russ.).

9. Kvascha Yu. F. Legal basis for detective activity. Lectures. Available from: <http://www.bibliotekar.ru/2-8-9-osnovy-ord/11.htm> Accessed: 12 October 2023. (In Russ.).

10. Averyanova T. V. Forensic science: A course of general theory. Monograph. Moscow: Norm: Infra-M; 2023: 480. (In Russ.).

11. Galyashina Ye. I., Zinin A. M., Rossinskaya Ye. R. Theory of forensic science (Forensic examination). Textbook. Ed. by Ye. R. Rossinskaya. 2nd ed. Moscow: Norm: Infra-M; 2016: 368. (In Russ.).

Шаров Виктор Иванович,

профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
v-i-sharov@rambler.ru

Sharov Victor Ivanovich,

professor at the department of detective activity
in the internal affairs bodies
of the Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
v-i-sharov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.359

**ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ**

Дмитрий Юрьевич Вельможко

ГУ МВД России по Волгоградской области, Волгоград, Россия
тел.: 8-8442-30-49-47

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу объекта преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, с позиции современной уголовно-правовой доктрины. Результаты изучения статистических данных свидетельствуют о снижении количества обвинительных приговоров по делам об указанных деяниях, что может быть обусловлено их высокой латентностью и проблемами правоприменительного характера. Между тем потенциальная опасность подобных посягательств для экономической безопасности государства вполне очевидна.

В работе особое внимание уделяется вопросу законодательного определения экономической деятельности в качестве видового объекта налоговых преступлений и обоснованию того, что подобный подход не в полной мере отражает специфику правоотношений, возникающих в сфере налогообложения. На основе анализа работ ведущих ученых-правоведов аргументируется необходимость структурного обособления налоговых преступлений в отдельную главу Уголовного кодекса Российской Федерации с самостоятельным видовым объектом — административным порядком обеспечения фискальной функции налоговых органов и надлежащего аккумулирования и перераспределения денежных средств в процессе формирования государственной казны. Приводятся доводы в пользу того, что данное решение соответствует тенденциям развития уголовного законодательства и позволит повысить эффективность противодействия налоговой преступности.

Ключевые слова: налоговые преступления, объект преступления, уклонение от уплаты налогов, фискальная функция, экономическая деятельность

Для цитирования: Вельможко Д. Ю. Дискуссионные вопросы определения объекта преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 135—141.

**DISCUSSABLE ISSUES OF THE DEFINITION OF THE OBJECT OF THE CRIMES
RELATED TO EVASION OF TAXES AND OTHER MANDATORY PAYMENTS**

Dmitry Yuriyevich Velmozhko

Main Head-Office of the Ministry of the Interior of Russia in the Volgograd Region, Volgograd, Russia,
tel.: 8-8442-30-49-47

Abstract. The given article deals with a comprehensive analysis of the object of crimes provided for in Articles 198 and 199 of the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view of the modern criminal law doctrine. The results of the study of the statistical data indicate a decrease in the number of convictions in cases related to these acts that may be due to high latency of the mentioned acts and problems of law enforcement. Meanwhile, the potential danger of such offences for the economic security of the state is quite obvious.

The author of the given article pays a special attention to the issue of legislative definition of the economic activity as a specific object of tax crimes and substantiation of the fact that such an approach does not reflect fully the specifics of legal relations appearing in the sphere of taxation. Based on the analysis of the works of the leading legal scholars, the author of the article points out the necessity to separate structurally tax crimes into a separate chapter of the Criminal Code of the Russian Federation with an independent specific object, that is, the administrative procedure for ensuring the fiscal function of tax authorities and the proper accumulation and redistribution of funds while forming the state treasury. There are arguments in favor of the fact that this decision is consistent with the trends in the development of the criminal legislation and will improve the effectiveness of combating tax crime.

Keywords: tax crimes, the object of crime, tax evasion, fiscal function, economic activity

For citation: Velmozhko D. Yu. Discussable issues of the definition of the object of the crimes related to evasion of taxes and other mandatory payments. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 135—141, 2024. (In Russ.).

Преступления, связанные с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных сборов, представляют собой особую категорию деяний, которые в общей структуре преступности представлены относительно невысокими показателями. Несмотря на это, совокупный ущерб от данных посягательств может быть значительным, что обуславливает необходимость пристального внимания к ним.

Согласно официальным статистическим данным, за последние несколько лет количество обвинительных приговоров за уклонение от уплаты налогов и сборов постоянно снижается¹. Исключением стал истекший год, в котором отмечен рост числа приговоров по ч. 2 ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) при одновременном снижении числа осужденных за другие изучаемые преступления (см. табл.).

Из анализа приведенной статистики следует, что, несмотря на небольшое количество установленных судом фактов уклонения от уплаты налогов, групповые формы данного посягательства на практике встречаются сравнительно чаще одиночных, а учитывая, что объемы экономической деятельности, даже одной успешно функционирующей организации, могут исчисляться десятками и сотнями миллионов рублей дохода за налоговый период, потенциал ущерба, причиняемого государственному бюджету в результате совершения подобных преступлений, приобретает существенные масштабы.

В наиболее общем виде (согласно устоявшемуся в современной уголовно-правовой доктрине подходу) под объектом преступления в целом следует понимать совокупность общественных отношений, которым в результате совершения деяния причиняется определенный вред или создается непосредственная угроза его причинения [1; 2]. Вместе с тем отграничение родового, видового и непосредственного объектов конкретного посягательства проводится в зависимости от особенностей его структурного расположения в уголовном законе.

Деяния, предусмотренные ст. 198, 199 УК РФ, с точки зрения родового объекта посягают на экономику в целом, под которой, по сложившемуся в науке мнению, в общем можно понимать совокупность форм, методов и направлений реализации хозяйственных процессов, в ходе и по результатам которых производятся, отчуждаются или перераспределяются материальные и нематериальные блага.

Видовым объектом выступает экономическая деятельность, которую в данном контексте следует отграничивать от деятельности предпринимательской, поскольку данные понятия, на наш взгляд, соотносятся как целое и часть и не могут пониматься в качестве тождественных.

**Количество обвинительных приговоров
по делам о преступлениях, связанных с уклонением
от уплаты налогов и иных обязательных сборов**

Статья УК РФ	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Ч. 1 ст. 198	46	26	22	19	9
Ч. 2 ст. 198	15	5	7	3	2
Ч. 1 ст. 199	65	40	29	29	14
Ч. 2 ст. 199	288	139	102	103	170
<i>Итого:</i>	414	210	160	154	195

¹ См.: Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по конкретным статьям УК РФ. URL: <https://clck.ru/32X49F> (дата обращения: 10.05.2024).

В целом экономическая деятельность представляет собой высшую форму абстракции, поэтому сложности, возникающие при попытках определить ее содержание, попросту неизбежны, а многообразие подходов и интерпретаций вполне закономерно [3; 4]. Если постараться максимально обобщить содержательные границы данного понятия, то можно определить экономическую деятельность как совокупность способов реализации различными хозяйствующими субъектами общественно полезной, не противоречащей закону деятельности, предполагающей их активное или пассивное участие в производстве, распределении, обмене или потреблении материальных (а равно нематериальных) благ, целью которой выступает удовлетворение наличествующего интереса (потребности), а фактическим результатом — увеличение валового продукта.

В то же время указание исключительно на экономическую деятельность в качестве видовой объекта преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных сборов, представляется неоправданным. Дело в том, что при неуплате налогов вред причиняется обществу и государству, а его причины обусловлены некорректным функционированием публично-правовых отношений административного характера (так как из-за преступного умысла заинтересованного лица нарушается выполнение фискальной функции). Отступление от установленного порядка общественного управления неизбежно влечет за собой негативные последствия, в том числе для отношений, обеспечивающих этот порядок. Следовательно, видовой объект преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, обязательно включает в себя дополнительный аспект, связанный с нарушением порядка управления.

Непосредственным объектом данных составов в традиционном понимании выступает совокупность общественных отношений, которыми опосредуется формирование доходной части государственного бюджета за счет обязательных сборов и отчислений физических лиц и организаций при ведении ими экономической деятельности. Данный вывод вытекает из понимания общественной опасности уклонения от уплаты налогов правоприменителем и подтверждается соответствующими положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48¹.

¹ О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда Российской Феде-

А. А. Синичкин указывает, что объектом изучаемых преступлений выступают финансовые интересы государства в части формирования бюджета [5]. Аналогичного мнения придерживаются А. А. Коновод [6] и Ж. А. Николаева [7].

Д. И. Митюшев включает в объект данных преступлений общественные отношения, возникающие в финансовой сфере государства по поводу формирования бюджетов разных уровней (что позволяет относить к предмету в том числе региональные налоги и сборы) [8].

В. П. Рольян склонен понимать непосредственный объект налоговых преступлений несколько шире — как «социальные интересы государства и всего общества (финансовые интересы, интересы пенсионного, медицинского и страхового обеспечения населения и т. д.)» [9, с. 11].

Характер непосредственного объекта рассматриваемых составов преступлений определяется совокупностью факторов, в частности тем, что при систематическом уклонении от уплаты обязательных платежей при формировании бюджета:

— происходит нарушение финансирования общественно важных сфер, носящих в том числе стратегический характер и связанных с обеспечением национальных интересов страны (например, отдельные направления реализации социальной политики), и т. п.;

— формируются тенденции и условия для недобросовестной конкуренции в сфере предпринимательства (получающие выгоду в результате уклонения от уплаты налогов лица могут более гибко варьировать ценовую политику, заставляя добросовестных предпринимателей-налогоплательщиков нести необоснованные убытки);

— средства федерального и регионального бюджетов, а также бюджетов государственных фондов (Социальный фонд РФ) предполагают равномерное распределение на нужды населения вне зависимости от того, в полном ли объеме поступили налоги и иные обязательные сборы (соответственно, при дефиците бюджета из-за уклонения от уплаты налогов добросовестные налогоплательщики, которыми могут являться малозащищенные категории населения, например пожилые граждане, инвалиды, многодетные семьи и т. п., недополучают необходимые блага) [10].

рации от 26 ноября 2019 г. № 48 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://clck.ru/3AnHfZ> (дата обращения: 24.05.2024).

Однако при рассмотрении объекта преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, возникают определенные проблемы, связанные с отсутствием четкого указания законодателем на характер (вид) налогов, уклонение от уплаты которых является основанием привлечения лица к уголовной ответственности. В этой проблеме можно выделить два аспекта:

— во-первых, остается открытым вопрос о том, наступает ли ответственность за уплату одного (конкретного) вида налога (при условии превышения допустимого предела задолженности и недоимки, подпадающего под признаки крупного размера) или правоприменитель имеет полномочия произвести совокупное сложение по всем имеющимся у лица (организации) налоговыми задолженностям, даже если по отдельно взятым налогам граница крупного размера за отчетный период не превышена. Более оправданным видится именно второй вариант, поскольку вне зависимости от типа сокрытого налога общественная опасность деяния, обусловленная недополучением средств в федеральный или региональный бюджеты (или бюджет фонда), присутствует. Кроме того, исходя из так называемого принципа симметричности бухгалтерских баз, ситуация, при которой организация уклоняется от уплаты исключительно налога на добавленную стоимость (далее — НДС), видится практически невозможной, поскольку внесение заведомо ложных сведений в декларацию по НДС без заведомого изменения налоговой базы, из которой рассчитывается тот же налог на прибыль организаций, представляется весьма проблематичным (в данном случае возникнет больше оснований для налоговой проверки) [11].

С другой стороны, для исключения возможности неправильного толкования диспозиции ст. 198 и 199 УК РФ целесообразно внести в нее соответствующие уточнения (например, указать в примечании на возможность квалификации уклонения от уплаты налогов, сборов в случае превышения крупного размера вне зависимости от их вида и количества);

— во-вторых, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 прямо указано, что основанием уголовной ответственности выступает уклонение от уплаты федеральных, региональных и местных налогов и сборов. Однако, как справедливо отмечает Д. Ю. Кашубин [12], размер последних может существенно варьироваться, что обуславливает ситуацию, при которой на территории одного субъекта РФ установлена уголовная ответственность

за деяние, за его пределами таковым уже не являющееся (что напрямую следует из положений ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 22.06.2024) (далее — НК РФ). Такая ситуация может создать угрозу нарушения постулата о равенстве всех граждан перед законом, ведь в подобном случае содержание уголовно наказуемого деяния будет разным в зависимости от региона страны, а это противоречит еще и принципу законности.

В этом смысле видится уместным предложение об определении непосредственного объекта анализируемых преступлений исключительно исходя из содержания тех общественных отношений, которые обеспечивают порядок взимания только федеральных налогов и сборов.

Кроме того, говоря об объекте рассматриваемых составов преступлений, можно указать на целесообразность структурного обособления посягательств данной категории в отдельную главу с самостоятельным видовым объектом — административным порядком обеспечения фискальной функции налоговых органов и надлежащего аккумулирования и перераспределения денежных средств в процессе формирования государственного бюджета и бюджета государственных фондов. Данные правоотношения имеют выраженную специфику, которая, как представляется, не находит должного отражения при понимании видового объекта этих посягательств как экономической деятельности в ее наиболее общем виде.

В качестве аргумента в пользу такого решения можно указать на успешные попытки концептуального обоснования аналогичных подходов применительно к преступлениям иной категории, в частности, связанных с посягательствами на информационную безопасность.

Так, М. А. Ефремова предлагает их организационно-структурное обособление в самостоятельный раздел, а в пределах этого раздела — внутреннюю дифференциацию по признаку видового объекта (ученым выделены посягательства, направленные против прав на информацию и ее охрану от неправомерного доступа, против безопасности информационных ресурсов, а также против безопасности информационно-телекоммуникационных технологий [13]).

Автор справедливо подчеркивает, что институционализация уголовной ответственности должна предполагать учет единого родового объекта, в пределах которого конкретные посягательства дифференцируются по главам и отдельным составам преступлений, и быть ее прямым закономерным

следствием. Между тем в качестве обоснования указывается, что в уголовно-правовом аспекте явление (или совокупность отношений, в случаях, связанных с обеспечением информационной безопасности), которым причиняется вред, носит заведомо сложный и многоструктурный характер [13]. Именно это обстоятельство М. А. Ефремовой положено в основу выделения всей совокупности посягательств по признакам отдельного родового объекта, а также последующего их внутреннего распределения по особенностям видовой объекта соответственно. С точки зрения технико-юридического оформления уголовного закона это также было бы весьма удобно и последовательно (особенно учитывая, что в действующей редакции УК РФ законодатель и так исходит из аналогичных принципов структурной организации Особенной части).

В некоторой степени похожего подхода придерживается М. Г. Жилкин, который предлагает выделить в самостоятельную главу преступления, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности, обосновывая такое решение тем, что экономическая деятельность (заявленная законодателем в качестве видовой объекта посягательств, предусмотренных ст. 169—200⁷ УК РФ) не в полной мере охватывает специфику данной области и такое структурное объединение различных по своему видовому объекту посягательств в рамках одной главы с точки зрения юрисконсультской оптимизации видится неэффективным [14].

Отметим, что в рамках отдельной главы с обособленным видовым объектом — общественными отношениями, складывающимися в ходе осуществления субъектами предпринимательской деятельности, М. Г. Жилин склонен выделять две условные категории посягательств, у которых, по его мнению, видовой объект неодинаков и характеризуется определенными институциональными отличиями (автор выделяет посягательства, связанные непосредственно с осуществлением неправомерной предпринимательской деятельности и с нарушением установленного законом порядка регулирования ее организационных основ) [14].

М. В. Талан в обоснование схожей позиции указывает, в частности, на некорректность определения законодателем структурной локализации отдельных составов преступлений в сфере экономической деятельности (в части неверного определения их объекта), которые, по мнению ученого, должны находиться в иных главах и даже разделах УК РФ (пример — ст. 189 УК РФ, видовым и непо-

средственным объектами которой, как полагает автор, выступает мир и безопасность человечества, а не экономическая деятельность) [15].

Кроме того, М. В. Талан предлагает выделить самостоятельную главу 22.1 УК РФ, в которой видовой объект определить более узко по отношению к главе 22 с акцентом на специфику способа реализации посягательства (обозначить ее как «преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием») [15]. Помимо этого, автором сформулирована точка зрения, впоследствии актуализированная М. А. Ефремовой, о целесообразности отграничения посягательств в сфере информационных отношений и помещением их в самостоятельную главу УК РФ [15].

А. В. Пирогов также обращает внимание на то, что налоговые преступления представляют самостоятельную группу деяний, основанием выделения которой является отрасль права. Автор при этом указывает, что «анализ содержания отношений в сфере налогообложения, охраняемых уголовно-правовыми нормами, позволяет подразделить налоговые преступления на группы. Исходя из характеристики объекта преступного посягательства, выделяются преступления против порядка налогообложения и порядка расчета и уплаты налогов. Дополнительным основанием такого деления являются субъекты уголовной ответственности и юридические факты, порождающие соответствующие обязанности» [16, с. 10].

Приведенные примеры наглядно показывают, что предложения по структурной оптимизации УК РФ в части выделения дополнительных глав с самостоятельным видовым объектом не являются радикальными и при наличии и возможности концептуального обоснования соответствующей необходимости (или, по крайней мере, теоретической целесообразности) могут быть приняты во внимание нормотворческой практикой. Поэтому представляется допустимым указать на несколько некорректное определение законодателем видовой объекта преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ, и необходимости переосмысления их нынешнего расположения в рамках раздела VIII УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем следующие выводы.

Во-первых, предлагается выделить в разделе VIII УК РФ самостоятельную главу по признакам видовой объекта — административный порядок обеспечения фискальной функции налоговых органов и надлежущего аккумулирования и перерас-

пределения денежных средств в процессе формирования государственного бюджета и бюджета государственных фондов, в которую включить все налоговые преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК РФ, поскольку, как представляется, при понимании видового объекта этих посягательств как экономической деятельности в ее наиболее общем виде их выраженная специфика не находит должного отражения.

Во-вторых, непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, следует считать исключительно те общественные отношения, которые обеспечивают установленный законом административный порядок взимания федеральных налогов, сборов и иных обязательных платежей, обеспечивающий надлежащую реали-

зацию фискальной функции административно-государственного аппарата и, как следствие, полноценное формирование доходной части государственного бюджета и бюджетов государственных фондов. Соответственно, предметом преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей, в контексте изучаемых деяний следует считать только налоги и сборы федерального уровня (а также иные обязательные платежи), обязанность уплаты которых распространяется на всю территорию Российской Федерации. Такой подход позволит не отклоняться от принципа законности и равенства всех перед законом, который, как представляется, при существующем положении дел соблюдается не в полной мере.

---

1. Попов А. Н. Объект преступления: учеб. пособие / под ред. Л. С. Аистовой. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. 40 с.

2. Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. А. В. Наумова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 448 с.

3. Шувалов И. И. Понятие экономической деятельности в современном праве России // LexRussica. 2020. № 6 (163). С. 61—67.

4. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. Москва: Норма, 2020. 992 с.

5. Синичкин А. А., Сергеева А. В. Особенности составов налоговых преступлений по уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 2 (12). С. 73—76.

6. Коновод А. А. Объект и объективная сторона уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица как основные ориентиры в расследовании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 181—187.

7. Николаева Ж. А. Противодействие налоговым преступлениям: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 30 с.

8. Митюшев Д. И. Налоговые преступления: Спорные вопросы ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. 219 с.

9. Рольян В. П. Налоговые преступления: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 215 с.

---

1. Popov A. N. Object of crime. Textbook. Ed. by L. S. Aistova. Saint Petersburg: Saint Petersburg Legal Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 2014: 40. (In Russ.).

2. Criminal law. General part. Textbook for universities. Ed. by A. V. Naumov. 6th ed., rev. and enlarged. Moscow: Yurait; 2024: 448. (In Russ.).

3. Shuvalov I. I. The concept of the economic activity in the modern Russian law. LexRussica, 2020, 61—67. (In Russ.).

4. Entrepreneurial law of the Russian Federation. Ed. by Ye. P. Gubin, P. G. Lakhno. Moscow: Norma; 2020: 992. (In Russ.).

5. Sinichkin A. A., Sergeyeva A. V. Features of the composition of tax crimes provided for the Criminal Code of the Russian Federation. Vestnik of the Russian University of Cooperation, 2013, 73—76. (In Russ.).

6. Konovod A. A. The object and objective part of tax evasion and (or) fees by an individual as the main guidelines in the investigation. Vestnik of the Tula State University. Economic and legal sciences, 2015, 181—187. (In Russ.).

7. Nikolayeva Zh. A. Counteracting tax crimes: criminal law and criminological aspects. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2022: 30. (In Russ.).

8. Mityushev D. I. Tax crimes: Controversial issues related to liability. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnoyarsk; 2002: 219. (In Russ.).

9. Rolyan V. P. Tax crimes: qualification and prevention. Dissertation of candidate of juridical sciences. Stavropol; 2000: 215. (In Russ.).

10. Левшукова О. А. Уклонение от уплаты налогов как социально-экономическое явление в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (48). С. 408—413.

11. Васильева Е. Г., Азовцева А. А. Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений по ст. 198, 199 УК РФ с учетом положений Федерального закона № 263-ФЗ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 64—68.

12. Кашубин Д. Ю. Налоговые преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 29 с.

13. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 59 с.

14. Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 402 с.

15. Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 475 с.

16. Пирогов А. В. Налоговые преступления: Толкование, применение, совершенствование уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 23 с.

10. Levshukova O. A. Tax evasion as a socio-economic phenomenon in Russia. Natural sciences and humanities research, 2023, 408—413. (In Russ.).

11. Vasilyeva Ye. G., Azovtseva A. A. Criminal law characteristics of tax crimes provided for Art. 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the provisions of Federal Law № 263-FZ. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2023, 64—68. (In Russ.).

12. Kashubin D. Yu. Tax crimes in the criminal law of Russia. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 29. (In Russ.).

13. Yefremova M. A. Criminal law protection of information security. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2018: 59. (In Russ.).

14. Zhilkin M. G. Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2019: 402. (In Russ.).

15. Talan M. V. Crimes in the sphere of economic activity: issues of theory, legislative regulation and judicial practice. Dissertation of doctor of juridical sciences. Kazan; 2002: 475. (In Russ.).

16. Pirogov A. V. Tax crimes: interpretation, application, improvement of the criminal legislation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2004: 23. (In Russ.).

Вельможко Дмитрий Юрьевич,

начальник ГУ МВД России
по Волгоградской области,
кандидат юридических наук;
тел.: 8-8442-30-49-47

Velmozhko Dmitry Yuriyevich,

head of the Main Head-Office
of the Ministry of the Interior of Russia
in the Volgograd Region,
candidate of juridical sciences;
tel.: 8-8442-30-49-47

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 09.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 09.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.6

**СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
О НЕЗАКОННОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Дарья Евгеньевна Незнаева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, daria.rus@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц. Как показал проведенный анализ нормативных правовых актов в исторической ретроспективе, данный вопрос долгое время оставался без внимания. Это было связано с тем, что в историческом прошлом учитывались, прежде всего, интересы кредиторов. К заемщикам применялись самые жесткие меры по взысканию долгов, и лишь с гуманизацией общественных отношений возник вопрос о наказании, в том числе уголовном, за злоупотребление соответствующими субъектами своими полномочиями в процессе возврата просроченной задолженности физических лиц. В России указанная проблема встала достаточно остро с переходом к рыночным отношениям и становлением качественно новой финансовой (включая кредитную) системы. В статье делается вывод, что потребность в развитии уголовного законодательства в части регламентации ответственности за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц в Российской Федерации возникла по мере становления кредитного рынка и одновременно зарождения и развития коллекторских агентств.

Ключевые слова: просроченная задолженность, незаконная деятельность, деятельность по возврату долгов, уголовное законодательство, уголовно-правовая охрана интересов заемщика

Для цитирования: Незнаева Д. Е. Становление уголовного законодательства России о незаконном осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 142—148.

**FORMATION OF CRIMINAL LEGISLATION IN RUSSIA
RELATED TO THE ILLEGAL ACTIVITIES
TO RECOVER OVERDUE DEBTS OF INDIVIDUALS**

Dariya Yevgenievna Neznayeva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, daria.rus@inbox.ru

Abstract. The article deals with the issues of formation of Russian criminal legislation concerning the responsibility for illegal activities to recover overdue debts of individuals. According to the made analysis of normative legal acts in the historical retrospective, this issue has not been paid attention to for a long time. It was because in the historical past, first of all, the interests of creditors were taken into consideration. The strongest possible measures were applied to borrowers to recover debts. The issue of punishment (for the relevant actors to abuse their powers while recovering overdue debts of individuals) including a criminal one has arisen with the humanization of social relations. In Russia the indicated problem has become rather serious, when transiting to market relations and forming a qualitatively new financial system (including a credit one). In the article the author concludes that the need to develop criminal legislation in the sphere regulating responsibility for illegal activities to recover overdue debts of individuals in the Russian Federation has arisen along with the formation of credit market as well as the simultaneous formation and development of debt collection agencies.

Keywords: overdue debt, illegal activity, debt recovery activity, criminal legislation, criminal law protection of the borrower's interests

For citation: Neznayeva D. Ye. Formation of criminal legislation in Russia related to the illegal activities to recover overdue debts of individuals. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 142—148, 2024. (In Russ.).

Проблемы правового регулирования возврата долгов появились вместе с зарождением экономических отношений. Вместе с тем в исторической ретроспективе все структуры, государственного или частного характера, принимали сторону заемщика (кредитора). Вопросы уголовно-правовой охраны интересов заемщика долгое время никого не интересовали, и те приемы и методы, которые находили применение в отношении должников, могли носить самый жестокий характер. Подобная ситуация стала меняться относительно недавно, по мере гуманизации общества. Утверждение о повсеместности применения суровых мер в отношении должников в истории права можно проиллюстрировать на нескольких примерах.

Так, Уложением 1649 г. было введено понятие «правеж». Данный вид наказания в буквальном смысле слова оправдывал выражение «выбивать долг». Должника привязывали к столбу и били. Это могло продолжаться долго: например, за долг в 100 руб. полагался месяц «правежа». Особенностью «правежа» выступал тот факт, что вместо должника наказание могли понести его ближайшие родственники или «зависимые люди», то есть холопы [1].

Петр I отменил ранее существовавшую практику по обеспечению возврата долгов. Это привело к тому, что возникло новое правовое понятие «долговая тюрьма». В данном случае Петр I, как и по многим другим вопросам, за основу брал европейский опыт. Долг мог быть отработан, а если должник все-таки оказывался в тюрьме, то обязанность по его содержанию в местах заключения возлагалась на кредитора. Причем кредитор мог выполнять эту обязанность весьма своеобразно, например прекращать платить за содержание должника, однако в момент, когда тот уже вернулся к семье и устроился на работу, возобновлял финансирование его пребывания в местах лишения свободы, и заемщик вновь попадал в тюрьму [2]. Необходимо отметить, что такая мера воздействия на должников, как долговая тюрьма, существовала вплоть до 1917 г.

При Екатерине II должники рассматривались наравне с уголовными преступниками (ст. 236—238 «Наказа» Уложенной комиссии 1767 г. посвящены должникам по торговым сделкам). Тем не менее в документе различались умышленные и неумышленные должники, от формы вины зависела мера ответственности. Основной мерой наказания были каторжные работы, при этом долг выплачивало государство из расчета 1 руб. в месяц [3].

Как видно из приведенных исторических примеров, права должников никак не защищались, обстоятельства, которые привели к возникнове-

нию долга, не учитывались, и не шла речь о том, чтобы как-то наказать лиц, допустивших жестокое обращение с должником. Приоритетной была защита интересов кредиторов.

Ситуация кардинальным образом изменилась после революции 1917 г., так как начиная с 1920 г. защита потребовалась прежде всего финансово-кредитным учреждениям, которые выступали заемщиками для физических лиц. Финансово-кредитная система нового государства строилась стихийно, часто не имея под собой правовой основы. Поэтому резко возросла задолженность как физических лиц, так и предприятий, включая кооперативы. Фактическое отсутствие необходимого правового поля приводило к катастрофическим для существовавшей финансовой системы последствиям. Кредитные кооперативы предоставляли денежные средства физическим лицам без проверки платежеспособности последних, чтобы затем списать их на убытки. Получить что-то от должника законными методами до 1926 г. было практически невозможно [4].

Согласно ст. 271 Гражданского процессуального кодекса РСФСР (далее — ГПК РСФСР), вступившего в силу осенью 1923 г., взыскать с должника можно было все, что угодно, за исключением: «а) необходимых для него и для находящихся на его иждивении лиц платьев, белья, обуви и предметов домашнего обихода; б) орудий производства и инструментов, необходимых для профессионального занятия, ремесла или мелкого кустарного промысла должника; в) необходимых орудий сельского хозяйства, одной коровы, одной лошади или заменяющего их другого вида скота с необходимым на три месяца количеством корма; г) семян в количестве, необходимом для предстоящего посева обрабатываемой должником земли; д) неснятого урожая»¹. Впоследствии данный перечень был расширен. В 1924 г. в суды поступало значительное количество исков в отношении должников, однако вынесенные по таким искам решения судов не исполнялись, в том числе в силу действия ст. 271 ГПК РСФСР.

Таким образом, вопрос о необходимости правовой защиты заемщиков от действий субъектов, занимающихся возвратом просроченной ссудной задолженности, не возникал ввиду отсутствия такой проблемы. Напротив, в правовой защите нуждались сами кредиторы, которые не могли в сложившейся ситуации каким-либо образом воздей-

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Официальный сайт НИУ «ВШЭ». URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks (дата обращения: 26.04.2024).

воват на лиц, допустивших просрочку. Согласно данным статистики, с 1923 по 1924 г. размер просроченной задолженности у кредитных кооперативов и других кредитных учреждений мог достигать 90 % от всей совокупности выданных средств. Предъявление иска к должнику и удовлетворение исковых требований судом совсем не гарантировали взыскание долга.

Для исправления положения с 1925 г. кредитные кооперативы стали практиковать заключение кредитного договора под залог имущества, однако данной меры оказалось недостаточно для кардинального изменения ситуации. В связи с этим трансформации подверглась ст. 271 ГК РСФСР: согласно примечанию к данной статье, защита от взыскания не распространялась на предметы, «если таковые приобретены на ссуды, полученные от кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и от сельскохозяйственных товариществ с кредитными функциями, либо заложены в таких товариществах в обеспечение исправного платежа по этим ссудам»¹. Ситуация улучшилась в связи с предпринятыми административными мерами, что вместе с изменением законодательства принесло свои результаты.

Однако, как и ранее, какого-либо повсеместного применения мер давления на должников не наблюдалось, т. е. необходимость введения уголовного наказания за осуществление незаконной деятельности по взысканию просроченной задолженности граждан отсутствовала. В определенной степени это было связано с особенностями государственного устройства СССР: основу экономической системы составляла государственная собственность, как итог, наблюдался низкий уровень заинтересованности работников кредитных учреждений в результатах своей трудовой деятельности, включая работу по взысканию просроченной задолженности.

Сформировавшаяся впоследствии система кредитования населения в стране обеспечивала своевременное погашение ссудной задолженности. Как правило, в кредит брали товары народного потребления, при этом задолженность погашалась из заработной платы заемщика. Подобная система кредитования сохранялась вплоть до так называемой перестройки (1985—1991 гг.).

История становления правовой регламентации ответственности за незаконную деятельность по возврату просроченной ссудной задолженности физических лиц в России берет свое начало в 90-е гг.

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Официальный сайт НИУ «ВШЭ». URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks (дата обращения: 26.04.2024).

XX в., уголовное же законодательство в этой части стало формироваться недавно — с появлением в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) статьи 172.4.

На данном историческом отрезке наблюдались сразу две ярко выраженные тенденции: с одной стороны, наращивание объемов потребительского кредитования, с другой — рост количества коллекторских агентств [5].

Проблема просроченных ссуд в 1990-е гг. стояла достаточно остро. Одновременно наблюдался ряд кризисных явлений в макроэкономической сфере (высокий уровень инфляции и др.). В результате коммерческие банки в целях снижения кредитных рисков предоставляли кредиты под очень высокий процент. Так, в январе 1995 г. средневзвешенная ставка по кредиту достигала 119 %, в январе 1996 г. — 44,2 %, а в январе 2000 г. — 34,0 %². Согласно данным отчета Центрального Банка Российской Федерации за 2002 г., доля просроченной ссудной задолженности в целом по физическим и юридическим лицам с 1998 по 1999 г. выросла с 4,8 до 10 %³. Высокие процентные ставки, макроэкономическая нестабильность — все это негативно отражалось на доходах населения и приводило к росту неплатежеспособности.

В конце XX в. в России реально действовавших инструментов и способов по взысканию просроченной ссудной задолженности физических лиц не существовало. Несмотря на то что иски о взыскании просроченной задолженности физических лиц судами удовлетворялись, последующий механизм взыскания задолженности не отличался эффективностью, в том числе по причине несовершенства норм права, регулирующих исполнительное производство. В сложившихся условиях коммерческие банки и другие кредитные учреждения разрабатывали собственные подходы и методы борьбы с неплательщиками.

Начало XXI в. можно считать отправной точкой становления и развития в России коллекторской деятельности как одной из наиболее эффективных форм деятельности по взысканию просроченной задолженности физических лиц. Так, в 2001 г. на базе коммерческого банка «Русский Стандарт» было создано «Агентство по сбору долгов», которое просуществовало вплоть до 2016 г. [6] С этого

² Процентные ставки. Статистика банковского сектора // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/b_sector/interest_rates_00/ (дата обращения: 27.04.2024).

³ Центральный банк Российской Федерации. Годовой отчет за 2002 г. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/7811/ar_2002.pdf (дата обращения: 27.04.2024).

момента коллекторские агентства, постепенно вытесняя существовавшие ранее формы организации деятельности по возврату долгов, становятся основными субъектами на рынке услуг по взысканию просроченной задолженности физических лиц.

Остановливаясь на вопросе развития коллекторских агентств, следует отметить отсутствие на отправном этапе формирования рынка коллекторских услуг надлежащей нормативной базы, которая бы регулировала данный вид деятельности.

Как подчеркивается в литературе, на первоначальном этапе существовали два вида коллекторских агентств. Относящиеся к первому виду соблюдали нормы права и осуществляли свою деятельность с применением легальных способов возврата просроченной задолженности. Агентства второго вида работали в буквальном смысле по законам преступного мира, способы и методы «выбивания» долгов выходили за пределы дозволенного [5].

По мнению К. А. Даниловой, именно массовость отказов от выполнения физическими лицами взятых на себя кредитных обязательств привела к высокому темпу развития коллекторской деятельности [7]. Учитывая, что как таковые правила предоставления коллекторских услуг отсутствовали, приемлемыми считались меры, которые не выходили за рамки действующего законодательства.

Исследование учебной и научной литературы [3—5; 7] позволило выделить этапы становления и развития коллекторской деятельности, а также нормативной основы ее осуществления.

1. С 1990-х гг. до начала 2000-х гг. — деятельность отдельных субъектов, которые «выбивали» долги незаконными способами. Как правило, данные лица входили в состав преступных групп. К их «услугам» прибегали не только кредитные организации, но и отдельные граждане [5].

2. С 2000 по 2007 г. — начало формирования профессиональных коллекторских агентств, существовавших параллельно с созданными ранее организациями и представителями преступных сообществ. Как было упомянуто ранее, считается, что структурное подразделение КБ «Русский стандарт» — «Агентство по взысканию долгов» — стало первым подразделением, которое вышло на рынок профессиональных коллекторских услуг. Специализированная организация по осуществлению коллекторской деятельности была создана в 2004 г. — Финансовое агентство по сбору платежей (ФАСП) (существует и в настоящее время) [3].

3. С 2008 по 2013 г. — этап, на котором методы, ранее применяемые в рамках коллекторской деятельности, сформировали крайне негативный образ коллекторов, что требовало принятия опре-

деленных мер. Начиная с 2008 г. сами коллекторские агентства предпринимают отдельные шаги по созданию цивилизованного коллекторского рынка.

Так, была создана некоммерческая организация «Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств» (НАПКА), специалисты которой в условиях отсутствия отдельных норм, регулирующих вопросы коллекторской деятельности, разработали кодекс этики, содержащий в себе принципы, которыми должны руководствоваться коллекторы при работе с должниками. Однако данный документ был обязательным только для членов ассоциации.

4. С 2013 по 2016 г. — начало формирования общероссийской правовой базы, регулирующей вопросы взыскания просроченной задолженности физических лиц. Первый документ, который следует упомянуть, — это Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ¹. Так, ст. 12 «Уступка прав (требований) по договору потребительского кредита (займа)» регулирует вопросы взаимодействия кредитора, заемщика и коллекторских агентств [5].

В 2014 г. была установлена административная ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц (ст. 14.57 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ)).

5. С 2016 г. по настоящее время — значительный рост количества жалоб на действия коллекторских агентств привел к тому, что власти должны были принять более действенные меры по прекращению незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. В 2016 г. был принят Федеральный закон № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон „О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях“»². В законе четко регламентированы полномочия коллекторов и способы взаимодействия с должниками. Например, запрещено применение

¹ О потребительском кредите (займе): федер. закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70544866/> (дата обращения: 27.04.2024).

² О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71433918/> (дата обращения: 27.04.2024).

методов психологического давления, личные встречи возможны не более одного раза в неделю, введены лимиты на количество телефонных звонков в день и пр. Следует отметить, что на всех перечисленных этапах становления и развития коллекторской деятельности уголовный закон (УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г.) применялся в отношении субъектов рынка услуг по возврату просроченной

задолженности, если действия данных субъектов нарушали запреты, установленные в статьях Особенной части уголовного закона.

Уголовное законодательство об ответственности за злоупотребления при взыскании просроченной задолженности физических лиц развивалось следующим образом (см. табл.).

**Развитие уголовного законодательства России
о незаконном осуществлении деятельности по возврату
просроченной задолженности физических лиц**

Кодифицированный нормативный правовой акт — источник уголовного права	Характеристика содержания нормативного правового акта в исследуемой части
Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.	Предусматривалась уголовная ответственность частных лиц за предоставление денежных средств займы под проценты (ст. 193), т. е. за ростовщичество. Кроме того, к кредиторам могли быть применены нормы об ответственности за убийство (ст. 142—144), телесные повреждения (ст. 149—150, 153), оскорбление (ст. 172—173), клевету (ст. 174—175) и т. п. Специальные нормы об ответственности кредиторов за неправомерные действия отсутствовали ¹
Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.	Ситуация принципиально не изменилась. В УК РСФСР 1926 г. содержались статьи, которые предусматривали уголовную ответственность за убийство (ст. 136—138), доведение до самоубийства (ст. 141), причинение телесных повреждений (ст. 142—144, 146) и пр., и могли быть применены к кредиторам. Однако специальных норм об ответственности недобросовестных кредиторов не было ²
Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.	Отсутствуют специальные статьи Особенной части уголовного закона, которые устанавливали бы уголовную ответственность субъектов, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц. Уголовная ответственность таких субъектов была возможна за убийство (ст. 102—104), доведение до самоубийства (ст. 107), умышленные телесные повреждения (ст. 108—110, 112), истязание (ст. 113), клевету (ст. 130), оскорбление (ст. 131), угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 207) и др. ³
Уголовный кодекс 1996 г. (до введения в действие ст. 172.4)	Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц была возможна по следующим статьям: ст. 110 «Доведение до самоубийства»; ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»; ст. 129 (затем — ст. 128.1) «Клевета»; ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни»; ст. 139 «Нарушение неприкосновенности жилища»; ст. 163 «Вымогательство»; ст. 167 «Умышленные уничтожение или повреждение имущества»; ст. 330 «Самоуправство» и др. ⁴

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Официальный сайт НИУ «ВШЭ». URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 27.04.2024).

² Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391620> (дата обращения: 27.04.2024).

³ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Официальный сайт НИУ «ВШЭ». URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks (дата обращения: 27.04.2024).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 27.04.2024).

Так, по мере развития кредитного рынка и в связи с распространением фактов общественно опасного поведения коллекторов и других субъектов взыскания задолженности в отношении должников, назрела необходимость конкретизации российского уголовного законодательства и устранения его пробелов именно в контексте незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности. Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ в УК РФ введена ст. 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц». Вместе с тем, согласно данным судебной статистики, в 2023 г. не было лиц, осужденных по данной статье УК РФ¹.

Характеризуя современное состояние проблемы незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц, можно привести следующие актуальные данные. За 2023 г. Федеральная служба судебных приставов получила всего 56 670 жалоб о фактах

нарушения при взыскании просроченной задолженности, из них 36 130 жалоб на действия банков и микрофинансовых организаций. Число жалоб, признанных обоснованными, составило 6 880, что на 33,3 % больше по сравнению с 2022 г.²

Таким образом, несмотря на введение в 2023 г. в УК РФ ст. 172.4, уровень правовой защищенности должников пока не изменился в лучшую сторону. В то же время данная статья появилась сравнительно недавно, и следовательно, рано судить, насколько эффективны указанные изменения в УК РФ.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что развитие уголовного законодательства, специально регламентирующего ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц и нацеленного на защиту прав должников, в обозримом будущем продолжится, в том числе с учетом практики применения ст. 172.4 УК РФ.

1. Луппова М. А. К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по соборному уложению 1649 года // Молодой ученый. 2021. № 20 (362). С. 346—349.

2. Российское законодательство X—XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. Москва: Юрид. лит., 1986. 512 с.

3. Васильева Т. В., Егорова О. С. История становления и развития коллекторской деятельности в России // Заметки ученого. 2022. № 10. С. 39—42.

4. Селеев С. Коллекторы именем революции // Коммерсантъ Деньги. 2016. № 13. С. 34—39.

5. Юртаева В. Н. Становление и развитие института коллекторской деятельности в России. Причины и условия его возникновения // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 21—39.

6. Полякова Ю. Долги погасли. Основанное «Русским Стандартом» коллекторское агентство сворачивает бизнес // Коммерсант. 2016. № 153. С. 8.

1. Luppova M. A. To the problem related to the system of punishment and the practice of its implementation according to the cathedral code of 1649. Young scientist, 346—349, 2021. (In Russ.).

2. Russian legislation of the X—XX centuries. Vol. 4. Legislation of the period of absolutism formation. Moscow: Legal literature; 1986: 512. (In Russ.).

3. Vasilieva T. V., Yegorova O. S. History of the formation and development of debt collection activity in Russia. Notes of the scientist, 39—42, 2022. (In Russ.).

4. Seleyev S. Debt collectors in the name of revolution. Kommersant Money, 34—39, 2016. (In Russ.).

5. Yurtayeva V. N. Formation and development of the institute of debt collection activity in Russia. Reasons and conditions of its formation. Journal of executive production, 21—39, 2021. (In Russ.).

6. Polyakova Yu. The debts have been paid off. The debt collection agency founded by "Russian Standard" is stopping its business. Kommersant, 8, 2016. (In Russ.).

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 24.04.2024).

² ФССП заявила о рекорде: количество обоснованных жалоб на коллекторов и банки выросло на 33,3 % // Электронный журнал для предпринимателей. URL: <https://incussia.ru/news/fssp-zayavila-o-rekorde-kolichestvo-obosnovannyh-zhalob-na-kollektorov-i-banki-vyroslo-na-33-3/> (дата обращения: 27.04.2024).

7. Данилова К. А. Отдельные аспекты становления и правового регулирования коллекторской деятельности в России и зарубежных странах // Administrative Consulting. 2021. Vol. 7, issue 4. P. 16—22.

Незнаева Дарья Евгеньевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
daria.rus@inbox.ru

7. Danilova K. A. Some aspects of the formation and legal regulation of debt collection activities in Russia and foreign countries. Administrative Consulting, 16—22, 2021. (In Russ.).

Neznayeva Dariya Yevgenievna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
daria.rus@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 04.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 04.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 159.9:343.8

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ
ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ
В КОНТЕКСТЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ****Виктория Геннадьевна Олесовец**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, viktoriolesovets@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой исследование социально-философских аспектов трудовой деятельности при исполнении наказания в виде исправительных работ. Именно идея перевоспитания через труд, пусть и принудительный, легла в основу исправительных работ, где наказание сочеталось с попыткой социализации осужденного. В работе систематизированы философские концепции, раскрывающие природу труда и особенности его воздействия на формирование личности. Исследование охватывает широкий временной отрезок и базируется на трудах признанных мыслителей, государственных и общественных деятелей. Особое внимание уделяется вопросам развития представлений о сущности трудовой деятельности, акцентируется внимание на том, что мыслители разных эпох подчеркивали воспитательный потенциал труда. В статье приводятся выдержки из первоисточников и высказывания философов, затрагивающих проблему построения социально справедливого общества путем организации нормальных условий осуществления трудовой деятельности населения. Проведенный анализ социально-философских воззрений ученых в области философии, социологии и педагогики позволяет сделать вывод, что трудовая деятельность при соблюдении определенных условий ее организации способна выступать эффективным инструментом исправительного воздействия на личность осужденного.

Ключевые слова: исправительные работы, принудительный труд, созидательная деятельность, воспитательная функция труда, философия труда, гуманизация общества, исправительное воздействие

Для цитирования: Олесовец В. Г. Социально-философские аспекты трудовой деятельности как средства исправления осужденных в контексте наказания в виде исправительных работ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 149—155.

**SOCIAL PHILOSOPHICAL ASPECTS OF WORK
AS A MEANS OF CONVICTED PERSONS' CORRECTION
WITHIN THE CONTEXT OF PUNISHMENT
IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOUR****Victoriya Gennadievna Olesovets**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, viktoriolesovets@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study of social-philosophical aspects of work to execute punishment in the form of correctional labour. It was the idea of re-education through labour, however compulsory, that formed the basis of correctional work, where punishment was combined with an attempt to socialize the convict. The paper systematizes philosophical concepts of the nature of labour and characteristics concerning its exposure to personal development. The study includes an extended time and is based on the works of recognized intellectuals, state and public officials. Special emphasis is devoted to the evolution of concepts of the nature of labour, and it is noted that intellectuals of many times have stressed the educational potential of labour. The article cites excerpts from primary sources and statements of philosophers on the issues to build a social just society by organizing normal working conditions for citizens. On the analysis of social philosophical ideas of scientists in the sphere of philosophy, sociology and pedagogy the author concludes the labour activity under certain conditions of its organization to be an effective tool to correct the convict's person.

Keywords: correctional work, compulsory work, creative activity, educational function of labour, philosophy of labour, humanization of society, correctional influence

For citation: Olesovets V. G. Social philosophical aspects of work as a means of convicted persons' correction within the context of punishment in the form of correctional labour. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 149—155, 2024. (In Russ.).

Современное понимание сущности исправительных работ основано на том, что данный вид наказания предусматривает осуществление общественно полезной трудовой деятельности, которая, с одной стороны, приносит выгоду обществу, а с другой — способствует социализации осужденного без ограничения его свободы. Здесь стоит отметить, что трудовая деятельность является неотъемлемой частью жизнедеятельности любого человека. По приблизительным оценкам, она занимает в среднем около трети жизни индивида. Значимость труда как формы личностного бытия подтверждается его особой ролью в различных культурах мира, что находит отражение в пословицах, поговорках, афоризмах.

В историческом аспекте труд рассматривался с таких позиций, как сознательная деятельность, великая созидательная сила, условие существования общества, способ самоутверждения личности, естественная физиологическая потребность и т. д. Однако, несмотря на многоаспектность изучения труда, лишь ограниченное число исследователей — преимущественно в области философии, социологии и педагогики — сосредоточились на изучении трудовой деятельности как инструменте трансформации личности человека, в том числе в контексте применения исправительных работ в качестве наказания. В определенной степени это связано с тем, что принудительный труд достаточно часто выступал содержанием отдельных видов наказания на протяжении всей эволюции человеческого общества.

Принудительный труд, лежащий в основе исправительных работ, порождает сложный социально-философский парадокс. С одной стороны, он служит наказанием и способом возмещения вреда, причиненного преступлением. С другой — он же рассматривается как инструмент ресоциализации, возвращения осужденного к нормальной жизни в обществе. Философская мысль неоднократно обращалась к этому противоречию, пытаясь осмыслить его природу и последствия.

Учитывая, что в основу применения исправительных работ положена трудовая деятельность, рассмотрим подходы к ее пониманию философов древнего мира. Уже тогда они размышляли над сущностью труда, в том числе принудительного,

и его ролью в жизни общества. Одним из ярких примеров может служить китайский ученый Конфуций (жил ориентировочно в 551—479 гг. до н. э.). Анализ фрагментов позволяет выявить специфику конфуцианского понимания роли труда в жизни индивида и общества. Так, в изречении «Если любишь [народ], разве не сможешь побуждать [его] к упорному труду?» Конфуций указывает на обязанность правителя создавать условия для активной трудовой деятельности народа, рассматривая труд как наиболее эффективный инструмент нравственного самосовершенствования [1]. Философ также подчеркивает важность единства слова и дела, утверждая: «У того, кто беззастенчиво произносит слова, с трудом исполняются дела». Данное изречение указывает на то, что истинная ценность человека определяется не словами, а конкретными делами и поступками, в том числе в сфере трудовой деятельности [1]. Анализ философского наследия Конфуция демонстрирует, что в его концепции труд предстает не только как средство обеспечения материальных потребностей, но и как необходимый элемент нравственного воспитания, формирования добродетели и достижения социальной гармонии.

Концепция соразмерности преступления и наказания, разработанная представителями школы Пифагорейцев (VI в. до н. э.), представляет особый интерес с точки зрения исторического развития института принудительного труда.

Основываясь на идее вселенской гармонии и справедливости, они проводили параллель между справедливостью и геометрической пропорцией, где каждая часть получает то, что ей причитается. С позиций данных представлений наказание рассматривалось как способ восстановления нарушенного равновесия. Так, за преступления имущественного характера наиболее справедливым наказанием считали штраф, а при невозможности его уплаты — труд на пользу общества. Такой подход содержит в себе элементы современного понимания исправительных работ как вида уголовного наказания, направленного на компенсацию вреда.

Особенностью позиции представителей школы пифагорейцев выступает тот факт, что в данном случае «трудовая деятельность» — это не средство

воспитания преступника, а инструмент компенсации ущерба, который понес потерпевший¹.

Идея труда как важного фактора развития человека нашла свое отражение и в философии Сократа (греческий философ, жил ориентировочно ок. 469—399 г. до н. э.). Его представления о труде во многом близки к современным взглядам. Сократ уважал физический труд и придерживался убеждений, что занятость человека «полезным трудом» приводит к большей его нравственности и ведению праведного образа жизни, чем когда он ведет праздный образ жизни. Свободу и счастье человека он связывал с деятельной жизнью (см.: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе II, 7, 7-8) [2]. Таким образом, Сократ рассматривал труд как инструмент формирования личности и нравственного развития. В то же время философ не касался проблем использования трудовой деятельности как вида наказания, упоминая лишь, что «если вы совершаете преступление против другого, то лучше искать наказания, чем уклоняться от него»².

Ученик Сократа, Платон (жил ориентировочно ок. 428—348 г. до н. э.), видел в труде прежде всего экономическое значение для общества и государства, связывая его с социальным статусом индивида. В его концепции труд, являясь проявлением нравственности и морали, определяет социальный статус индивида [3]. Философ не рассматривает труд как инструмент воздействия на личность и ее развитие. По отношению к такой категории, как наказание, Платон придерживался позиции, что оно «не несет зла», поскольку направлено на предотвращение преступлений в будущем. Мыслитель подчеркивал тот факт, что наказание имеет целью исправить преступника и служит ему «лекарством от моральных недугов» [4, с. 12].

Аристотель (греческий философ, жил ориентировочно ок. 384—322 г. до н. э.), в отличие от своего учителя Платона, подходит к осмыслению феномена труда более комплексно, рассматривая его не только как фактор социальной организации, но и как многообразную форму общественной активности [5]. Аристотель в качестве одного из ключевых принципов выделял принцип уравни-

вающей справедливости, в соответствии с которым предусматривалось «наказание за имущественные проступки в соответствии с принципом „равное за равное“ или „арифметической пропорции“». Исходя из содержания упомянутого принципа, преступнику в отношении отдельных видов преступлений могло быть назначено наказание в виде штрафа или трудовой повинности, продолжительность которой определялась величиной нанесенного ущерба.

Таким образом, древние философы, касаясь вопросов осуществления трудовой деятельности, лежащей в основе современных исправительных работ, подчеркивали значимость труда, с одной стороны, как источника материальных благ, а следовательно, и источника компенсации ущерба, с другой — как средства и инструмента исправления личности, что лежит в основе современного понимания данного вида наказания.

В своей работе «Утопия» английский мыслитель и гуманист Томас Мор (1478—1535) раскрывает свое видение социально справедливого общества через призму организации трудовой деятельности. Мор рассматривает труд как естественную потребность человека, а праздность — как источник пороков. В изображенном им идеальном обществе труд обязателен для всех, однако воспринимается не как форма угнетения, а как способ поддержания общественного благополучия и личного совершенствования. Преступление, с точки зрения Мора, — это нарушение гармонии общества и отказ от выполнения своего долга. Следовательно, наказание должно быть направлено на возвращение человека к труду, к его естественному состоянию, тем самым способствуя исправлению. Трудясь на благо других, преступник компенсирует вред, причиненный своим преступлением, и получает возможность вернуть себе уважение. Отметим при этом, что Мор не рассматривал труд преступников как бессмысленную кару. Он подчеркивал важность разнообразия работ и их соответствия тяжести преступления. Так, он указывал: «...если пойманные при краже возвращают утраченное хозяину... то сами воры осуждаются на общественные работы. Если же преступники уклоняются от них или производят их слишком вяло, то их не столько наказывают кандалами, сколько поощряют ударами. Работающие усердно избавлены от оскорблений...» и пр. [6, с. 47]. Данный принцип свидетельствует о стремлении Мора к поиску индивидуального подхода к исправлению каждого преступника.

¹ Пифагореизм. Стэнфордская энциклопедия философии. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.697ac024-668666dc-401ef415-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/pythagoreanism/ (дата обращения: 04.07.2024).

² Сократ. Просветительский гуманитарный журнал. URL: <https://strikun.ru/sokrat/> (дата обращения: 05.07.2024).

Несмотря на то что Мор прямо не формулирует своей позиции, идеи, изложенные в «Утопии», позволяют сделать вывод: он отводит труду важнейшую роль в процессе исправления преступника. Труд в его понимании — это не просто наказание, а путь к покаянию, искуплению и возвращению в общество.

Важность труда как составляющей воспитания подчеркивалась немецким философом Иммануилом Кантом (1724—1804 гг.). В своих лекциях «О педагогике» ученый высказывал следующие мысли: «Нет ничего важнее, чем научить детей работать»; «Человек — единственное животное, которое должно работать» [7]. Кант полагал, что человеку присуща природная предрасположенность к труду, и эта тяга к деятельности несет в себе элемент самопринуждения. Труд, по Канту, есть средство достижения цели, а истинный отдых — это отдых после результативной трудовой активности. Критикуя идеализированный образ Адама и Евы, философ отмечал, что отсутствие необходимости трудиться привело бы их к духовному упадку: «их истерзала бы тоска в подобной ситуации...». Кант настаивал на том, что трудовое воспитание должно стать неотъемлемой частью школьного образования.

В вопросе назначения наказания за преступления И. Кант придерживался принципа строгого соответствия деяния и воздаяния, близкого идеям пифагорейской школы. Философ писал: «Единственный принцип — это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой» [8, с. 306].

Однако, осознавая сложность практической реализации абсолютного равенства наказания преступлению, Кант допускал возможность компенсации причиненного ущерба посредством принудительного труда. Так, в качестве наказания за воровство, подрывающее устои собственности как таковой, философ предлагает временные или вечные работы, или лишение преступника свободы и использование его труда на благо общества (например, каторжные или исправительные работы). По Канту, преступник, посягнувший на чужую собственность, теряет право на пользование благами общества и обязан своим трудом компенсировать нанесенный ущерб, фактически находясь в положении раба. Важно отметить, что Кант рассматривал принудительный труд не как самоцель или проявление жестокости, а как необходимую меру восстановления справедливости и предупреждения новых преступлений.

Философские концепции, носящие преимущественно абстрактный характер, представляют собой квинтэссенцию мыслительной деятельности человека, направленной на рациональное осмысление мира и своего места в нем. В контексте исследуемой темы актуальным представляется социальный аспект применения наказания в виде исправительных работ. Особый интерес в рамках данного исследования представляют труды выдающихся отечественных мыслителей, получивших мировое признание: Л. Н. Толстого, П. П. Блонского, А. С. Макаренко.

Отношение Л. Н. Толстого к трудовой деятельности широко известно, писатель и педагог считал труд «неизбежным условием добродетельной жизни» и сам занимался тяжелым физическим трудом. Лев Николаевич крайне негативно отзывался о насильственных методах воспитания и наказания, впрочем, как и о всей системе наказания. В частности, в конце своей жизни писатель пришел к полному отрицанию наказания в любой форме.

П. П. Блонский, который написал более 200 работ, раскрывал проблему труда в области психологии, философии и педагогики. Однако ученый лишь упоминал о значимости трудовой деятельности в воспитании гармоничной личности.

В то время известный педагог А. С. Макаренко не только разработал теоретические основы применения труда как вида наказания, но и на практике доказал, что трудовая деятельность является одним из инструментов трансформации личности и способом возвращения человека в социум.

Значимость педагогических идей А. С. Макаренко, изложенных в научных трудах и художественных произведениях, подтверждена обширной практической деятельностью. Те меры, которые А. С. Макаренко применял к своим воспитанникам, в некоторой степени соответствуют сущности и содержанию современного понимания правовой категории «исправительные работы». Учитывая данный факт, остановимся на педагогических приемах советского писателя и педагога более подробно.

Революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война привели к возникновению детской беспризорности. Для решения сложившейся в то время вышеуказанной проблемы стали создаваться специальные воспитательные колонии, одну из которых и возглавил А. С. Макаренко — Полтавскую детскую трудовую колонию имени М. Горького. Ситуация в колонии характеризовалась рядом сложностей: нехваткой квалифицированных педагогических кадров, острым дефицитом

материальных ресурсов, а также крайне сложным контингентом воспитанников. Многие из них, являясь социальными сиротами, не имели опыта жизни в условиях общества, демонстрируя различные формы девиантного поведения.

В этих условиях А. С. Макаренко разработал и внедрил собственную педагогическую систему, в основе которой лежала трудовая деятельность коллектива. Особенностью его методики было формирование первичных бытовых и трудовых навыков, в том числе с элементами принуждения. Такой подход вызвал критику со стороны ряда общественных деятелей, в частности Н. К. Крупской. Непринятие со стороны части партийной элиты привело к тому, что в 1928 г. А. С. Макаренко был переведен в другую трудовую коммуну, не подчиняющуюся Народному комиссариату просвещения.

Сам А. С. Макаренко аргументировал свою позицию следующим образом: «...пока не создан коллектив и органы коллектива, пока нет традиций и не воспитаны первичные трудовые и бытовые навыки, воспитатель имеет право и должен не отказываться от принуждения» [9, с. 86]. Он считал, что принуждение допустимо на начальном этапе формирования коллектива и каждого его члена в отдельности. Воспитанники, в соответствии с данной установкой, должны были выполнять любую работу: «...неприятную работу, и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива». Особенностью методики выступала трудовая деятельность, причем воспитанники колонии активно привлекались к ее организации, трудовые планы формировались самими подростками с участием воспитателей, при этом велся тщательный учет труда детей и педагогов. По мнению А. С. Макаренко, «созидательный труд — и есть главная сцепка для коллектива». Еще один важный принцип, который «проповедовался» в колонии — это «принцип сожженной биографии». «Темное» прошлое подростков полностью игнорировалось, оно не становилось предметом обсуждения ни самих воспитанников, ни воспитателей [9].

Анализируя взгляды А. С. Макаренко на наказание, можно отметить, что, по его мнению, «наказание... есть переживание отрешенности от коллектива». В то же время педагог видел в наказании возможность установления ранее нарушенных связей между обществом и его отдельными членами, совершившими преступление, т. е. наказание рассматривалось как средство разрешения конфликта отдельной личности и социума. Он утверждал, что «наказание должно воспитывать», при этом особую важность приобретает

осознанное отношение самого преступника к назначенному наказанию [10].

Учитывая тот факт, что А. С. Макаренко не отказался от методов принуждения, его методика сначала не находила широкого общественного признания. Тем не менее, несмотря на то что система трудового воспитания А. С. Макаренко и сейчас подвергается критике, сам педагог стал одним из четырех педагогов ЮНЕСКО, а его система воспитания изучается в самых разных странах мира [11].

Таким образом, с социально-философской точки зрения исправительные работы представляют собой сложное явление, в основе которого лежит использование принудительного труда в качестве инструмента наказания и ресоциализации осужденных. Данный дуализм наказания и ресоциализации нашел свое отражение в трудах философов, педагогов, социологов и писателей.

Проведенное исследование позволяет установить несколько ключевых направлений взглядов философов, педагогов и социологов на содержание трудовой деятельности:

— труд и трудовая деятельность — необходимый элемент нравственного воспитания человека и гражданина;

— осуществление трудовой деятельности — форма компенсации обществу (потерпевшему) ущерба, причиненного в результате совершенного преступления;

— труд — средство и инструмент исправления (воспитания) преступника.

Следовательно, исправительные работы несут в себе определенный воспитательный потенциал. Тем не менее многое будет зависеть от особенностей практической реализации данного вида наказания. Часто преступник остается на той работе, на которой он осуществлял свою трудовую деятельность ранее. В этом случае, как упоминает ряд специалистов, исправительные работы принимают форму штрафа [12], и в таких условиях речь об исправительном воздействии не идет. По сути, человек трудится, как и раньше, разница заключается лишь в том, что часть его заработной платы отчисляется в пользу государства (от 5 до 20 %, ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ).

В то же время далеко не все осужденные трудоустроены, и в этой ситуации обязанность по обеспечению их работой возлагается на государство. В этом заключается одна из проблем применения в качестве меры наказания исправительных работ — в необходимости обеспечения их эффек-

тивной организации. Иными словами, для того чтобы исправительные работы оказывали определенное исправительно-воспитательное воздействие на преступника через труд, объективной необходимостью выступает продуманная организация процесса исполнения наказания, в строгом соответствии с требованиями российского уголовно-исполнительного законодательства.

Важным социальным аспектом выступает тот факт, что исправительные работы не отрывают человека от привычного ему общества и позволяют избежать лишения свободы. Пребывание в местах лишения свободы влечет за собой ряд серьезных

психологических последствий, которые самым серьезным образом отражаются на последующей жизни индивида. Может развиваться целая цепь реакций и аффективных, когнитивных, эмоциональных и перцептивных искажений, все это вызвано эмоциональным напряжением в пенитенциарной среде¹. Тот факт, что осужденный остается на свободе, должен им восприниматься как шанс вернуться к нормальной жизни в социуме и иметь определенную ценность — только в этом случае наказание в виде исправительных работ будет оправданно с позиций общественных выгод.

---

1. Конфуций. Лунь Юй. Суждения и беседы. Москва: АСТ, 2023. 189с.

2. Кессиди Ф. Х. Сократ. Москва: Мысль, 1976. 198 с. (Мыслители прошлого). URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/kessidi_sokrat_.pdf (дата обращения: 04.07.2024).

3. Григорьев Н. Ю., Чвякин В. А. Каким образом Платон разграничивал понятия «труд» и «деятельность»: социология труда // *New science research*: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 11 сент. 2023 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2023. С. 8—12.

4. Данилова К. А., Маякунов А. Э. Идея наказания в трудах мыслителей древнего мира // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «История. Политология. Право»*. 2021. № 2 (22). С. 10—16.

5. Туйцын Ю. В. Социальные функции труда в философии Аристотеля // *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки»*. 2017. № 2 (22). С. 73—81.

6. Мор Т. Утопия. Москва: Юрайт, 2020. 137с.

7. Бим-Бад Б. М. Лекции Иммануила Канта «О педагогике»: перевод и комментарий. URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/i._kant_.pdf (дата обращения: 07.05.2024).

8. Шавеко Н. А. Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами) // *Пенитенциарная наука*. 2019. Т. 13, № 3 (47). С. 304—312.

9. Фалеева Л. В., Александрова Н. С. Педагогическая система А. С. Макаренко: характеристика и генезис развития // *Вопросы современной науки и практики*. 2023. № 2 (9). С. 86—90.

---

1. Confucius. Lun Yu. Analects. Moscow: AST; 2023: 189. (In Russ.).

2. Kessidy F. Kh. Socrates. Moscow: Mysl; 1976: 198. (Intellectuals of the past). Available from: https://msrabota.ru/content/book_docs/kessidi_sokrat_.pdf. Accessed: 4 July 2024. (In Russ.).

3. Grigoriyev N. Yu., Chvyakin V. A. How Plato distinguished the concepts of "labour" and "activity". In: *New science research. Collection of scientific works of the international scientific and practical conference*. 11 September 2023, Petrozavodsk, Russia. Petrozavodsk: ICSP "New Science"; 2023: 8—12. (In Russ.).

4. Danilova K. A., Mayakunov A. E. The idea of punishment in works of ancient world philosophers. *Vestnik of North-Eastern Federal University. History. Political Science. Law*, 10—16, 2021. (In Russ.).

5. Tuytsyn Yu. V. Social Functions of labour in the philosophy of Aristotle. *MCU Journal of Philosophical Science*, 73—81, 2017. (In Russ.).

6. More T. Utopia. Moscow: Yurait; 2020: 137. (In Russ.).

7. Bim-Bad B. M. Immanuel Kant's Lectures "On Pedagogy": translation and remarks. Available from: https://msrabota.ru/content/book_docs/i._kant_.pdf. Accessed: 7 May 2024. (In Russ.).

8. Shaveko N. A. Theory of fair punishment (between Kant and utilitarians). *Penitentiary Science*, 304—312, 2019. (In Russ.).

9. Faleyeva L. V., Aleksandrova N. S. Pedagogical system of A. S. Makarenko: features and genesis. *Issues of modern science and practice*, 86—90, 2023. (In Russ.).

---

¹ Психологические последствия лишения свободы: что происходит в сознании заключенных? URL: <https://ru.yestherapyhelps.com/the-psychological-effects-of-incarceration-what-happens-in-the-minds-of-inmates-13596> (дата обращения: 09.05.2024).

10. Лузгин С. А., Кузнецов М. И. Педагогические взгляды А. С. Макаренко на наказание осужденных: правила и технология их применения в практике исполнения уголовных наказаний // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2018. № 5. С. 28—34.

11. Кириллова Т. В. Потенциал использования педагогического наследия А. С. Макаренко в пенитенциарной системе // Перспективы науки. 2022. № 4 (151). С. 90—92.

12. Пуминова А. А. Исправительные работы: значение, проблемы применения // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 300—302. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42049/> (дата обращения: 09.05.2024).

10. Luzgin S. A., Kuznetsov M. I. Pedagogical views of A. S. Makarenko on the punishment of convicts: rules and technology of their implementation in the practice of execution of criminal sentences. Vedomosti of the Penitentiary System, 28—34, 2018. (In Russ.).

11. Kirillova T. V. Potential of Using the Educational System of A. S. Makarenko in the Penitentiary System. Science Prospects, 90—92, 2022. (In Russ.).

12. Puminova A. A. Correctional treatment: value, issues of implementation. Young Scientist, 300—302, 2017. Available from: <https://moluch.ru/archive/149/42049/>. Accessed: 9 May 2024. (In Russ.).

Олесовец Виктория Геннадьевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
viktoriaolesovets@yandex.ru

Olesovets Victoriya Gennadievna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
viktoriaolesovets@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.137.5

**УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
КАК ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА**

Анна Андреевна Свяженина

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, svyazhenina2024@mail.ru

Аннотация. Проблема участия педагога и психолога в уголовном судопроизводстве постоянно находится в поле зрения многих ученых-процессуалистов и не теряет актуальности на протяжении длительного времени. Правовой институт участия педагога и психолога в уголовном процессе имеет ряд недостатков и нуждается в комплексном исследовании. Действие рассматриваемого правового института начинается, в частности, с вовлечения несовершеннолетних, как наиболее уязвимой категории лиц, в уголовно-процессуальные отношения, где психолог и педагог призваны обеспечить защиту их психологического благополучия.

В статье формулируются актуальные вопросы, возникающие при производстве уголовного дела с участием педагога и психолога по делам о несовершеннолетних, а также предлагаются наиболее эффективные пути оптимизации уголовного процесса, за исключением возможности оказания психологического воздействия на несовершеннолетнего. Автор выступает с инициативным предложением по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что позволит решить ряд теоретических и практических проблем, связанных с функционированием правового института участия педагога и психолога в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: педагог и психолог, следственные действия, несовершеннолетний, негативное влияние, психологическое состояние

Для цитирования: Свяженина А. А. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве как гарант обеспечения и защиты психологического благополучия несовершеннолетнего лица // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 156—161.

**TEACHER AND PSYCHOLOGIST'S PARTICIPATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A GUARANTOR
OF ENSURING AND PROTECTING
THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF A MINOR**

Anna Andreyevna Svyazhenina

Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa, Russia
svyazhenina2024@mail.ru

Abstract. The problem of teacher and psychologist's participation in criminal proceedings is constantly located within the field of view of many scientists-proceduralists and has not been losing topicality for a long time. The legal institution of teacher and psychologist's participation in criminal proceedings has a number of defective features and requires a comprehensive study. The acting of the legal institution under consideration begins, in particular, with the involvement of minors, as the most vulnerable category of persons, in criminal procedural relations, where a psychologist and a teacher are called upon to ensure the protection of their psychological well-being.

The article formulates topical issues arising in criminal proceedings with the teacher and psychologist's participation in cases of minors, and also poses the most effective ways of optimizing criminal proceedings, with the exception of the possibility of exerting psychological influence on a minor. The author makes an initiative proposal to improve the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which will solve a number of theoretical and practical problems associated with the functioning of the legal institution of teacher and psychologist's participation in criminal proceedings.

Keywords: teacher and psychologist, investigative actions, minor, negative influence, psychological state

For citation: Svyazhenina A. A. Teacher and psychologist's participation in criminal proceedings as a guarantor of ensuring and protecting the psychological well-being of a minor. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 156—161, 2024. (In Russ.).

Обеспечение защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц на протяжении длительного времени остается базисной проблемой не только национального, но и международного уровня. В соответствии с преамбулой к Конвенции ООН о правах ребенка «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»¹. Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» были утверждены положения, обуславливающие одно из приоритетных направлений государственной политики — обеспечение стратегического планирования, определяющего угрозы безопасности детей, а также целей, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности детей. Кроме того, государственная политика Российской Федерации ориентирована на определение правового положения несовершеннолетних, их гармоничное и всестороннее развитие, а также защиту и заботу, что подтверждается реализованными мероприятиями, проводимыми в рамках Десятилетия детства².

В соответствии со ст. 8 Федерального конституционного закона Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия без отсылки на возрастные критерии, что подчеркивает возможность вступления несовершеннолетних лиц в уголовно-процессуальные отношения.

Вместе с тем, в силу определенных возрастных психологических особенностей, несовер-

шеннолетние участники уголовного судопроизводства остаются под пристальным государственным и правовым вниманием. Несовершеннолетние вследствие несформировавшейся психики, неустойчивого эмоционального состояния часто не могут объективно воспринимать действительность, поэтому данных лиц оправданно относят к наиболее уязвимой категории участников уголовного процесса, нуждающейся в особой правовой защите [1, с. 135]. Ввиду этого уголовное судопроизводство с участием лиц, не достигших возраста совершеннолетия, должно обеспечиваться посредством индивидуального, персонифицированного подхода, а также соблюдения правил и норм, исключающих негативное влияние на данную категорию лиц, при производстве отдельных процессуальных действий.

Под негативным влиянием следует понимать определенные действия органов предварительного расследования и иных участников уголовно-процессуальных отношений, которые могут создавать психотравмирующую ситуацию для несовершеннолетних. По итогам проведенного нами опроса среди сотрудников следственных подразделений г. Уфы в 2023—2024 гг. наиболее распространенными последствиями представленных действий могут стать формирование ложных представлений о государственных органах (8 % опрошенных), потеря жизненных ориентиров и авторитетов (4 %), воспрепятствование гармоничному и нормальному развитию несовершеннолетней личности (9 %), нарушение конституционных прав и законных интересов личности (16 %), а также умышленное или неумышленное искажение информации или вовсе отказ от дачи показаний (57 %).

Видя весьма актуальную проблему уголовного судопроизводства, законодатель принял решение о создании правового института участия педагога и психолога в уголовном процессе, заключающегося в обеспечении правовой защищенности несовершеннолетних и создании наиболее благоприятных условий уголовного судопроизводства, не нарушающих психоэмоционального состояния детей. Безусловно, идеи привлечения лиц со специальными знаниями к производству дел с участием несовершеннолетних зародились давно, однако первые официальные упоминания об этом содер-

¹ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. Москва: Междунар. отношения, 1993.

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3309.

жаты в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹ Участие данных лиц в рассмотрении дела являлось зарождением современной модели правового института психолога и педагога в уголовном процессе. Этот институт призван предотвратить нарушения психологического состояния человека, а также обеспечить защиту и безопасность прав и свобод несовершеннолетнего [2]. Как справедливо отметил С. А. Шейфер, на педагога возлагается правозащитная функция, преследующая цель ограждение несовершеннолетнего от неблагоприятного и нежелательного воздействия со стороны должностных лиц [3].

Представленные действующим уголовно-процессуальным законодательством положения, закрепляющие участие педагога и психолога, одновременно являются императивными и диспозитивными нормами: определяя права и обязанности процессуального лица, законодатель отнес привлечение психолога и педагога к обеим категориям. Так, в соответствии с законом психолог или педагог обязан присутствовать при производстве ряда следственных действий: допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний, — с привлечением лиц, не достигших 16-летнего возраста и — при достижении ими указанного возраста — имеющих определенные психические расстройства (ч. 1 ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)).

Так, судьей Поронайского городского суда было принято решение об исключении результатов допроса несовершеннолетнего свидетеля из системы доказательств на основании ст. 75 УПК РФ, поскольку было установлено, что на момент производства следственного действия свидетель К. не достиг 16-летнего возраста, что указывает на необходимость обязательного привлечения к участию психолога или педагога (ст. 191 УПК РФ). Как следует из показаний свидетеля К., полученных в судебном разбирательстве, следственное действие — допрос несовершеннолетнего — протекало без участия педагога или психолога, а это противоречит требованиям действующего законодательства².

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (документ утратил силу). URL: <https://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 20.01.2024).

² Приговор № 1-128/2015 1-5/2016 от 25 января 2016 г. по делу № 1-128/2015 // Поронайский городской суд (Сахалинская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f12hD9Xe3JxW/?>. (дата обращения: 17.01.2024).

Кроме того, в целях оптимизации правового положения несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, в соответствии с которым в ст. 191 УПК РФ были внесены дополнения, а именно установлена обязанность следователя привлекать к некоторым следственным действиям психолога в случаях участия в них лиц, не достигших 16-летнего возраста или достигших, но имеющих определенные психические расстройства, по преступлениям против половой неприкосновенности.

Диспозитивный характер регулирования норм, обуславливающих участие педагога или психолога, прослеживается в том, что законодатель наделил процессуальное лицо самостоятельным правом на принятие решения о привлечении указанных специалистов к уголовному судопроизводству по делам с участием лиц, достигших 16-летнего возраста, а также выбора участия психолога или педагога.

Исходя из аутентичного толкования сущности педагога, приведенного в нормах уголовно-процессуального законодательства, под педагогом следует понимать педагогического работника, выполняющего в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся (п. 62 ст. 5 УПК РФ). Весьма широкое представление о данном участнике уголовного процесса позволяет полагать, что к участию в следственном действии может быть привлечен любой работник образовательной организации вне зависимости от уровня образования [4]. Кроме того, закон не указывает на прямую обязанность лица иметь педагогическое образование, оправдывая это тем, что педагогическому работнику данный фактор не мешает выполнять обязанности по обучению. Данное определение, представленное в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, предполагало возможность упрощенного выбора педагога для участия в уголовно-процессуальных отношениях, однако его усеченное понимание, наоборот, порождает ряд сложностей для правоприменителей. Так, в соответствии с данным нормативным правовым актом, педагогический работник представляет собой состоящее в трудовых и служебных отношениях с образовательной организацией или организацией, обеспечивающей обучение, физиче-

ское лицо. Возникает вопрос: возможно ли привлечение к уголовно-процессуальным отношениям педагогического работника, осуществляющего педагогическую деятельность на основе не трудового договора, а гражданско-правового, например воспитатель летнего оздоровительного лагеря? Разумеется, следуя положениям указанного федерального закона, такой возможности законодательство не предоставляет, причем в нормах УПК РФ данный аспект вовсе не освещается. Поэтому предлагается привести к единообразию п. 62 ст. 5 УПК РФ и п. 21 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Таким образом, при выборе педагога важно учитывать некоторые аспекты. Во-первых, возраст несовершеннолетнего. Участие в уголовном судопроизводстве малолетних лиц требует привлечение лица, имеющего педагогическое образование и практический опыт, что позволит ему установить более тесный контакт с лицами данной возрастной категории, например учитель младших классов. Рекомендуется также, в случае участия в уголовном процессе подозреваемых или обвиняемых в возрасте 15 лет, привлекать педагогов, имеющих знания, навыки и опыт работы с «трудными» подростками [5].

Во-вторых, анализ полученных результатов проведенного опроса среди сотрудников следственных подразделений г. Уфы констатирует наличие следующей проблемы: привлекать или нет в качестве педагога лицо, которое ранее было знакомо с несовершеннолетним. Решение данной проблемы видится в выборе педагога с учетом сложившихся взаимоотношений между потенциальным участником уголовного судопроизводства — педагогическим работником и несовершеннолетним. То есть на подготовительном этапе следственного действия (допрос несовершеннолетнего) процессуальному лицу важно установить взаимоотношения между предполагаемым педагогом и допрашиваемым. Желательно привлекать к участию либо совершенно незнакомого несовершеннолетнему лицу педагога, либо педагогического работника, вызывающего уважение и авторитетное влияние на лицо. В противном случае следователь или дознаватель создадут весьма неблагоприятную обстановку для производства допроса, несовершеннолетний окажется под психологическим давлением, что скажется на его эмоциональном и психическом состоянии, а также на результатах следственного действия.

Психологу, в отличие от педагога, для привлечения его к допросу несовершеннолетнего необязателен факт опыта работы. Достаточно документа,

удостоверяющего наличие специальных знаний и навыков, позволяющих снизить уровень давления психотравмирующей ситуации. Иными словами, психологом следует считать лицо, прошедшее курс обучения по специальности «Психология» и имеющее документ государственного образца. Отсюда следует, что весьма оправданно дополнение законодателя, внесенное в ст. 191 УПК РФ, о важности привлечения психолога к участию в следственных действиях по уголовным делам против половой неприкосновенности с участием лиц, не достигших 16-летнего возраста, поскольку в данном случае психолог поможет снизить уровень опасности психотравмирующей ситуации.

Особую важность присутствие психолога имеет при производстве следующих следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших: проверка показаний на месте, очная ставка, предъявление лица для опознания, — поскольку несовершеннолетнему необходимо вновь «пережить» данное событие и столкнуться с преступником. Работа психолога в данном случае играет чрезвычайно важную роль, поскольку он, используя свои знания и навыки, должен урегулировать психологическое давление на несовершеннолетнего, создать более располагающую обстановку, способствующую получению новых сведений, а также в случае необходимости оказать участнику следственного действия своевременную психологическую помощь. Так, несовершеннолетние лица дошкольного и младшего школьного возраста в силу физиологических особенностей не способны концентрировать внимание, узнавать ранее наблюдаемые предметы, лица, справляться с чувством смущения, страха, утомления, что, разумеется, не позволит на должном уровне провести предъявление для опознания. По причине отсутствия опыта, а также несформированных психических особенностей несовершеннолетнее лицо может воспринять схожие объекты или лица за тождественные. Поэтому психолог в данном случае поможет лицу справиться со стрессовой ситуацией и дать наиболее полное представление о совершенном преступлении.

Дифференциация роли и места психолога и педагога в уголовном судопроизводстве сегодня является одной из актуальных проблем теории уголовного процесса. Несмотря на то что данные лица нередко становятся участниками уголовно-процессуальных отношений, их процессуальный статус до сих пор не определен уголовно-процессуальным законодательством. Ученые-процессуалисты часто настаивают на важности

и необходимости закрепления педагога и психолога как самостоятельных, нетождественных участников уголовного процесса. С. В. Тетюев писал, что «педагог, привлеченный к производству допроса несовершеннолетнего, имеет более специфические задачи, которые не совпадают с задачами психолога» [6, с. 30]. М. Г. Янин, указывая на неопределенности в регламентации прав и обязанностей педагога и психолога в уголовном процессе, отстаивает позицию, касающуюся важности законодательного закрепления их процессуальных статусов в качестве специалиста [7]. Однако при всем многообразии подходов к определению роли и места педагога и психолога в уголовно-процессуальных отношениях данная проблема не теряет своей актуальности, поскольку данный вопрос все же остается открытым в теории уголовного процесса и требует комплексного исследования.

Важно отметить, что психолог и педагог, нередко отождествляемые в уголовном процессе со специалистами, наделенными определенным процессуальным статусом (ст. 58 УПК РФ), привлекаются к участию в следственных или иных процессуальных действиях, но не как самостоятельные участники уголовно-процессуальных отношений, а только как лица, оказывающие содействие следствию или суду. Данное положение свидетельствует о высокой степени необходимости участия педагога и психолога в уголовном судопроизводстве, при этом в настоящее время их функции недооценены, а процессуальный статус не урегулирован [8]. Поэтому в целях оптимизации правового положения несовершеннолетних важно начать с закрепления исключительно императивного подхода к привлечению педагога или психолога к производству следственных действий. Необходимо установить конкретные права, обязанности и ограничения для психолога и педагога, т. е. наделить их определенным правовым статусом, а также обозначить для каждого участника критерии, указывающие на его профессионализм, компетентность и опыт работы с данной уязвимой категорией лиц.

Статья 280 УПК РФ предусматривает участие педагога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, не достигших 16 лет, по усмотрению суда в возрасте от 16 до 18 лет, а также лиц, страдающих определенными психическими заболеваниями или имеющих физические недостатки. Данное законодательное положение, преувеличивая роль педагога в указанном следственном действии, исключает участие психолога. Не предоставляя возможности альтернативного привлечения к следственному действию педагога или психолога, законодатель не отвечает законным пра-

вам и интересам несовершеннолетнего лица — обеспечение специальной охраны и защиты, включая надлежащую правовую защиту. В особенности речь идет о том, что педагог не обладает теми достаточными компетенциями, позволяющими справиться с психотравмирующей ситуацией, и не в состоянии обеспечить должную психологическую защиту и безопасность.

Следовательно, видится целесообразным приведение в соответствие некоторых положений российского уголовно-процессуального законодательства, в частности касающихся точного толкования и закрепления понятий «педагог», «психолог», требований, предъявляемых данным участникам уголовно-процессуальных отношений, а также их юридических прав и правовых обязанностей, что непосредственно указывает на наличие процессуального статуса.

Таким образом, современное российское уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании норм, касающихся обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования. В связи с этим мы предлагаем в п. 62 ст. 5 УПК РФ представить определение педагога с учетом п. 21 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»; исключить из ст. 191, 280 УПК РФ альтернативное привлечение к участию в производстве по уголовным делам с несовершеннолетними лицами педагога и психолога. Данные пробелы в праве порождают ряд вопросов, которые возникают у правоприменителей, сталкивающихся с производством следственных действий, когда участниками нередко являются лица, не достигшие возраста совершеннолетия.

Тем не менее неоднозначные положения, касающиеся регламентации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве, порождают вопросы, связанные с исключением выбора участия того или иного лица в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних лиц [9]. Психолог, обладая определенными специальными знаниями, способен, в отличие от педагога, оценить психологическое состояние человека, указать на психические расстройства и задержки в развитии, тем самым позволяя усовершенствовать работу следователя или дознавателя на подготовительных этапах следственных действий. Все это позволяет сделать вывод о том, что данные участники следственных действий реализовывают совершенно разные права и обязанности, указывающие на их самостоятельность и нетождественность.

1. Тетюев С. В. Педагог (психолог), участвующий в допросе несовершеннолетнего, и «иные» участники уголовного судопроизводства: общее и особенное // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 135—140.

2. Лазарева В. А., Демкина М. С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 3. С. 101—107.

3. Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. Москва: Юрид. лит., 2001. 208 с.

4. Латыпов В. С. Отдельные субъекты применения специальных знаний в уголовном процессе России (на примере педагога, психолога и врача) // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 3 (16). С. 130—133.

5. Латыпов В. С. К вопросу о применении специальных знаний педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Черные дыры в Российском законодательстве. 2016. № 3. С. 98—100.

6. Тетюев С. В. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судья. 2014. № 10. С. 29—32.

7. Янин М. Г. Правовой статус педагога, психолога и законного представителя в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2020. Т. 5, вып. 2. С. 39—43.

8. Руднев В. И. Недопустимость оказания отрицательного воздействия на несовершеннолетних как новый принцип уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 100—106.

9. Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 2. С. 133—138.

Свяженина Анна Андреевна,

адъюнкт адъюнктуры

Уфимского юридического института

МВД России;

svyazhenina2024@mail.ru

1. Tetyuev S. V. Teacher (psychologist) participating in the interrogation of a minor and "other" participants in criminal proceedings: general and specific. Russian law journal, 135—140, 2009. (In Russ.).

2. Lazareva V. A., Demkina M. S. Problems of development of legal regulation of the activities of a teacher (psychologist) in investigative actions. Juridical journal of Samara university, 101—107, 2019. (In Russ.).

3. Sheifer S. A. Investigative actions: system and procedural form. Moscow: Legal literature; 2001: 208. (In Russ.).

4. Latypov V. S. Individual subjects of application of specialized knowledge in criminal proceedings in Russia (on the example of a teacher, psychologist and doctor). Russian journal of legal research, 130—133, 2018. (In Russ.).

5. Latypov V. S. On the issue of application of specialized knowledge of a teacher and psychologist in criminal proceedings. Black holes in Russian legislation, 98—100, 2016. (In Russ.).

6. Tetyuev S. V. Teacher and psychologist's participation in criminal proceedings. Judge, 29—32, 2014. (In Russ.).

7. Yanin M. G. Judicial status of a teacher, psychologist and legal guardian in Russian criminal proceedings. Bulletin of Chelyabinsk State University. Series "Law", 39—43, 2020. (In Russ.).

8. Rudnev V. I. Inadmissibility of negative influence on minors as a new principle of criminal proceedings. Journal of Russian law, 100—106, 2012. (In Russ.).

9. Markovicheva E. V., Tatyana L. G. Problems of teacher and psychologist's participation in criminal proceedings. Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and law", 133—138, 2017. (In Russ.).

Svyazhenina Anna Andreyevna,

associate adjunct of the Ufa Law Institute

of the Ministry of the Interior of Russia;

svyazhenina2024@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

УДК 343.13

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕГО ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ**

Ярослав Владимирович Тучков

адъюнкт Академии управления МВД России, Москва, Россия, yaroslav.tuchkov@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается тема развития уголовно-процессуального права в свете построения цифрового общества, одним из направлений которого является изучение транспарентности деятельности властных субъектов уголовного процесса и различных способов ее повышения. Потребность в изучении данной темы обусловлена стремительным развитием и постепенным оснащением уголовного судопроизводства цифровыми технологиями, способными увеличить уровень открытости, доступности и прозрачности деятельности его властных субъектов, что положительно влияет на реализацию и защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Представляется, что электронная подача заявления, сообщения о преступлении и электронное производство по уголовному делу за счет использования цифровых платформ и сервисов будет способствовать повышению транспарентности деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда, формируя у населения мнение, что данные органы в действительности способны эффективно защищать их права и законные интересы. Сделан вывод, что в эпоху цифровизации общественных отношений транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства способна выйти на совершенно новый уровень, все больше соответствуя потребностям современного общества.

Ключевые слова: транспарентность, открытость, доступность, цифровые технологии, цифровизация, цифровая платформа, электронное производство по уголовному делу, электронное заявление, сообщение о преступлении

Для цитирования: Тучков Я. В. Цифровизация уголовного судопроизводства как условие повышения транспарентности деятельности его властных субъектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 162—171.

**CRIMINAL PROCEEDINGS DIGITALIZATION
TO IMPROVE THE TRANSPARENCY OF AUTHORITIES' ACTIVITIES**

Yaroslav Vladimirovich Tuchkov,

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, yaroslav.tuchkov@mail.ru

Abstract. In this article the subject of the criminal procedural law development in view of the digital society creation is considered, and the study of the transparency of the criminal procedure authorities and different methods to improve it as one of its aspects. This study is required because of the rapid development and progressive digitalization of criminal proceedings, which increase the level of openness, availability and transparency of its authorities, and thus affect the implementation and protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings positively.

E-statement, e-crime report and criminal proceedings by means of digital platforms and services appear to improve the transparency of the prosecution authorities and the court to create public opinion about the ability of these bodies to protect their rights and legitimate interests effectively. It is concluded that transparency of the activities of the criminal justice authorities could approach a completely new level in the era of digitalization of social relations, becoming more relevant to the needs of modern society.

Keywords: transparency, openness, availability, digital technology, digitalization, digital platform, electronic criminal proceedings, electronic statement, crime report

For citation: Tuchkov Ya. V. Criminal proceedings digitalization to improve the transparency of authorities' activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 162—171, 2024. (In Russ.).

В современном мире подавляющее большинство технологически развитых государств в число приоритетных направлений своего развития включают вопросы использования цифровых технологий, которые создают новые возможности в получении и обработке информации, дистанционной коммуникации, предоставлении услуг и т. д. Российская Федерация в данном случае не отстает от мировых трендов и пытается соответствовать актуальным тенденциям нынешнего цифрового общества, в связи с чем за последние годы ускоренными темпами разрабатывает и внедряет новейшие технологии в различные сферы деятельности человека, в том числе в сферу уголовного судопроизводства.

Так, пандемия COVID-19 показала консервативность отечественного уголовного процесса, столкнувшегося с колоссальным рядом проблем, которые «исключили или затруднили возможность непосредственного участия большинства участников уголовно-процессуальных отношений в процессуальных действиях или в судебном заседании и тем самым реализации ими своих конституционных прав и свобод» [1, с. 788]. В этих условиях закономерно увеличилось количество нарушений закона при производстве следствия и дознания с 1,511 тыс. в 2019 г. до 1,799 тыс. в 2022 г.¹, в число которых попали следующие неурегулированные проблемы: неспособность в должной мере подавать заявление о совершенном преступлении в связи с карантинными мерами и отсутствием возможности его подачи в электронном виде; недопустимость проведения следственных и иных процессуальных действий, например допросов потерпевших или свидетелей в силу самоизоляции и их невозможности явиться к следователю или в суд, и многие другие, что в конечном итоге ограничивало право указанных лиц в части доступа к правосудию, а также существенно затрудняло реализацию таких принципов уголовного судопроизводства, как разумный срок, право на обжалование процессуальных действий, решений и т. д., и негативно сказывалось на реализации его назначения.

Одновременно пандемия, вызванная распространением коронавирусной инфекции, послужила

мощным импульсом для модернизации практически всех отраслей права, что способствовало обновлению определенной части норм уголовно-процессуального законодательства за счет включения в него цифровых технологий, которые позволили удаленно с помощью видео-конференц-связи проводить следственные действия и участвовать в судебном заседании, активно использовать электронный документооборот в судебном производстве, что в дальнейшем дополнило и процедуры досудебных стадий. Однако в настоящий момент прослеживается определенная стагнация освоения и внедрения таких технологий в уголовно-процессуальную деятельность, в связи с чем необходимо дальнейшее их интегрирование, как это реализуется зарубежными правоохранительными и судебными органами, например в Республике Казахстан, Эстонской Республике, Королевстве Саудовская Аравия, где расследование преступления осуществляется в электронном формате, а также в Китайской Народной Республике, которая «осторожно» использует искусственный интеллект в суде и прокуратуре, благодаря чему повышается эффективность и прозрачность деятельности всех участников уголовного судопроизводства.

Необходимость в цифровом совершенствовании существующей парадигмы уголовно-процессуальной формы так или иначе отражается в трудах различных ученых и связывается с внедрением в уголовный процесс технологий электронного судопроизводства и его элементов, которые способны позволить в упрощенном, дистанционном порядке применять примирительные процедуры как в досудебных стадиях, так и в судебном разбирательстве [2]; с переходом на электронное взаимодействие государства и общества в досудебном уголовном производстве в новой цифровой реальности [3]; с трансформацией письменной формы ведения уголовного дела в электронную и осуществлением взаимодействия всех участников уголовного процесса в формате paper-free, предусматривающем дальнейшее исключение бумажного документооборота [1].

Стоит согласиться с представленными мнениями, связывающими процесс цифровизации уголовного судопроизводства в первую очередь с переходом на электронный формат расследования преступления. Современное общество — это общество данных, вследствие этого цифровая инфраструктура способна сохранять и помнить абсолютно все, что сегодня способно положительно отразиться на обеспечении более прозрачного

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2019—2022 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 03.04.2024).

доступа к правосудию. Как верно подмечает Е. В. Мищенко, «цифровизация не является веянием моды, скорее это закономерный процесс, который не зависит от желания субъектов уголовно-процессуальных правоотношений» [4, с. 1089].

Мы придерживаемся позиции уважаемых ученых, которые положительно оценивают перспективы цифровизации отечественного уголовного процесса и видят в этом будущее. Добавим, что современная трансформация уголовного судопроизводства является определенным этапом эволюции уголовно-процессуальной деятельности, характеризующим ее прогресс в условиях цифровизации общественных отношений. Например, в прошлом вся деятельность властных субъектов уголовно-процессуальных отношений основывалась исключительно на бумажных документах, ручных записях и традиционных методах собирания, проверки и оценки доказательств, что существенно увеличивало сроки расследования преступлений. Сейчас же за счет таких новелл, как видео-конференц-связь, «Мобильный криминалист», методы 3D-моделирования осмотра места происшествия, проведение судебных заседаний в онлайн-режиме, СМС-оповещение участников процесса, использование электронных документов, цифровых платформ (на примере ИСОД МВД России или КИС АР), появилась возможность значительного ускорения производства по уголовному делу, что сделало работу участников уголовного судопроизводства более адаптивной и, самое важное, более транспарентной в условиях цифровизации общественных отношений.

Следует отметить, что дальнейшая интеграция цифровых технологий с уголовным судопроизводством имеет огромное значение в контексте развития его современного порядка, что способствует переходу на совершенно новый уровень такого явления, как *транспарентность* деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда, способная не только усилить доверие общества к ним, но и в целом улучшить качество производства по уголовному делу.

Так, в силу стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий и оснащенности ими почти каждого человека особую значимость приобретает транспарентность в деятельности абсолютно всех государственных органов, в том числе правоохранительных и судебных. О необходимости обеспечения прозрачности, четкости и простоты в каждодневных отношениях государства и гражданина упоминалось еще в далеком 2010 г. [5], когда действующий на тот момент

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации отметил: «Понимание того, что чиновники служат народу, а не вершат его судьбы, — основа демократического устройства. Для гражданина ведь государство — это чиновник, к которому он пришел на прием; судья, который принял решение по его делу...»¹.

Помимо этого, в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации 2012 г. выделяется направление, согласно которому необходимо предпринять меры, ориентированные на качественное повышение уровня открытости их деятельности, например «совершенствование принципов открытости информации о состоянии преступности, общественного порядка, борьбы с коррупцией, развитие предоставления государственных услуг органами внутренних дел, в том числе в электронном виде» и др.²

Необходимо добавить, что тема транспарентности при реализации норм различных отраслей права, в частности уголовно-процессуального, не потеряла актуальности и сегодня и входит в круг изучения ученых-процессуалистов А. А. Тарасова, М. С. Колосович, Е. А. Зайцевой, А. В. Победкина, Е. В. Марковичевой, Н. В. Спесивова, М. Т. Аширбековой и др.

Проанализировав работы указанных авторов, можно сказать, что транспарентность сейчас рассматривается больше как доктринальная конструкция уголовного процесса, нежели нормативная, вследствие чего она так и не нашла своего законодательного закрепления в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Исходя из этого, вновь возросшая актуальность данного исследования продиктована стремительным развитием цифровых технологий, их активным и высокорезультативным использованием (например, в арбитражном судопроизводстве, где функционирует онлайн-сервис «Мой арбитр», включающий раздел «Электронный страж», оформив подписку на который можно регулярно просматривать, какие документы и когда были отправлены участниками процесса в суд; что суд принял или вернул обратно; все движения

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. 1 дек.

² Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. Москва, 2012. С. 19.

документооборота по рассматриваемому делу и т. д.), что в разы повышает уровень доступности, открытости и прозрачности данного процесса, опыт которого, несомненно, необходимо учесть при цифровом совершенствовании уголовного судопроизводства.

Как следствие, исследование проблемы транспарентности деятельности участников уголовного процесса имеет ключевое значение в контексте развития науки уголовно-процессуального права. Необходимо четко определить, способна ли глобальная цифровизация общественных отношений, характеризующаяся использованием технологий нового поколения государственными органами (МВД России, прокуратура, суд и т. д.), повысить уровень транспарентности их деятельности в ходе производства по уголовному делу, или, наоборот, она создаст ряд трудностей, которые будут связаны с нарушениями тайны предварительного расследования, безопасности персональных или иных данных и т. д. Таким образом, обозначенная автором статьи проблема на протяжении следующих лет продолжит занимать ведущее положение среди ученых-процессуалистов, в круг изучения которых входит рассмотрение процессов внедрения современных технологий в уголовно-процессуальную деятельность и их влияния на нее.

Согласно мнению Р. В. Павленкова и М. С. Коловнич, «в настоящий момент интенсивное развитие общественных отношений и демократических институтов страны воспитало у гражданского общества потребность в получении достоверной информации о деятельности государственных правоохранительных и судебных органов, их должностных лиц» [6, с. 124]. Применительно к данному тезису стоит добавить, что цифровизация общественных отношений открыла для населения абсолютно новые возможности, например прочтение комментариев большинства нормативных правовых актов, просмотр онлайн-курсов или онлайн-консультаций, проводимых различными юристами по тем или иным вопросам, что привело к повышению у общественности уровня правовой культуры и способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, что, несомненно, ведет к росту поданных заявлений, жалоб и иных обращений на различных стадиях уголовного процесса (с 733 тыс. в 2021 г. до 800 тыс. в 2022 г., или на 9 %) ¹.

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2019—2022 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL:

Кроме того, развитие Интернета, в том числе различных видеохостингов (YouTube, VK Видео) и высокая популярность их использования, повысило уровень осведомленности населения относительно осуществления процессов, связанных с расследованием преступления и рассмотрением уголовных дел в суде. Благодаря этому общество стало предъявлять правоохранительной и судебной системе современные требования, одним из которых является практически тотальная транспарентность их деятельности, не зависящая от категории дела или личности конкретного участника уголовного процесса, так как благодаря ясности и открытости можно понимать и давать деятельности данных органов объективную оценку, соответствующую нормам закона, а также самостоятельно контролировать всю информацию об уголовном судопроизводстве и оперативно реагировать на его изменения, что обеспечивает качественную защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

Примером, иллюстрирующим данную позицию, является опыт судебной системы Республики Казахстан, где в апреле 2024 г. в Астане проходил процесс по делу экс-министра Куандыка Бишимбаева, обвиняемого в убийстве с особой жестокостью своей гражданской супруги Салтанат Нукуновой. Процесс транслировался от начала судебного разбирательства и до вынесения приговора на весь мир посредством видеохостинга YouTube. Указанный формат позволил общественности удостовериться в том, что судебное разбирательство было проведено в соответствии с принципами уголовного судопроизводства, выстроить собственное, основанное на наблюдении мнение о сотрудниках следствия, прокуратуры, экспертах и адвокатах, а также наблюдать за вынесением справедливого приговора виновному, что в целом сформировало реальную оценку деятельности правоохранительной и судебной системы Республики Казахстан не только для ее граждан, но и граждан других государств.

Перед тем как переходить к рассмотрению конкретных примеров, как же современная цифровая трансформация способна обеспечить должный уровень транспарентности деятельности властных субъектов уголовного процесса, интересно отметить, что термин «транспарентность» (от фр. transparent) пришел к нам из зарубежной науки и получил довольно широкое исполь-

<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 03.04.2024).

зование, однако дословный перевод на русский язык данного термина означает «прозрачность» или «доступность» [7, с. 116]. В других источниках под данным термином понимается информационная прозрачность, отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности информации¹.

Анализ научной литературы позволяет выявить различные, но достаточно схожие точки зрения, касающиеся темы транспарентности уголовного судопроизводства. Так, в некоторых публикациях под ней понимается: система, обеспечивающая заинтересованному лицу возможность получить необходимую для него информацию о производстве по уголовному делу в той части, которая позволяет ему реализовать собственные конституционные права и свободы и не допускает необоснованного нарушения или ограничения конституционных прав и свобод других [8]; важная характеристика системы правосудия, являющаяся необходимым условием реализации гражданским обществом функции контроля над судопроизводством, что позволяет обеспечивать единообразие судебной практики и процессуальную экономию [9]; важное условие эффективности российской судебной системы, которая представляет собой некую гарантию независимости судей и контроля за деятельностью суда [10]; руководящая идея, лежащая в основе построения и функционирования судебной ветви власти российского государства, позволяющая своевременно получать, обрабатывать и передавать достоверную информацию о судебной власти в целом и осуществлять гражданский контроль за ее деятельностью в соответствии с законом [5].

Отчасти стоит согласиться с указанными выше определениями транспарентности, однако важно отметить следующее: авторы в большинстве своем говорят об открытости судебной деятельности, что на данный момент не позволяет в должной мере обеспечивать качество правосудия в нашей стране. В связи с этим досудебная уголовно-процессуальная деятельность также должна быть сориентирована в сторону повышения уровня доступности и прозрачности в силу высокого уровня нарушения закона на данной стадии, что рассматривается также в исследованиях профессора А. А. Тарасова [8, с. 19]. Перспективным направлением решения данной задачи видится внедрение электронного производства по уголовному делу и реформирование стадии возбуждения уго-

ловного дела за счет автоматизации подачи заявлений, сообщений о преступлении.

При изучении транспарентности уголовного судопроизводства необходимо указать на ее значение, заключающееся в своевременном осведомлении каждого участника уголовного процесса актуальной и достоверной информацией о функционировании органов, осуществляющих производство по уголовному делу, что способно качественно повысить уровень контроля со стороны заинтересованных лиц за ходом и результатами расследования преступления и оперативного реагирования на нарушения их конституционных прав и свобод, на что также в своей докторской диссертации на тему «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы» обращает внимание М. С. Колосович [11]. Согласно ее точке зрения, транспарентность уголовного процесса следует разделять на две самостоятельные категории:

— транспарентность уголовного судопроизводства для неограниченного круга лиц, позволяющая формировать адекватное представление о ее эффективности и легитимности через различные отчеты должностных лиц правоохранительных и судебных органов, их ответы на запросы граждан, организаций и СМИ во время личного приема, по телефонам справочной службы и т. д.;

— транспарентность для участников уголовного судопроизводства, позволяющая им иметь соответствующий доступ к достоверной, полной, понятно изложенной и своевременно предоставленной информации в том объеме, который соответствует их процессуальному статусу, направленная на реализацию цели своего участия и контроля за деятельностью властных субъектов уголовного процесса. Автор диссертационного исследования включает сюда всю имеющуюся информацию о лице, производящем расследование, о предстоящих следственных или иных процессуальных действиях, о ходе и результатах расследуемого преступления и т. д. [11]

Действительно, основная функция транспарентности заключается в обеспечении информированности участников уголовного процесса и иных лиц о деятельности властных субъектов при производстве по уголовному делу в той мере, в которой это возможно в соответствии с действующим УПК РФ. Безусловно, следует согласиться с точкой зрения М. С. Колосович в части того, что деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры или суда по расследованию

¹ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014.

преступления должна и обязана быть доступна как непосредственным участникам уголовного процесса, так и незаинтересованным лицам в целях формирования у них чувства справедливого и законного функционирования отечественной системы правосудия.

Стоит отметить, что транспарентность в цифровой среде приобретает особую важность. Если говорить о прозрачности уголовного судопроизводства для граждан, ученых и общественных организаций, то сейчас цифровые технологии позволяют им обеспечивать онлайн-доступ к судебным заседаниям, направлять обращения в суд, прокуратуру и иные органы государственной власти в электронном виде, знакомиться в любое время и любом месте с публикациями решений судов и статистическими данными практически каждого ведомства через цифровые интернет-площадки (платформы), т. е. быстро, удобно предоставлять информацию и получать ее для дальнейшего использования и анализа. Открытость такой информации помогает населению понять, как в целом функционирует судопроизводство, и повышает уровень правовой осведомленности о деятельности судов, о чем изложено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35. Задача общественного контроля за деятельностью субъектов, осуществляющих рассмотрение в суде уголовного дела, заключается в формировании у населения понимания о действительно справедливом и правильном применении уголовного и уголовно-процессуального закона его властными субъектами¹.

Говоря о прозрачности материалов уголовного дела для непосредственных участников уголовного процесса, стоит подчеркнуть, что на протяжении последних лет активно ведутся разговоры о переходе от бумажных форм расследования к цифровым, т. е. к электронному производству по уголовному делу, как это реализуется в Республике Казахстан. Стоит отметить, что казахстанские следователи с каждым годом все чаще выбирают данный формат расследования преступления. Так, в 2019 г. из 240 тыс. уголовных дел 62 тыс. были закончены в электронном формате, в 2021 г. из 192 тыс. — 137 тыс., в 2023 г. 148 тыс. из 156 тыс., а за шесть месяцев

2024 г. практически каждое уголовное дело было завершено в электронном формате (57 414 из 60 700)². Преимущества электронного производства по уголовному делу заключаются в ускорении документооборота и электронной коммуникации между участниками уголовного процесса, в сокращении канцелярских расходов, в увеличении скорости подачи жалоб, заявлений, ходатайств, а также в повышении уровня прозрачности хода и результатов расследования преступления. Так, каждый из участников уголовного процесса через конфиденциальную цифровую платформу имеет доступ к материалам уголовного дела в соответствии со своим процессуальным статусом, которые ежесекундно находятся «под его рукой» в смартфоне или компьютере, благодаря чему он полностью осведомлен о движении уголовного дела. Вместе с тем такая новация сокращает количество фальсификаций материалов со стороны должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также стимулирует их выполнять свою деятельность в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

С учетом введения указанной уголовно-процессуальной формы производства по уголовному делу принципиально важно подчеркнуть, что использование цифровой платформы, создающей совершенно новые способы хранения, использования, предоставления материалов уголовного дела и ознакомления с ними участников уголовного процесса, безусловно, требует строжайшего соблюдения положений ст. 161 УПК РФ, запрещающей участникам уголовного судопроизводства разглашать данные предварительного расследования без соответствующего разрешения следователя или дознавателя. Одним из механизмов контроля в таком случае может стать введение этапа подтверждения об ознакомлении с диспозицией ст. 310 УК РФ и ее последствиями путем предоставления специальной отметки, не проставив которую данное лицо не будет иметь возможность перейти к просмотру материалов. К тому же в целях минимизации их незаконного распространения целесообразно использовать определенные маркеры (ID-номер потерпевшего, подозреваемого и т. д. или номер уголовного дела) на процессуальных документах, содержащихся в электронном уголовном деле. В перспективе это позволит устранить

¹ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139119/ (дата обращения: 06.04.2024).

² Правовая статистика Республики Казахстан // Интернет-портал правовой статистики Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 13.04.2024).

проблему безоглядной информированности о деятельности органов предварительного расследования, а также в случаях утечки конфиденциальной информации установить лицо, с профиля которого они были предоставлены третьим лицам.

Помимо этого, электронное производство по уголовному делу охватывает абсолютно все стадии уголовного процесса, начиная с подачи заявления, сообщения о преступлении и до вынесения итогового решения судом, что позволяет потерпевшему или обвиняемому отслеживать результат каждого процессуального действия, а прокурору — более эффективно осуществлять надзор за деятельностью органов предварительного расследования и свои функции государственного обвинителя в суде. Таким образом, рассмотренная новелла сокращает количество ложных утверждений и суждений о деятельности властных субъектов уголовного процесса и призвана снизить уровень коррупционной составляющей органов предварительного расследования, прокуратуры или суда путем обеспечения общественного контроля за движением уголовного дела, формируя у населения мнение, что правоохранительные и судебные органы в действительности способны качественно и эффективно защищать их права и законные интересы.

Особое значение в условиях цифровизации общественных отношений приобретает существующая на протяжении полувека процедура начала производства предварительного расследования возбуждением уголовного дела, получившая обоснованную

критику со стороны значительной части ученых, таких как С. Е. Вицин, Л. М. Володина, Б. Я. Гаврилов, И. Л. Петрухин и др., а также абсолютного большинства практических работников. Обусловлено это тем, что, во-первых, ограничиваются конституционные права граждан на доступ к правосудию, а во-вторых, снижается эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [12]. Стоит добавить, что профессор Б. Я. Гаврилов с колоссальным практическим и научным опытом на протяжении около 30 лет ведет речь о том, что стадия возбуждения уголовного дела подлежит ликвидации в связи с множественными нарушениями уголовно-процессуального законодательства следователями, дознавателями и иными должностными лицами органа дознания. Данная позиция подтверждается статистикой Генеральной прокуратуры Российской Федерации, согласно которой зафиксировано сокращение за последние годы (с 2,4 млн в 2011 г. до 1,9 млн в 2022 г.) количества зарегистрированных преступлений при одновременном увеличении за данный период практически на это же количество выявленных нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении — с 2,9 млн до 3,4 млн (табл. 1), что свидетельствует о многочисленных фактах нарушения закона при осуществлении регистрационно-разрешительной деятельности властных субъектов уголовного процесса и требует качественного и квалифицированного решения.

Статистические данные о количестве выявленных нарушений закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении и зарегистрированных преступлениях

Год	Всего зарегистрировано преступлений, млн ¹	Нарушения при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, млн ²
2011	2,404	2,921
2018	1,991	3,730
2022	1,966	3,417

¹ Всего зарегистрировано преступлений // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.04.2024).

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2011—2022 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 10.04.2024).

Актуальным решением данной проблемы видится возможность подачи электронного сообщения о преступлении через цифровую платформу (например, ГосУслуги или ГАС «Правосудие»), что в настоящее время реализуется правоохранительными органами Республики Казахстан через сервис Qamqor. Указанное поспособствовало бы повышению уровня прозрачности деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, на стадии возбуждения уголовного дела. Положительной стороной данной новеллы является своевременная регистрация заявлений, сообщений о преступлении, в первую очередь сокращающая попытки со стороны должностных лиц органов предварительного расследования, органов дознания и органов внутренних дел тем или иным способом укрыть их от регистрации и решающая вопросы, связанные с большим количеством незаконно вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Вместе с тем подача заявления онлайн позволяет гарантировать сохранность информации, предоставленной гражданином, тем самым исключая их утерю, повреждение или искажение. После подачи заявления через цифровой сервис гражданин может отслеживать его статус и получать уведомления о его изменении, что позволяет быть в курсе процесса рассмотрения заявления и своевременно получать информацию о принятых мерах со стороны правоохранительных органов¹.

Помимо этого, автоматическая регистрация и последующий учет, по мнению профессора Л. А. Воскобитовой, позволили бы более полно и гарантированно реализовать обязательство государства в обеспечении каждого потерпевшего от преступления доступом к правосудию, прямо предусмотренного ст. 52 Конституции Российской Федерации [13].

Таким образом, прозрачность подразумевает доступность и открытость всей информации, касающейся уголовного судопроизводства, в частности стадии возбуждения уголовного дела. В силу развития цифровой среды и использования современных технологий, при проверке заявления, сообщения о преступлении значительно повышается уровень обеспечения прозрачности данного

этапа расследования, что не требует от участников процесса каких-либо дополнительных физических или иных затрат, а также создает условия для исключения случаев коррупционных проявлений вследствие повышенного внимания, которое препятствует совершению органами предварительного расследования или дознания противоправных действий. Следовательно, можно констатировать, что использование цифровой платформы для подачи заявления, сообщения о преступлении, автоматическая их регистрация и учет способны стать тем самым фактором, который позволит повысить прозрачность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства Российской Федерации на стадии возбуждения уголовного дела.

На основании проведенного исследования можно заключить, что в условиях цифровизации общественных отношений, в частности уголовно-процессуальных, к правоохранительным и судебным органам предъявляются современные требования, связанные с открытостью, доступностью и прозрачностью их деятельности, для более точного обеспечения и соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Повысить прозрачность деятельности указанных органов предлагается через дальнейшее внедрение и качественное использование цифровых технологий в ходе проведения следственных или иных процессуальных действий; введение электронного производства по уголовному делу; подачу заявления, сообщения о преступлении через цифровую платформу и их автоматическую регистрацию, что в перспективе откроет путь к прозрачности данных уголовно-процессуальных процедур.

Важно обратить внимание, что автором статьи на момент ее написания (первая половина 2024 г.) используются статистические данные о результатах деятельности прокуратуры до 2022 г., ввиду того что статистика за 2023 и 2024 гг. на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации отсутствует. Это позволяет говорить об определенной «антитранспарентности» функционирования органов прокуратуры, а вместе с тем и органов предварительного расследования и суда, чьи показатели также раскрываются через указанные данные. Следовательно, полезно обратить внимание на Портал органов правовой статистики и специальных учетов Республики Казахстан, который содержит в себе отчетность о деятельности каждого своего ведомства начи-

¹ Как подать заявление в полицию онлайн: новый функционал сервиса Qamqor // Krasnozn.ru. URL: <https://krasnozn.ru/blog/obrazczy/kak-podat-zayavlenie-v-policziyu-onlajn-novyj-funkczional-servisa-qamqor> (дата обращения: 09.04.2024).

ная с 2008 г. и своевременно дополняется актуальной информацией.

Таким образом, отечественный уголовный процесс в силу значительного количества проблем нуждается в реформировании, связанном с внедрением в него электронного производства по уголовному делу, автоматизированной подачи заявления, сообщения о преступлении (на примере Республики Казахстан), заимствовании опыта арбитражного процесса в контексте использования сервиса «Мой арбитр» и т. д. Важно отметить, что введение указанных уголовно-процессуальных форм способно повысить прозрачность деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда в том объеме, в котором она необходима нынешнему цифровому обществу.

1. Андреева О. И., Зайцев О. А., Кудрявцева О. И. Влияние COVID-19 на осуществление конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 5. С. 786—797.

2. Русман Г. С., Сурменева С. В. Цифровые инструменты в примирительных процедурах уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы // *Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г.)*. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 256—262.

3. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6 (103). С. 137—146.

4. Мищенко Е. В., Никурадзе Н. О., Марина Е. А. Уголовное судопроизводство в условиях глобальной цифровизации общества // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. Т. 15, № 8. С. 1082—1093.

5. Стребкова Е. Г. Принцип прозрачности судебной власти: конституционно-правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 23 с.

6. Павленков Р. В., Колосович М. С. Прозрачность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2024. № 1 (68). С. 120—132.

7. Пальянова Е. В. Прозрачность в гражданском процессе. Соотношение понятий транс-

Создание условий для частичного, на первом этапе, перехода от бумажных форм к формам цифровым, от стандартного порядка проведения следственных и иных процессуальных действий к дистанционному, от очного судебного разбирательства к онлайн-заседаниям и т. д. способно повысить уровень прозрачности функционирования властных субъектов уголовного судопроизводства, направленной на укрепление их авторитета и нацеленной на снижение уровня совершаемых ими противоправных деяний (злоупотребление или превышение должностными полномочиями и т. д.), а также способствующей формированию гражданского общества.

1. Andreyeva O. I., Zaitsev O. A., Kudryavtseva O. I. The influence of COVID-19 pandemic on the realization of the constitutional rights and freedoms of criminal proceedings' participants. *Russian journal of criminology*, 786—797, 2020. (In Russ.).

2. Rusman G. S., Surmeneva S. V. Digital tools in conciliation of criminal proceedings: current status and prospects. In: *Criminal Procedure of Russia and foreign countries: problems and prospects of development. Proceedings of the international scientific and practical conference, 24 November 2023, Saint Petersburg, Russia*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 256—262. (In Russ.).

3. Maslennikova L. N. Transformation of pre-trial proceedings into the initial stage of criminal proceedings providing access to justice in the era of Industry 4.0. *Actual Problems of Russian Law*, 137—146, 2019. (In Russ.).

4. Mishchenko Ye. V., Nikuradze N. O., Marina Ye. A. Criminal proceedings in the conditions of global digitalization of society. *Journal of Siberian Federal University. Series "Humanities"*, 1082—1093, 2022. (In Russ.).

5. Strebkova Ye. G. The principle of transparency of judicial power: constitutional-legal issues. *Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences*. Saratov; 2012: 23. (In Russ.).

6. Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S. Transparency of activities of authority subjects of criminal proceedings. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 120—132, 2024. (In Russ.).

7. Palyanova Y. V. Transparency in civil proceedings. *Correlation of the concepts of transpa-*

парентности, гласности, открытости // Вестник магистратуры. 2014. № 2 (29). С. 116—119.

8. Тарасов А. А. Транспарентность правосудия — важный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 15—20.

9. Смирнов А. В. Транспарентность судебной власти: политико-правовой анализ // Проблемы транспарентности правосудия: монография / ред.-сост.: Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. Москва: ЛексЭст, 2005. С. 13—30.

10. Зотова А. Ф. Транспарентность как способ реализации принципа открытости уголовного судопроизводства // Форум. 2022. № 1 (27). С. 198—201.

11. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 51 с.

12. Гаврилов Б. Я. К вопросу о возбуждении уголовного дела // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 32—34.

13. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский Закон). 2019. № 5 (150). С. 91—104.

rency, publicity, openness. Bulletin of magistracy, 116—119, 2014. (In Russ.).

8. Tarasov A. A. Transparency of justice — an important feature of the state of law. The rule of law state: theory and practice, 15—20, 2013. (In Russ.).

9. Smirnov A. V. Transparency of the judiciary: political and legal analysis. In: Problems of transparency of justice. Monograph. Ed. by E. B. Abrosimova, S. L. Chizhkov. Moscow: LexEst, 2005: 13—30. (In Russ.).

10. Zotova A. F. Transparency to realize the principle of openness of criminal proceedings. Forum, 198—201, 2022. (In Russ.).

11. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure publicity and confidentiality in criminal proceedings: conceptual bases. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 51. (In Russ.).

12. Gavrilov B. Ya. On the issue of initiation of criminal proceedings. The scientific-practical journal "Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction", 32—34, 2009. (In Russ.).

13. Voskobitova L. A. Criminal proceedings and digital technologies: problems of compatibility. Lex Russica (Russian Law), 91—104, 2019. (In Russ.).

Тучков Ярослав Владимирович,

адъюнкт

Академии управления МВД России;

yaroslav.tuchkov@mail.ru

Tuchkov Yaroslav Vladimirovich,

associate adjunct

of the Academy of Management

of the MIA of Russia;

yaroslav.tuchkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 03.09.2024.

* * *

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Владимир Александрович Азаров,

заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА МУРАТОВА «ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 5.1.4 — УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ)

Вещественные доказательства, являясь традиционной разновидностью судебных доказательств, все же в уголовном процессе занимают особое место. Об этом весьма убедительно свидетельствует даже тот факт, что в гл. 10 «Доказательства» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) объем законодательного материала, посвященного именно вещественным доказательствам, более чем в семь раз превышает суммарное количество законоположений, касающихся всех остальных видов судебных доказательств.

Кроме того, повышенное внимание законодателя к вещественным доказательствам в уголовном судопроизводстве подтверждается постоянными масштабными дополнениями и изменениями норм УПК РФ, регулирующих понятие и виды вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ — 2006, 2012, 2013, 2014 гг.); процедуры признания вещественными доказательствами предметов и документов по отдельным категориям уголовных дел (ст. 81.1 УПК РФ, введенная в 2016 г., дополненная в 2018 и 2021 гг.); порядок их учета, хранения, конфискации и ареста (ст. 82 УПК РФ — 2002, 2010, 2012, 2013, 2014, 2017, 2022 гг.) и т. д.

Вопросам обращения вещественных доказательств при производстве по уголовным делам постоянно уделял пристальное внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации, систематически обсуждает их и Конституционный Суд Российской Федерации, не далее как в июне 2023 г. принявший очередное постановление (№ 33-П) о признании не соответствующими Конституции Российской Федерации ряда положений ст. 82 УПК РФ о хранении вещественных доказательств.

Несмотря на ощутимые усилия законодателя и высших судебных инстанций Российской Федерации, представители следственных и судебных органов продолжают испытывать серьезные трудности в работе с вещественными доказательствами. В частности, на практике возникают проблемы в ходе их изъятия и осмотра; признания таковыми; определения процедуры хранения, уничтожения, реализации или возвращения законным владельцам, а также при передаче предметов и документов в рамках международного сотрудничества по уголовным делам.

Дополнительные сложности использования вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве (по сравнению с иными видами доказательств) обусловлены объективными причинами. Одной из главных является необходимость обеспечения прав и законных интересов собственников, пользователей и владельцев документов и предметов, вынужденно вовлекаемых в производство по уголовному делу.

К тому же, на изъятые предметы, объекты, документы («ценные бумаги»), ценности может быть наложен арест — для обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, исполнения наказания в виде штрафа или возможной конфискации.

Следует учитывать и то обстоятельство, что институт вещественных доказательств имеет комплексный межотраслевой характер, позволяющий: а) сохранить доказательственную информацию о событии преступления и причастных к нему лицах; б) обеспечить возмещение ущерба от преступления и восстановление прав владельцев и собственников вещественных доказательств; в) сформировать единый подход при решении всех вопросов использования вещественных доказательств в различных судопроизводствах с учетом их multifunctionality и наличия в каждом из них дифференцированных процедур.

Вместе с тем если вопросам собирания, проверки, оценки и использования вещественных доказательств в уголовно-процессуальной доктрине уделялось серьезное внимание, им, в частности, посвящен ряд монографических исследований (см., например, кандидатские диссертации Д. А. Лопаткина 2003 г., Ю. В. Худяковой 2006 г., Н. Т. Поповой 2007 г., А. А. Рясова 2008 г., О. Е. Головкина 2015 г., М. Е. Кравченко 2017 г.; докторские диссертации Н. Н. Егорова 2005 г., С. Б. Россинского 2015 г.), то применение вещественных доказательств в контексте межотраслевых связей уголовного процесса крайне мало изучено. А ведь как раз здесь-то и прогнозируются реальные возможности отыскания оптимальных процедур использования вещественных доказательств для повышения эффективности достижения задач уголовного судопроизводства.

Кроме того, в уголовно-процессуальной теории отсутствуют комплексные исследования, посвященные изучению исторических условий и генезиса возникновения, становления и развития межотраслевого правового института ве-

вещественных доказательств; возможностям и конкретным направлениям формирования единой нормативной основы функционирования данного института; целесообразности и вариантам создания системы универсальных процессуальных правил и алгоритмов использования вещественных доказательств, в том числе в сфере уголовного процесса.

Изложенное свидетельствует о высокой актуальности избранной для диссертационного исследования темы.

Научная новизна полученных К. Д. Муратовым результатов заключается в разработке авторской концепции тройственного предназначения комплексного правового института вещественных доказательств в уголовном процессе. Широкий междисциплинарный подход диссертанта позволил впервые выявить и убедительно обосновать значимые характеристики института вещественных доказательств:

во-первых, его проявление в ткани межотраслевого правореализационного процесса, сопровождающееся укреплением на этой основе взаимосвязей процессуальных отраслей отечественного права;

во-вторых, его информационно-доказательственное предназначение, позволяющее при сохранении познавательного потенциала вещественных доказательств применять их в контексте принципа состязательности сторон как для доказывания обвинения, так и для его опровержения с последующим восстановлением нарушенных прав субъектов уголовного процесса;

в-третьих, его компенсационное значение как одного из главных инструментов восстановления прав потерпевших от преступления и собственников объектов, признанных вещественными доказательствами (с. 19—20).

Нестандартный подход К. Д. Муратова к изучению правового института вещественных доказательств позволил автору получить следующие новые теоретические результаты.

Так, в частности, вполне убедителен вывод о формировании в современном уголовном процессе предписаний и процедур использования вещественных доказательств, способных служить основой для конструирования универсальных процессуальных правил их обращения в различных видах судопроизводства. В связи с этим предложены и обоснованы следующие направления и средства унификации в данном ключе правовой категории, регулирующей такие производства:

1) оптимизация отраслевых законодательных моделей и создание условий для нормативного согласования правил обращения вещественных доказательств в разных судопроизводствах;

2) формирование, в контексте принципа состязательности, единых для всех судебных производств правил наложения ареста на имущество и осуществления других судебных процедур решения судьбы вещественных доказательств;

3) определение и фиксация в законе юридических последствий судебных решений, принятых в порядке гражданского, арбитражного, административного судопроизводства в отношении предметов, документов и имущества, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу (с. 22, 104—108).

Для реализации этой перспективной цели К. Д. Муратов разработал и предложил проект Федерального закона «Об обращении вещественных доказательств по уголовным делам и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с. 596—603).

Новые теоретические результаты получены К. Д. Муратовым и при анализе функционирования правового института вещественных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран, что послужило основой для выводов и предложений по совершенствованию УПК РФ. Здесь автором выявлены общие тенденции и особенности правового регулирования обращения вещественных доказательств.

В частности, в странах ближнего зарубежья существуют идентичные правила определения понятия, сущности и разновидностей вещественных доказательств; вариантами решений о судьбе вещественных доказательств являются: возвращение потерпевшему, собственнику или законному владельцу, конфискация; допускается решение вопросов, связанных с вещественными доказательствами, в порядке гражданского судопроизводства.

В то же время существуют специфические условия и основания наложения ареста на имущество физических и юридических лиц; выстроена система юридических гарантий третьих лиц при решении вопросов, связанных с определением судьбы вещественных доказательств; нормативно установлены компенсационные выплаты потерпевшим (УПК Республики Беларусь).

В уголовно-процессуальном законодательстве других стран предметы и документы прямо идентифицируются, с одной стороны, как юридические средства установления фактических обстоятельств совершенного преступления, выявления виновных лиц, а с другой — как средства опровержения обвинения либо смягчения ответственности обвиняемого (УПК Азербайджанской Республики, УПК Республики Армения, УПК Молдовы). Есть примеры правовой регламентации полномочий органов, исполняющих решения властных субъектов уголовного процесса о вещественных доказательствах (УПК Республики Казахстан, УПК Туркменистана, УПК Украины), а также установления ограниченного перечня субъектов принятия процессуальных решений о судьбе вещественных доказательств как до момента разрешения уголовного дела, так и по его завершении (УПК Азербайджанской Республики, УПК Молдовы).

Результатами сравнительно-правового анализа общих тенденций и специфики функционирования института вещественных доказательств в зарубежных странах явилось обоснование К. Д. Муратовым предложений об имплементации ряда правил в УПК РФ. В частности, следует согласиться с выводами о целесообразности укрепления системы гарантий прав и законных интересов физических и юридических лиц — собственников и владельцев потенциальных вещественных доказательств при осуществлении их изъятия, осмотра и приобщения к материалам уголовного дела; об использовании вещественных доказательств для возмещения причиненного ущерба и заглаживания вреда потерпевшим; о законодательной дифференциации вещественных доказательств — в зависимости от их характеристики как обвинительных или оправдательных (с. 22—23, 124—126).

Высокой степенью научной новизны обладает разработанная К. Д. Муратовым теоретическая модель механизма формирования вещественных доказательств при производстве по уголовному делу. Есть все основания поддержать вывод диссертанта, в соответствии с которым данный механизм, продуцируя возможность получения полноценного вещественного доказательства, включает в себя следующие компоненты:

- во-первых, порядок получения вещественного доказательства прямо регламентирован законом;
- во-вторых, этот порядок представлен многофункциональной межотраслевой системой, состоящей из процессуальных и материально-правовых правил определения видов вещественных доказательств;
- в-третьих, он определяет единые алгоритмы решения вопросов о судьбе вещественных доказательств в различных судопроизводствах;
- в-четвертых, данный порядок включает определенную форму защиты прав и законных интересов собственника или законного владельца объектов, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу.

В связи с этим заслуживает положительной оценки генерированная автором система критериев определения эффективности работы упомянутого механизма по формированию и использованию вещественного доказательства в уголовном судопроизводстве. Здесь диссертант различает способность механизма оптимально использовать правовые последствия приобщения к уголовному делу предметов, документов, имущества в качестве вещественных доказательств, исходя из их потенциальной возможности:

- а) нести в себе доказательственную информацию;
- б) способствовать возмещению ущерба;
- в) содействовать восстановлению нарушенного права;
- г) участвовать в обеспечении выполнения задачи изобличения виновных (с. 24—25, 190—191, 197—200).

Предложенная автором теоретическая модель механизма формирования вещественных доказательств представляет ценность и для уголовно-процессуальной науки, и для правоприменительной практики, так как позволяет следователю, прокурору и суду адекватно осуществить оценку и эффективно использовать вещественные доказательства в целях достижения задач уголовного судопроизводства.

Новые научные обретения К. Д. Муратова получены при анализе и систематизации факторов, сопровождающих формирование такой разновидности вещественных доказательств, как электронные носители значимой информации.

В связи с изложенным диссертант обоснованно считает приоритетным: а) учет критериев, позволяющих придать гласности данные предварительного расследования; б) обязательность применения электронных технологий при изъятии и хранении таких вещественных доказательств; в) необходимость защиты интересов субъектов уголовного процесса, в том числе юридических лиц при изъятии электронной информации; г) создание условий надежной охраны изображения человека в виде электронной информации с позиции законодательства об использовании биометрических персональных данных.

Именно исходя из результатов научной интерпретации перечисленных приоритетных факторов К. Д. Муратов предложил и обосновал законодательную модель правовой защиты личной информации, содержащейся на электронных носителях, признанных вещественными доказательствами.

Для этого, с точки зрения автора, надлежит следующее.

А. Установить уголовную ответственность, во-первых, за хищение личных (персональных) данных, корпоративных сведений юридических лиц, которые находятся на изъятых электронных носителях информации, признанных вещественными доказательствами; и во-вторых, за использование изображения лица, находящегося на электронных носителях информации, в противоправных целях.

Б. В уголовно-процессуальное законодательство внести понятие «персональное вещественное доказательство», которое отражает требования федерального законодательства о персональных данных, защите информации, защите биометрических данных.

Положительной оценки заслуживает и факт подкрепления автором своих теоретических новаций проектом норм для их внесения в УПК РФ (с. 25—26, 211—225).

Могут быть в основном поддержаны результаты рациональных усилий диссертанта по формированию современной системы процессуальных решений в сфере использования вещественных доказательств.

В частности, К. Д. Муратов обоснованно включает в эту систему, во-первых, решения об обнаружении и изъятии различных видов вещественных доказательств; во-вторых, решения об осмотре и признании предметов, документов, имущества в качестве вещественных доказательств; в-третьих, решения о приобщении вещественных доказательств.

Данный вывод сопровождается убедительной аргументацией о межотраслевом характере принимаемых здесь процессуальных решений, способствующих достижению задач выявления собственника или владельца изымаемых (изъятых) объектов, а также получению сведений, подтверждающих как характер и размер вреда, причиненного преступлением, так и наличие самой возможности его возмещения потерпевшему от преступления.

Ценным практическим результатом систематизации процессуальных решений в сфере обращения вещественных доказательств по уголовному делу являются предложения автора о совершенствовании в данном аспекте УПК РФ (с. 26—27, 228—230, 239—240).

Отличаются оригинальностью и, в силу предложенной аргументации, являются убедительными оценки и выводы К. Д. Муратова о конкретных вариантах унификации межотраслевой нормативной базы определения вида судопроизводства для принятия решений о хранении, уничтожении, реализации, обращении в доход государства, конфискации и передаче по принадлежности вещественных доказательств (с. 13, 339—340). Эти предложения сопровождаются авторскими проектами Федерального закона «Об обращении вещественных доказательств по уголовным делам и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с. 596—603), а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении нормативных актов о порядке хранения, уничтожения, реализации и возвращения вещественных доказательств по уголовным делам» (с. 603—613).

Обогатили арсеналы уголовно-процессуальной теории новые научные результаты, полученные К. Д. Муратовым при анализе нормативной базы и практики межгосударственного сотрудничества по уголовным делам в части, касающейся использования вещественных доказательств. Здесь убедительны выводы диссертанта о направлениях совершенствования форм такого взаимодействия. Для этого, по мнению автора, надлежит:

а) определить единый перечень процессуальных действий, способствующих обнаружению, изъятию и признанию материальных объектов вещественными доказательствами;

б) согласовать процессуальные полномочия совместных следственных групп, создаваемых для расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных на территориях договаривающихся государств;

в) закрепить в международных договорах о правовой помощи по уголовным делам типовое примечание об универсальных признаках и свойствах передаваемых предметов, позволяющих признать соответствующие объекты вещественными доказательствами, что даст возможность унификации перечня конкретных процессуальных и следственных действий по истребованию, признанию и применению вещественных доказательств при исполнении запроса в порядке взаимной правовой помощи по уголовным делам (с. 32—33, 383—385, 397).

Есть в диссертации К. Д. Муратова и другие новые теоретические выводы, оценки и положения, абсолютное большинство которых в достаточной степени обосновано и снабжено убедительной аргументацией.

Достоверность и обоснованность результатов докторского исследования К. Д. Муратова несомненны и подтверждаются выбранной автором методологией, внушительным теоретическим и нормативным материалом, а также эмпирической базой.

В частности, исследование опиралось на диалектическую методологию, познание правовых явлений уголовного судопроизводства осуществлялось с позиций системного и междисциплинарного подхода, применялись такие общенаучные методы, как логический, исторический, анализ-синтез, аналогия, обобщение, моделирование и другие. Использованы в диссертации и частнонаучные методы, включая специально-юридические (сравнительно-правовой, статистический, социологический, правового прогнозирования), что позволило полно и комплексно провести исследование, сформулировать и обосновать выводы и доказать достоверность его результатов.

Общенаучные и частнонаучные методы познания помогли создать логичную структуру диссертации, использование философских категорий познания при изучении предметов и документов, иных материальных объектов, сохранивших на себе следы преступления, обеспечило выявление конкретных свойств вещественных доказательств и правильное понимание их значения в доказывании по уголовному делу. Исследование правовых явлений и объектов в их взаимосвязи и постоянном развитии гарантировал диалектический метод познания.

Историко-правовой метод позволил автору провести анализ становления и развития института вещественных доказательств и его значения в отечественном уголовном судопроизводстве, а также обоснования этапов формирования системы вещественных доказательств.

Сравнительно-правовой метод обеспечил выявление всего спектра закономерностей развития института вещественных доказательств России в сопоставлении с его зарубежными аналогами.

Системный подход и структурно-функциональный анализ способствовали формированию понимания межотраслевого значения анализируемого института и позволили выдвинуть научные гипотезы и обосновать выводы о законодательных моделях вещественных доказательств, о теоретической модели механизма функционирования их совокупности, выявить единство и варианты дифференциации и показать их межотраслевой характер.

Посредством статистического, конкретно-социологического, а также методов правового прогнозирования, наблюдения, обобщения, социологического опроса, анализа статистических данных и комплекса судебных решений выявлены закономерности существования и работы всей системы вещественных доказательств, что гарантировало широкое обоснование теоретических выводов эмпирическими данными. На этом фундаменте диссертантом выдвинуты убедительные предложения о перспективах научных исследований и направлениях совершенствования законодательства об использовании вещественных доказательств, предложены проекты законов и ведомственных нормативных актов.

Нормативная основа исследования включает Конституцию Российской Федерации, международно-правовые акты, отечественное уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, арбитражное и административное процессуальное, уголовное законодательство, а также уголовно-процессуальное законодательство государств — участников СНГ и стран Балтии, Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ, законодательство ряда иных зарубежных государств.

При подготовке работы использовались постановления Правительства Российской Федерации, ряд международных договоров России о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Эмпирическая основа исследования выдержана с точки зрения репрезентативности данных, сбор которых проводился с 2012 по 2022 г. более чем в 20 регионах России.

Так, изучены и проанализированы: обзоры и справки о практике Верховного Суда Российской Федерации, судов субъектов Российской Федерации, более 650 судебных решений, 550 уголовных дел и материалов досудебных производств, проанкетированы 292 следователя, 221 прокурор, 81 судья.

Существенно добавляют убедительности выводам диссертанта подготовленные им на основе полученных эмпирических данных аналитические комментарии и диаграммы, представленные в приложениях к диссертации (с. 569—588).

Теоретическая основа исследования базируется на фундаментальных знаниях о гносеологическом значении вещественных доказательств как материальных объектов с отраженными следами, признаками и свойствами, а также учитывает общетеоретические положения об их значении в системе доказательств по уголовному делу, в контексте межотраслевых связей в уголовном судопроизводстве. Использованы монографические работы, иные публикации современных авторов в области уголовно-процессуального, уголовного, конституционного и международного права, криминалистики. Изучены и учтены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, решения Европейского суда по правам человека.

Теоретическое значение полученных К. Д. Муратовым результатов заключается в разработке на межотраслевой основе авторской концепции тройственного значения комплексного правового института вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Концепция включает в себя научное обоснование выводов о мощном прояв-

лении данного института в ткани межотраслевого правореализационного процесса, укрепляющего связи процессуальных отраслей отечественного права; о его информационно-доказательственном предназначении, позволяющем, при сохранении познавательного потенциала вещественных доказательств, применять их в контексте принципа состязательности сторон как для доказывания обвинения, так и для его опровержения с последующим восстановлением нарушенных прав субъектов уголовного процесса; о его компенсационном значении как одном из главных инструментов восстановления прав потерпевших от преступления и собственников объектов, признанных вещественными доказательствами.

Полученные с использованием нестандартного подхода результаты исследования дают приращение теоретических конструктов по данной тематике, чем способствуют укреплению доктринальных, а также нормативных (в том числе межотраслевых) основ эффективного использования вещественных доказательств по уголовным делам.

Таким образом, в диссертации К. Д. Муратова предложено и убедительно аргументировано решение важной научной проблемы формирования единых нормативных правил, позволяющих на межотраслевой основе эффективно использовать в уголовном судопроизводстве комплексный институт вещественных доказательств.

Выводы и предложения диссертанта могут служить надежной основой для последующих научных изысканий в данной области.

Практическое значение полученных К. Д. Муратовым результатов состоит в возможностях их использования в правотворческой деятельности, направленной на совершенствование законодательства об обращении вещественных доказательств по уголовным делам. В частности, предложения и рекомендации диссертанта могут способствовать формированию межотраслевых параметров данного института, укреплению единых нормативных основ его функционирования, разработке универсальных процессуальных правил использования вещественных доказательств в различных судопроизводствах, совершенствованию законодательного регулирования системы и процессуальных решений при наложении ареста на имущество и конфискации объектов, признанных вещественными доказательствами, а также при возмещении ущерба потерпевшим и восстановлении нарушенных прав законных владельцев и собственников таких объектов.

В законотворческом процессе могут быть использованы авторские проекты федеральных законов, разработанные К. Д. Муратовым (с. 589—603).

Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть использованы в образовательном процессе по курсу «Уголовный процесс», спецкурсам «Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве», «Исполнение судебных актов», при реализации программы повышения квалификации следователей, прокуроров, судей и адвокатов.

Докторская диссертация К. Д. Муратова содержит совокупность новых научных результатов, имеющих внутреннее единство, в купе свидетельствующих о завершенности работы, ее самостоятельности, а также ценности для уголовно-процессуальной доктрины предложенного автором решения важной научной проблемы.

Представленная К. Д. Муратовым научная работа по своему оформлению и внутреннему содержанию отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат диссертации адекватно отражает главные цели, идеи и выводы автора.

Вместе с тем, как и во всякой фундаментальной монографической работе, охватывающей обширный круг проблем теории и практики, в представленной диссертации имеются спорные, недостаточно аргументированные выводы и положения, продиктовавшие следующие замечания.

1. Вызывает возражения вывод диссертанта о том, что «существует необходимость законодательного урегулирования вопроса о применении вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам при принятии решений судом (ч. 2 ст. 29 УПК РФ, ст. 125 УПК РФ, ст. 165 УПК РФ): при применении мер принуждения; при получении разрешения на производство следственного действия; при ограничении конституционных прав и свобод; при рассмотрении жалоб на процессуальные действия или процессуальные решения, затрагивающие права участников процесса» (с. 27).

Дополнение УПК РФ предписанием о применении вещественных доказательств на досудебном производстве в перечисленных ситуациях избыточно по ряду причин.

Во-первых, суд, принимая решение об ограничении прав участников или рассматривая их жалобы, оценивает все имеющиеся на этот момент доказательства в совокупности (включая, естественно, и вещественные доказательства). Это аксиома уголовно-процессуального доказывания (ст. 17 УПК РФ).

Во-вторых, вещественные доказательства — это совершенно рядовые средства доказывания, изначально равные всем другим источникам судебных доказательств, поэтому акцентировать их приоритетное значение для принятия ряда конкретных судебных решений неправильно по существу, особенно в контексте правила ч. 2 ст. 17 УПК РФ, где сказано: «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

В-третьих, и сегодня суд в состоянии на основе общих правил оценки и использования доказательств вовлечь в процесс доказывания (или отвергнуть) любое (даже вещественное) доказательство при обсуждении и принятии каждого процессуального решения, в том числе на досудебном производстве (ст. 17, 75, 85, 88 УПК РФ).

2. К. Д. Муратов многократно квалифицирует отечественный уголовный процесс как состязательный по своей форме (с. 12, 13, 20, 23, 34 и т. д.), с чем согласиться нельзя, об этом свидетельствуют результаты провалившейся попытки «реформаторов» начала 1990-х гг., сочинивших «нам на беду» Концепцию судебной реформы в Российской Федерации.

Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации этой Концепцией, а затем — группой разработчиков действующего кодекса была навязана чуждая нам идеология либерального толка, резко ослабившая позиции государства в сфере уголовного процесса. Но инфраструктура уголовного судопроизводства выдержала этот удар, она осталась прежней.

Состязательность расцветает махровым цветом на судебном производстве. Да, на досудебном производстве слегка поколеблен баланс разыскных и состязательных начал в пользу последних. И все же досудебное производство исторически сформировалось, и главное, сегодня остается разыскным, где сильная следственная власть, письменность, тайна следствия, ограниченное участие защитника и т. д.

В целом же наш уголовный процесс остается смешанным, подтверждая свою традиционную приверженность континентальной системе права.

3. Автор ратует за «увеличение полномочий стороны защиты по представлению вещественных доказательств», что, по его мнению, «позволит оптимизировать судебную защиту вещественных доказательств» (с. 27).

Во-первых, не вполне понятно, что собой представляет «судебная защита вещественных доказательств»? Может быть, имеется в виду защита с помощью (с использованием) вещественных доказательств?

Во-вторых, предлагается дополнить УПК РФ основанием для обязательного удовлетворения ходатайств участников о приобщении вещественных доказательств, «если предметы, документы и имущество необходимы для формирования правовой позиции сторон о доказывании обстоятельств, значимых для дела» (с. 28).

Позволю себе напомнить автору: в ч. 2 ст. 159 УПК РФ четко и недвусмысленно изложено классическое основание для обязательного удовлетворения ходатайств участников: «...если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела». Значимость конкретных обстоятельств, могущих быть установленными, традиционно определяет следователь или судья.

Если же допустить их обязанность удовлетворять ходатайства участников «для формирования правовой позиции» последних, то с уверенностью можно прогнозировать такие негативные последствия для выполнения задач уголовного процесса, как злоупотребление правами, искусственное затягивание сроков производства и т. п.

4. На основе авторской классификации процессуальных решений, принимаемых в сфере использования вещественных доказательств, диссертантом сформирована логичная их система, отражающая последовательность действий властных субъектов уголовного процесса по вовлечению и применению материальных объектов в производстве по делу. Это решения по обнаружению, изъятию, осмотру, признанию, приобщению и хранению вещественных доказательств» (с. 26, 228).

Вместе с тем в этой системе должны были найти свое самостоятельное место процессуальные решения, определяющие судьбу объектов, признанных вещественными доказательствами. Эти решения регламентированы УПК РФ, они принимаются как на досудебном производстве, так и при рассмотрении уголовного дела по существу.

5. Не вполне убедительно предложение автора о привлечении суда к решению о признании вещественными доказательствами любых материальных объектов, принадлежащих юридическим лицам (с. 28).

Реализация этого предложения резко усилит бюрократизацию данной процедуры, отнюдь не гарантируя обжалования такого решения, принятого с участием суда. К тому же сегодня у субъектов, не согласных с решением о признании вещественными доказательствами принадлежащих им объектов, есть право обжаловать его в порядке ст. 125 УПК РФ в суде.

Более целесообразен оправдавший себя на практике единый правовой режим признания вещественными доказательствами любых предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, вне зависимости от разновидности их законного владельца или собственника.

6. В целом структура диссертации в достаточной мере выдержана с точки зрения логики и архитектоники. Однако она могла бы быть и более совершенной при упорядочении расположения разделов, посвященных решениям о вещественных доказательствах.

Так, проблемам принятия решений посвящена целиком глава 3 работы. Они же обсуждаются и в параграфе 2.5 главы 2, где речь идет о правовом режиме применения вещественных доказательств.

В то же время если самостоятельная глава 3 повествует о судебных решениях на протяжении всего производства по уголовному делу, то в содержании параграфа 2.5 главы 2 говорится лишь о досудебном уголовном производстве.

Таким образом, в целях гармонизации структуры диссертации было бы правильно включить параграф 2.5 главы 2 в главу 3, добавив в его наименование «...в досудебном уголовном производстве».

Высказанные замечания в основном касаются дискуссионных вопросов и не влияют на главный вывод и положительную оценку диссертации.

Обсуждаемая работа является законченным, цельным монографическим исследованием сложной и важной в теоретическом и практическом отношении темы.

К. Д. Муратовым на основании выполненных исследований разработаны теоретические положения, в совокупности позволившие автору предложить решение крупной научной и практической проблемы повышения эффективности использования вещественных доказательств при производстве по уголовным делам.

По своей актуальности, методологии и методике исследования, научной новизне, глубине проработки проблемы, самостоятельности, обоснованности и достоверности теоретических выводов и рекомендаций диссертация «Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве» отвечает требованиям, установленным п. 2 Порядка присуждения ученых степеней в ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» от 17.02.2020 № 0.1.1.67-08/22/20, и соответствует паспорту научной специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки, а ее автор Константин Дмитриевич Муратов заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России. Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, дей-

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристрастный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ствующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
 _____
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.